

Переводческий дискурс: междисциплинарный подход

Материалы
X международной
научно-практической конференции

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2026

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Институт филологии
Крымское отделение Союза переводчиков России
ГБУК РК «Крымская республиканская универсальная научная библиотека
им. И. Я. Франко»

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ДИСКУРС: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

Материалы X юбилейной международной
научно-практической конференции

*Симферополь
28–29 апреля 2026 года*

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2026

УДК 81'25
ББК 81.2–7
П 27

Главный редактор д. филол. н., доц. М. В. Норец

Редакционная коллегия

д. филол. н., проф. А. Д. Петренко (Симферополь, Россия)
д. филол. н., проф. С. А. Кочетова (Горловка, Россия)
д. филос. н., проф. О. Р. Демидова (Санкт-Петербург, Россия)
д. филол. н., проф. Г. И. Лушникова (Ялта, Россия)
д. филол. н., проф. О. В. Резник (Симферополь, Россия)
д. филол. н., проф. М. Г. Меркулова (Москва, Россия)
д. культурологии, доц. О. Б. Элькан (Санкт-Петербург, Россия)

П 27 **Переводческий дискурс: междисциплинарный подход:**
материалы X юбилейной международной научно-практической
конференции, Симферополь, 28–29 апреля 2026 г. / гл. ред.
М. В. Норец. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2026. – 242 с.

ISBN 978-5-908161-05-3

В сборнике представлены доклады участников X юбилейной международной научно-практической конференции «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход», которая проводилась в г. Симферополь 28–29 апреля 2026 г. Рассмотрены актуальные проблемы теории и практики перевода, современного литературоведения, вопросы методики преподавания иностранных языков и переводоведческих дисциплин, культурологические и философские аспекты перевода и научно-библиографической деятельности библиотек.

Сборник печатается в авторской редакции. За содержание статей, использование систем генерации текста, достоверность данных, цитат, имен и названий ответственность несут авторы публикаций. Редколлегия не всегда разделяет взгляды авторов.

УДК: 81'25
ББК: 81.2–7

ISBN 978-5-908161-05-3

© Коллектив авторов, текст, 2026
© Н. К. Норец, верстка, дизайн, 2026
© ИТ «АРИАЛ», макет, оформление, 2026

УДК 81'255.2

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА ПЕРВОГО «ГРОМОВОГО» СЛОВА В РОМАНЕ «НА ПОМИНЕ ФИННЕГАНОВ»

Д. А. Анфиногенов¹,

обучающийся магистратуры, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация: Статья анализирует «громовые» слова (гекатограммы) в *Finnegans Wake* Джеймса Джойса, их многослойную природу (фонетическую, семиотическую и интертекстуальную) и проблемы перевода на русский язык. Особое внимание уделено переводу А. Рене, который с помощью лексико-семантической замены, культурной адаптации и компенсации успешно передает смысл, форму и дух оригинала, в отличие от частичного «переложения» Анри Волохонского. Работа подчеркивает необходимость функциональной реконструкции текста для адекватного восприятия русскоязычным читателем.

Ключевые слова: на помине Финнеганов, «громовое» слово, оноματοпея, перевод.

Summary: The article analyzes the “thunderwords” (hecatograms) in James Joyce’s *«Finnegans Wake»*, their multilayered nature (phonetic, semiotic, and intertextual), and the challenges of translating them into Russian. Special attention is given to A. Rene’s translation, which successfully conveys the meaning, form, and spirit of the original text through lexical-semantic substitution, cultural adaptation, and compensation, unlike Anri Volokhonsky’s partial translation. The study emphasizes the necessity of functional reconstruction of the text for adequate reception by Russian-speaking readers.

Key words: *Finnegans Wake*, thunderword, onomatopoeia, translation.

Джеймс Джойс до сих пор остаётся одной из главных загадок литературы эпохи модернизма, и вряд ли когда-либо перестанет ей быть. Как писал знакомый Дж. Джойса Фрэнк Баджен о стиле этого автора: «...in his early years in Dublin Joyce lived among the believers and adepts in magic gathered round the poet Yeats. Yeats held that the borders of our minds are always shifting, tending to become part of the universal mind, and that the borders of our memory also shift and form part of the universal memory. This universal mind and memory could be evoked by symbols... Joyce added that in his own work, he never used the recognized symbols, preferring instead to use trivial and quadrivial words and local geographical allusions. The intention of magical evocation, however, remained the same» [4, с. 541].

«Громовые» слова это десять окказиональных слов: девять сто буквенных и одно, состоящее из ста и одной буквы, что в сумме даёт 1001 букву, и отсылает к известному сборнику восточных сказок. Исследователи называют их «громовыми» словами (англ. thunderwords), поскольку их звукопись чаще всего имитирует гром, стук или кашель. Помимо этого, ассоциация с громом, заложенная в этих словах, отсылает к труду итальянского философа Джамбаттиста Вико (1668 – 1744) «Основания новой науки об общей природе наций», где изложено его видение того, как развиваются цивилизации. Первый этап развития начинается с того, что Бог загоняет людей в пещеры посредством грома. Вико утверждает, что человек

¹ Научный руководитель: д.филол.н., доцент М. В. Норец

научился речи у грома, и от него же приобщился к знанию. Кроме того, «громовые» слова в романе часто появляются там, где в контексте присутствует «падение», например, интересующее нас слово появляется сразу же после того, как рассказано о том, как носильщик кирпичей по имени Финнеган падает с лестницы во время строительства стены и умирает, после чего следуют его поминки, англ. wake. Идея Дж. Джойса состояла в том, чтобы с помощью «громовых» слов сказать, что человек «падает» в цивилизацию [5, с. 25].

Чтобы избежать повторений при обозначении «громовых» слов мы также используем термин «гекатограмма», которое, в отличие от первого термина, фокусируется исключительно на формальной стороне явления, на количестве букв, оставляя содержание без внимания, но при этом является сращением в одно слово, что имитирует важнейший метод словотворчества Дж. Джойса. В англоязычных источниках распространён термин «thunderword» в одно слово, однако в русскоязычной литературе, насколько нам известно, устоявшаяся терминология ещё не выработана. В рамках языковой игры мы предлагаем будущим исследователям и всем заинтересованным в продуктивном научном диалоге также варианты «громослово», «гекатограмма».

Однако дополнительная сложность перевода заключается в том, что природа гекатограмм не сводится к звукоподражанию. Они включают узнаваемые семантические элементы, что ставит перед переводчиком двойную задачу: передать как оноματοпоический, так и смысловой компонент, понимаемый здесь как совокупность семиотического и этимологического эффектов. При этом принципиально важно сохранить точную длину (100 и 101 буква), чтобы не утратить аллюзию на «Тысячу и одну ночь». *Finnegans Wake*, на наш взгляд, требует «со-творения» в переводе, иначе послание Джойса остаётся без ответа для русскоязычного читателя. Поэтому последним и одним из ключевых критериев адекватного перевода мы считаем культурную адаптацию – не локализацию, а функциональную реконструкцию сложности оригинала.

Таким образом, сперва последует семиотически-этимологический анализ отдельных сегментов интересующей нас гекатограммы, затем такой же анализ мы проведём в отношении этого слова в переводе А. Рене. Выбор данного перевода обусловлен тем, что А. Рене создал первый полный перевод романа на русский язык, а также наиболее полную аннотацию к нему на русском языке. Мы сравним подход и интенцию А. Рене с таковыми у более раннего переводчика романа Анри Волохонского, а также самого Дж. Джойса и сделаем выводы об адекватности переводов по всем выделенным нами критериям.

В оригинальном тексте первое «громовое» слово выглядит следующим образом:
«bababadalgharaghtakamminarronkonnbronntonnerronntuonnthunntrovarrhoun
awnskawntooohooordenenthurnuk». [6, с. 3]

Исследователь творчества Дж. Джойса Роланд Макхью в своей работе приводит следующую аннотацию к данному фрагменту: «J kaminari: thunder; Hin karak: thunder; Gr brontaô: I thunder; F tonnerre: thunder; It tuono: thunder; Sw åska: thunder; I tórnach: thunder; Port trovão: thunder; Old Rum tun: thunder; Da todenen: the thunder;» [7, с. 3], где J – японский, Hin – хиндустани, Gr – греческий, I – ирландский, F – французский, It – итальянский, Sw – шведский, Port – португальский, Old Rum – старорумынский, Da – датский языки.

Таким образом, на основе этого анализа мы можем приблизительно сегментировать данное «громовое» слово так:

Bababadal-gharaghta-kamminar-ronnkonn-bronn-tonnerronn-tuonn-thunn-trovarrhoun-awnskawn-toohooorderenen-thurnuk.

Где курсивом выделены сегменты, которые напрямую соотносятся с аннотацией. При этом, -bronn-tonn- может быть единым сегментом, или одновременно и единым и частями соседних сегментов, на том основании, что греческое слово bronton означает «громовержец» и используется как один из эпитетов Зевса (Ζεὺς Βροντῶν).

Однако в аннотации Р. Макхью остаётся нерасшифрованным первый сегмент, а также сегмент -ronnkonn- в середине. В -Bababadal- можно выделить буквы -al- + -baba-, которые, вероятно, репрезентуют весьма важный в контексте романа мотив Али Бабы, уже зафиксированный во многих фрагментах другими исследователями, в том числе в работе «Third Census of Finnegans Wake» за авторством Адалин Глашин (Adaline Glasheen). Кроме того, нельзя не заметить здесь замаскированного слова Babel, the Tower of Babel, «вавилонская башня» – один из ключевых мотивов романа. Также в упомянутой работе А. Глашин есть заметка о слове babbo, так, на итальянский манер (разг. ит. babbo – «папа»), Дж. Джойса прозвали его дети [5, с. 21]. В ирландском слово bád означает «лодка», таким образом данный фрагмент может также отсылать к мотиву Ноева ковчега. Наконец, в хинди слово baadal означает «облако», что может создавать образ находящихся туч, посланных Богом перед громом, так как это первое «громовое» слово, а тройное повторение ba может указывать на заикание, присущее главному герою НСЕ (Humphrey Chimpden Earwicker; Here Comes Everybody), или ГЗВ (Горемыка Закутила Вертоухов; Гуляют. Здесь Всякие), в переводе А. Рене.

Касательно же сегмента -ronnkonn- мы имеем следующие предположения: в уэльском taran означает «гром», в гэльском rabhán /rawa: n/ означает «спазм, внезапный всплеск», в бретонском kurun означает «гром». Также, если объединить сегмент -konn- со следующим -bronn-, он может отсылать к мотиву Камбронна, французского генерала, согласно легенде, нецензурно выругавшегося после поражения в битве при Ватерлоо.

Разумеется, ни одну из этих интерпретаций нельзя считать единственно верной. В случае «Finnegans Wake» сам поиск окончательного смысла противоречит авторскому замыслу. Тем не менее, комплексный

анализ позволяет утверждать, что первое «громовое» слово воздействует на внимательного читателя на трёх уровнях: лингвистическом (этимологическом и фонетическом, включая оноματοпею), семиотическом (соотнесённость с мотивами романа) и интертекстуальном (уровень реминисценций).

Обратимся теперь к переводу А. Рене. Первое «громовое» слово в нём выглядит так: «разразразевесокрушименятешубуккоторрпаррджаньяфаитиритиниявависюгэтойоншангоаокамамарагангръммълонья» [3, с. 3].

Сегментированная версия будет выглядеть следующим образом: Разраза(з)еве(с)окруши-меня-тешуб-укко-торр-паррджанья-фаитири-тиния-вави-сюгэтойон-шанго-аока-мамараган-гръм-мълонья.

В скобках обозначены буквы, входящие одновременно в оба соседних сегмента. Мы можем подкрепить такую интерпретацию переводческим комментарием А. Рене: «Этот набор букв представляет собой звукопись раската грома. В соответствии с теорией Вико, удар грома начинает цикл истории, прогоняя людей из полей в пещеры. В оригинале слово составлено из тринадцати слов, означающих "гром" на различных языках. В переводе использованы имена различных богов грома: Зевес – Зевс, др.-греч. бог грома; Тешуб – хурритский бог грозы, почитавшийся во всей Малой Азии; Укко – громовержец в карело-финской мифологии; Тор – бог грома и молнии в скандинавской мифологии; Парджанья ("грозовое облако") – эпитет Индры, ведийского и индуистского громовержца; Фаитири – богиня грома у новозеландских маори; Тиния – этрусский громовержец; Сюгэ тойон ("господин топор") – бог грома в якутской мифологии; Шанго – дух грома и молнии в религии йоруба; Аока – бог громов у индейцев сиу; Мамараган – дух молний в мифологии австралийских аборигенов; молонья – местное название молнии» [3, с. 3]. Хотя данный комментарий достаточно исчерпывающ, мы считаем необходимым обратить также внимание на неуказанные здесь, но всё же учтённые автором перевода, особенности. Так, сегмент -kopnbropp- передан А. Рене как -гангръм- с сохранением всех трёх уровней подобия оригиналу: фонетического, семиотического и интертекстуального, при этом без ущерба присущей данному переводу культурной адаптации, своеобразного духа «славянства» через использование болгарского «гръм», гром. Роль сохранения трёх уровней подобия играет и сегмент -вави-, спрятанный в середине слова и отсылающий к мотиву Вавилонской башни.

Таким образом, придерживаясь типологии переводческих трансформаций В. Н. Комиссарова, мы можем определить, что А. Рене использовал лексико-семантическую замену, культурную адаптацию и компенсацию. Перевод не стремится к буквализму, а наоборот, ставит целью передать функционально-мотивный аспект текста оригинала. Ему удалость соблюсти все установленные нами критерии адекватности перевода данного слова.

Для сравнения рассмотрим более раннее частичное «переложение», как его назвал автор Анри Волохонский, озаглавленное «Уэйк Финнеганов». В тексте А. Волохонского первое «громовое» слово выглядит так: «бабабадалгарагтакамминарроннконнброннтоннерроннтуоннтаннтроварро унаунскаунтухухурденентернак» [1, с. 1].

Автор «переложения» прибегнул к транскрипции, чем, тем не менее, выполнил по крайней мере четыре из установленных нами критериев адекватности перевода данного слова: А. Волохонский смог сохранить лингвистический, интертекстуальный, и частично семиотический эффекты слова, но не использовал культурную адаптацию. Кроме того, А. Волохонским не сохранено необходимое количество букв, их насчитывается только 92.

В заключение можно отметить, что перевод первой гекатограммы *Finnegans Wake*, выполненный А. Рене, в полной мере соответствует выделенным нами критериям адекватного перевода. Учитывая исключительную сложность гекатограмм как многослойных полиморфных конструкций, этот перевод можно считать одним из наиболее успешных примеров их интерпретации. Он передаёт смысл и экспериментальный дух оригинала, воспроизводя его оноματοпеический, семиотический и интертекстуальный эффекты и одновременно вводя необходимый для русскоязычного читателя культурный слой. Тем самым перевод наглядно демонстрирует, что язык *Finnegans Wake* поддаётся «переводу» лишь через создание нового «языка внутри языка», занимая важное место в русской рецепции Джойса и закладывая основу для дальнейших исследований «громовых» слов и иных экспериментальных структур романа.

Список использованных источников

1. Волохонский А. Уэйк Финнеганов [Электронный ресурс] // Веб-сайт James-Joyce.ru. – <https://james-joyce.ru/works/anri-volhonskiy-text.htm> (дата обращения 29.01.2026).
2. Норец М. В. Жанр и перевод: современный взгляд / М. В. Норец // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация: Материалы VII международной междисциплинарной научной конференции, Симферополь, 25–26 ноября 2022 г. – С. 539-546. – EDN RSRHYR.
3. Рене А. На помине Финнеганов [Электронный ресурс] // Самиздат. – 2016. – https://samlib.ru/r/rene_a/111.shtml (дата обращения 29.01.2026).
4. Budgen F. Further Recollections of James Joyce [Electronic Resource] // Partisan Review, 1956. – Mode of access: URL: <https://www.bu.edu/partisanreview/books/PR1956V23N4/HTML/files/assets/basic-html/page100.html> (дата обращения 29.01.2026).
5. Glasheen A. Third Census of Finnegans Wake [Electronic Resource] // University of California Press, 1977. – Mode of access: URL: <https://archive.org/details/thirdcensusoffin0000glas/page/n7/mode/2up> (дата обращения 29.01.2026).
6. Joyce J. Finnegans Wake [Electronic Resource] // Faber & Faber, 1939. – Mode of access: URL: https://www.telelib.com/authors/J/JoyceJames/prose/finneganswake/finneganswake_0101.html (дата обращения 29.01.2026).

7. McHugh R. Annotations to Finnegans Wake [Electronic Resource] // Johns Hopkins University Press, 2006. – Mode of Access: URL: <https://archive.org/details/annotationstofin0000mchu/page/n9/mode/2up> (дата обращения 29.01.2026).

УДК 81`25

АРХАИЗМЫ В БАСНЯХ И. А. КРЫЛОВА И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕДАЧИ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

М. В. Баканова,

кандидат педагогических наук, доцент,

Пензенский государственный университет, Пенза

Аннотация: В статье проводится анализ архаичной лексики в произведениях И. А. Крылова и приемы ее передачи на английский язык. Определяются виды архаизмов в баснях И. А. Крылова. Исследуются приемы передачи выявленных устаревших лексических единиц на английский язык. На основе проведенного анализа делается вывод о том, что при передаче архаизмов и других устаревших форм в англоязычных переводах чаще всего наблюдается тенденция к их нейтрализации или модернизации.

Ключевые слова: архаизм, устаревшая лексика, переводческие трансформации, нейтрализация, модернизация.

Summary: The article analyzes archaic lexical units in the works of I. A. Krylov and the techniques of its translation into English. The types of archaisms in I. A. Krylov's fables are determined. The techniques of transferring the identified obsolete lexical units into English are investigated. It is concluded that there is a tendency to neutralize or modernize archaisms and other obsolete forms when translating from Russian into English.

Key words: archaism, obsolete lexical units, translation transformations, neutralization, modernization.

Анализ архаичной лексики в баснях И. А. Крылова представляет собой плодотворную область исследования, позволяющую изучить взаимодействие языковой эволюции и художественного творчества. Использование архаизмов не является случайным, а представляет собой осознанный стилистический приём, направленный на достижение конкретных художественных целей. Многоаспектный характер этих целей обуславливает необходимость рассмотрения архаизмов с точки зрения их лексических, семантических, фонетических и морфологических особенностей [2, с. 24].

Классификация архаизмов, встречающихся в баснях И. А. Крылова, может быть проведена на основе различных критериев. Так, лексические архаизмы представляют собой слова, полностью вышедшие из употребления и замещённые современными синонимами, например, замена слова «очи» на «глаза». Семантические архаизмы характеризуются сохранением слова в современном языке, но с изменением его семантического объёма. В качестве примера можно привести слово «живот», имеющее в баснях значение «жизнь», в отличие от современного значения, связанного с органом пищеварения. Фонетические архаизмы

отражают устаревшие особенности произношения, как, например, использование формы «*злато*» вместо современной «*золото*». Морфологические архаизмы проявляются в употреблении устаревших грамматических форм, таких как «*древо*» вместо современного «*дерево*».

Функции архаизмов в баснях И. А. Крылова многообразны и взаимосвязаны. Стилистическая функция заключается в создании определённой стилистической окраски текста. Использование архаизмов позволяет автору имитировать интонацию народной речи, придавая басням аутентичность и фольклорную окраску [3, с. 163].

В других случаях архаизмы усиливают иронический или сатирический эффект. Например, в басне «Свинья под Дубом» архаичное слово «чрево» подчёркивает аллегию невежества и корыстолюбия [1, с. 316].

Культурно-историческая функция архаизмов связана с их способностью передавать культурный код эпохи. Использование зооморфных образов, наделенных архаичными коннотациями, отсылает читателя к устойчивым культурным стереотипам. Образ льва, например, как символа царской власти, несёт в себе архаичные коннотации, восходящие к средневековым бестиариям. В басне «Ворона и Лисица» использование церковнославянизмов, таких как «взгромоздась», усиливает пародийный эффект и подчёркивает контраст между внешним великолепием и внутренней пустотой персонажа.

И. А. Крылов не просто использовал устаревшие элементы, а часто трансформировал их, создавая новые художественные эффекты. Например, в басне «Дуб и Трость» устаревшие формы глаголов, такие как «*преклонися*», контрастируют с новаторской трактовкой сюжета.

Некоторые исследователи считают, что И. А. Крылов имитировал архаику для создания «псевдонародного» стиля. В отличие от Ж. де Лафонтена, у И. А. Крылова архаизмы служат не декоративным целям, а становятся инструментом социальной критики. Архаизмы в баснях русского писателя сохраняют этнолингвистическую идентичность русского языка и служат материалом для изучения эволюции языковых норм (напр., переход от «*сей*» к «*этот*»).

Приступая к анализу передачи архаизмов и других устаревших форм в английских переводах басен И. А. Крылова, следует отметить, что основной стратегией является их нейтрализация или модернизация. Переводчики, стремясь к достижению коммуникативной эквивалентности и обеспечению адекватного восприятия текста иноязычным читателем, зачастую жертвуют историко-стилистическим колоритом оригинала ради понятности и гладкости изложения.

Материалом для исследования послужили опубликованные переводы на английский язык, выполненные различными переводчиками, среди которых Вагапов А. С., Гивенталь А. Б., Гурвич В. А., Даниэльс Г., Думер О., Коксуэлл Ч. Ф., Козлов С. Л., Ньюмарч Р., Пэйрс Б. и другие.

Одним из наиболее частых приемов передачи архаизмов в баснях Крылова И. А. является модуляция, или смысловое развитие. Так, устаревшая форма глагола «*умти*» в идиоме «*Как музыке умти?*» преобразуется в варианты, смещающие фокус с действия на результат или состояние: «*The music would not flow*» (О. Думер) или «*concert... was certain to sound queer*» (Р. Ньюмарч). Похожий прием наблюдается при переводе архаизма «*ныне*», смысл которого («*всё еще*») не передается прямым эквивалентом, а интегрируется во фразу через модуляцию: «*still there*» (Г. Дэниелс, Ч. Ф. Коксуэлл) или «*still there today*» (Неизвестный автор). Интересный случай модуляции – перевод повелительного наклонения «*приметьте*» конструкцией с модальным глаголом «*could notice*» (В. А. Гурвич), что заменяет приказ на возможность. Также классическим примером модуляции является замена процесса его результатом в переводе оборота «*твердили миру*» как «*this truth... is graven*» (Ч. Ф. Коксуэлл).

Выражение «*в ослепенье*» из «Свиньи под Дубом» у Л. Гивенталь и Э. Уилсон-Егольф заменяется на «*in defiance*». Происходит модуляция и замена метафоры интерпретацией мотива, а у А. Вагапова – «*in the same arrogant way*» – тоже модуляция, но метафора заменена описанием манеры.

Широко применяется контекстуальная замена и модернизация, когда устаревшая лексема заменяется современным синонимом. Это касается союзов, таких как «*коль*» («*if*») и «*чтоб*» («*to*», «*so*»), а также глагола «*сыскал*», который передается современными эквивалентами «*I've found a plan*» или «*I know the secret!*». В эту же группу можно отнести перевод архаичной формы «*вторы*» как «*the second*» (Ч. Ф. Коксуэлл). Последнее является прямой модернизацией.

В ряде случаев переводчики прибегают к генерализации, заменяя конкретное устаревшее понятие более общим. Например, архаичное «*питье*» упрощается до нейтрального «*water*», полностью утрачивая разговорный оттенок. Слово «*молва*» с его книжным оттенком передается общим «*news*», а архаичное «*того*» – нейтральными «*someone*» или «*a thing*», что стирает специфический колорит оригинала. Характерный фольклорный оборот «*За тридевять полей*» из «Осла и соловья» В. Гурвич упрощает до «*Took wing / And flew away*».

Противоположный прием – конкретизация – встречается реже. Например, устаревший инфинитив «*привесть*» (в значении «привести в порядок») переведён как «*choose the proper seats!*» (О. Думер) в контексте басни «Квартет». Слово «*ученье*» из басни «Мартышка и очки» с его широким и несколько устаревшим оттенком переводчики конкретизируют: Л. Гивенталь и Э. Уилсон-Егольф пишут «*scientists and science*», а А. С. Вагапов – «*studies and science*».

Особого внимания заслуживают случаи компенсации и экспликации, когда переводчик пытается восполнить утраченный стилистический или семантический оттенок. Например, фразу «*За тридевять полей*», которая передает идею большого расстояния, Г. Дэниелс репрезентует через

экспликацию и компенсацию «*Took wing and flew far, far away*», но тон и стилистика вновь утрачена.

Вернёмся к лексеме «второй». Р. Ньюмарч не просто заменяет слово, а добавляет лексический компонент «*my worthy second*», компенсируя важность термина. Еще более яркий пример – перевод Неизвестного автора – «*secundo's face*», который является попыткой культурной адаптации и компенсации утраченного музыкального термина.

Добавление определений «*good*» или «*joyous*» к слову «*news*» при переводе «молвы» – это экспликация, раскрывающая позитивную коннотацию оригинала. Глагол «примолвил» у Л. Гивенталь и Э. Уилсон-Егольф передаётся через экспликацию: «*exclaimed with scorn*». А. С. Вагапов выбирает путь генерализации – «*said*». Однако архаичность в обоих случаях сглаживается.

Таким образом, общей тенденцией перевода архаизмов является стремление к коммуникативной эквивалентности, что часто приводит к нейтрализации или частичной утрате историко-стилистического колорита, экспрессивности и национально-культурной специфики оригинала, особенно при передаче архаизмов. Переводчики, стремясь к достижению коммуникативной эквивалентности, зачастую жертвуют историко-стилистическим колоритом оригинала.

Список использованных источников

1. Григорьев В.П. Поэтика слова. – М.: Наука, 1979. – 343 с.
2. Cannon A. The Origins of the Russian Collection at the Library of Congress (1800–1906) [Electronic Resource] // Slavic & East European Information Resources. 2014. – Mode of access: URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/15228886.2014.886350> (дата обращения: 25.12.25).
3. Tjabs I. Learning to laugh: satire and political thought in the Latvian “National Age” [Electronic Resource] // Journal of Baltic Studies. 2019. – Mode of access: URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01629778.2018.1479281> (дата обращения: 12.12.25).

УДК 811.111'373.7:070

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Е. А. Бармина,

кандидат филологических наук, доцент,

И. В. Гунько,

*обучающаяся магистратуры, Институт филологии, Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена анализу фразеологизмов с компонентом-зоонимом и их функциональной роли в англоязычных текстах средств массовой информации. Зооморфные фразеологизмы представляют собой одну из наиболее образных и культурно нагруженных групп устойчивых выражений, активно используемых в медиадискурсе для создания экспрессии, оценки и воздействия на аудиторию. В работе рассматриваются теоретические основы фразеологии, основные типы английских фразеологизмов с компонентом-зоонимом и их функции в медиадискурсе, выявляемые на материале публикаций ведущих англоязычных СМИ. Материалом исследования послужили тексты изданий BBC, The Guardian, The New York Times, The Washington Post, Bloomberg, Financial Times, Politico и других. Анализ показывает, что зооморфные фразеологизмы несут комплексную прагматическую нагрузку, включая оценочную, экспрессивную, характерологическую, манипулятивную и номинативную функции. Делается вывод о значимости зоометафор для формирования интерпретации событий, структурирования медиасообщений и влияния на общественное мнение.

Ключевые слова: фразеологизм; зооним; зоометафора; медиадискурс; англоязычные СМИ.

Summary. The article is devoted to the analysis of phraseological units with a zoonym component and their functional role in English-language media texts. Zoomorphic phraseological units are one of the most vivid and culturally loaded groups of set phrases actively used in media discourse to enhance expressive potential, evaluate and influence the audience. The study discusses the theoretical foundations of phraseology, identifies the main types of English phraseological units with a zoonym component and their functions in English media discourse. The research material includes texts from The BBC, The Guardian, The New York Times, The Washington Post, Bloomberg, Financial Times, Politico and other publications. The analysis shows that zoomorphic phraseological units perform a complex set of pragmatic functions, including evaluative, expressive, characterological, manipulative and nominative. The conclusion is made about the importance of zoometaphors for shaping the interpretation of events, structuring media messages and influencing public opinion.

Key words: phraseological unit; zoonym; zoometaphor; media discourse; English-language media.

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом занимают особое место в системе устойчивых выражений английского языка. Они обладают высокой степенью образности, культурной символичности и эмоциональной насыщенности, что делает их востребованными в современных текстах средств массовой информации. В условиях конкуренции за внимание аудитории журналисты активно используют выразительные языковые средства, способные быстро формировать интерпретацию событий и воздействовать на читателя. Зооморфные фразеологизмы, благодаря своей

узнаваемости и метафорической насыщенности, становятся одним из ключевых инструментов медиариторики.

Фразеологизм традиционно определяется как устойчивое воспроизводимое сочетание слов, обладающее целостным значением. Данное понятие отображено в трудах многих отечественных филологов, таких как Н. М. Шанский [5], В. В. Виноградов [1] и А. В. Кунин [2], М. В. Норец [3].

Зооним, включенный в состав фразеологизма, представляет собой название животного, которое несет устойчивые культурные ассоциации. Самым распространенным определением термина «зооним» является определение, данное Н. В. Подольской в «Словаре русской ономастической терминологии»: «Зооним – это собственное имя (кличка) животного, в том числе домашнего, содержащегося в зоологическом саду, «работающего» в цирке, в охране, подопытного или дикого (например, Мухтар, Найда, Гнедой)» [4, с. 60].

Символика животных в английской культуре отличается устойчивостью и глубокой укорененностью, что связано с длительной историей сосуществования человека и животного мира. На протяжении веков животные занимали важное место в быту, мифологии, религиозных представлениях и коллективном опыте, поэтому люди неизбежно наделяли их чертами, отражающими собственные представления о характере и поведении. В результате зоонимы стали культурными знаками, способными передавать сложные смыслы в компактной и легко узнаваемой форме. В медиадискурсе такие ассоциации активно используются: зооморфные фразеологизмы помогают журналистам быстро создавать выразительные образы, усиливать оценочность и направлять интерпретацию событий. Благодаря своей понятности и образности зоометафоры становятся эффективным инструментом воздействия на аудиторию и формирования медиальной картины мира.

В ходе исследования были выделены основные группы английских зооморфных фразеологизмов, наиболее часто встречающиеся в медиатекстах: выражения с компонентами, обозначающими домашних животных (*cash cow, dark horse, a bull in a china shop, bull market, a dog's breakfast/dinner, a dead cat bounce*), диких животных (*lone wolf, paper tiger, a (political) chameleon, the elephant in the room, to open a can of worms, to smell a rat*), птиц (*lame duck, sitting duck, a black swan event*), а также мифических животных (*a unicorn*).

Данные фразеологические единицы выполняют следующие функции в текстах СМИ:

1. Оценочная функция. Проявляется в маркировке политиков, компаний или социальных групп.

Так, в политическом обзоре *The Guardian* уходящий президент описывается как *a lame duck president* (букв. «хромая утка»), что подчеркивает его слабое влияние и снижение политического веса на

международной арене: «*After Sunday's bombshell decision not to seek re-election, Joe Biden still has six months left as the US president and commander-in-chief, and foreign leaders could be expected to write off the American president as a lame duck*» [8].

В экономической статье *Bloomberg* технологические корпорации характеризуются как *a cash cow* (букв. «денежная корова»), что создает образ стабильного и надежного источника прибыли, на который инвесторы могут опираться в условиях рыночной неопределенности: «*Cash Cows of US Tech Will Challenge the Rotation Trade*» [10].

2. Экспрессивная функция. Направлена на усиление эмоционального воздействия текста.

В материале *The New York Times* Дональд Трамп сравнивается с *a bull in a china shop* (букв. «бык в магазине фарфора»; как слон в посудной лавке), что усиливает эмоциональную окраску критики и подчеркивает разрушительный характер его действий: «*I'd say he's like a bull in a china shop, but at 104 percent, I can't afford to say that, "Desi Lydic said of President Trump on "The Daily Show" [22].*

В статье *The Independent* выражение *to smell a rat* (букв. «почуять крысу») используется для передачи атмосферы подозрительности и скрытого заговора, вовлекая читателя в ощущение интриги и недоверия: «*Trumpworld smells a rat. Has someone in his inner circle flipped?*» [19].

В другом материале *The Independent* фразеологизм *a dog's breakfast/dinner* служит для эмоционально окрашенной критики последствий Brexit, подчеркивая хаос и некомпетентность в управлении ситуацией: «*Brexit has made a dog's breakfast of our holidays*» [9].

3. Характерологическая функция. Связана с созданием образа персонажа или группы.

В публикации *Politico* неожиданное назначение Тулси Габбард на должность директора национальной разведки описывается через фразеологизм *a dark horse* (букв. «темная лошадка»), что формирует образ непредсказуемого политического игрока, способного изменить расстановку сил: «*Trump has dark horse Tulsi Gabbard for director of national intelligence*» [15].

В материале *The Independent* злоумышленник представлен как *a lone wolf* (букв. «одинокий волк»), что подчеркивает его автономность, скрытность и потенциальную опасность для общества: «*Lone wolf cyber attacks form worrying new trend, report warns*» [7].

В статье *Bloomberg* выражение *a sitting duck* (букв. «сидящая утка»; уязвимый объект) подчеркивает, что амбициозный и дорогостоящий проект «Golden Fleet» при всей своей демонстративной мощи остается крайне уязвимым в современных условиях войны, превращаясь в легкую цель для более дешевых и эффективных средств поражения: «*Trump's Golden Fleet Battleship Is a Sitting Duck*» [13].

В другом материале *The Independent* Джэй Ди Вэнс назван *a (political)*

chameleon (букв. «политический хамелеон»), что создает образ беспринципного деятеля, легко меняющего взгляды ради карьерной выгоды: «*Vance was the political chameleon who, despite once calling his now-boss an “idiot” and “reprehensible”, had quickly fallen in line to become his most loyal lieutenant*» [6].

4. Манипулятивная функция. Проявляется в создании определенного отношения читателя к явлению.

В статье *Politico* военная стратегия США описывается как *a paper tiger* (букв. «бумажный тигр»), что формирует у читателя представление о ее внешней угрозоносности, скрывающей фактическую слабость: «...*a massive military build-up that is beginning to look like a paper tiger if all it does is whack small boats*» [10].

В материале *The Financial Times* выражение *the elephant in the room* (слон в посудной лавке) используется для акцентирования внимания на ключевой проблеме европейского рынка, которую политики предпочитают игнорировать, тем самым усиливая критическое восприятие ситуации: «*The EU single market’s elephant in the room*» [20].

В статье *Politico* фразеологизм *to open a can of worms* (букв. «открыть банку с червями») применяется для описания потенциально опасных последствий торговой политики ЕС, формируя у читателя ощущение сложности и непредсказуемости ситуации: «*Compared with Canada, for the EU China is a “whole different can of worms”*» [16].

В другом материале *Politico* то же выражение используется для критики регуляторных инициатив, подчеркивая их конфликтность и риск возникновения новых проблем: «*REACH is like opening a can of worms. It’s been delayed often...*» [12].

5. Номинативная функция. Заключается в обозначении сложных явлений через устойчивые термины.

В публикации *The New York Times* термин *bull market* (букв. «бычий рынок») используется для обозначения устойчивого роста фондового рынка, позволяя журналисту кратко и точно описать экономическую динамику: «*Born during the Biden administration, the market’s bull run almost ended in April...*» [14].

В статье *The Athletic* выражение *a black swan event* (событие тина «Черный лебедь»; крайне маловероятное событие) используется, чтобы подчеркнуть, что случайные встречи совладельцев английских футбольных клубов на спортивных мероприятиях в Северной Америке перестали быть редкостью. Журналист показывает, что то, что раньше воспринималось как исключительное и маловероятное совпадение, теперь стало вполне обычным явлением: «*But co-owners of English football clubs bumping into each other during North American sports fixtures is no longer the black swan event it once was*» [17].

В материале *Bloomberg* кратковременный рост после падения рынка описывается как *a dead cat bounce* (букв. «прыжок мертвой кошки»), что

помогает точно передать характер нестабильной динамики: «*Here's what market participants have to say about the choppy trading. George Mandres, senior trader at XBTO Trading: It feels like a dead cat bounce*» [21].

В публикации *The Financial Times* быстрорастущий стартап определяется как *a unicorn (единорог)*, что позволяет журналисту обозначить его статус и рыночную ценность: «*The Nigeria-based fintech Moniepoint has gained "unicorn" status...*» [18].

Таким образом, зооморфные фразеологизмы занимают значимое место в англоязычном медиадискурсе, выполняя широкий спектр функций – от оценочной и экспрессивной до манипулятивной и номинативной. При этом отдельные фразеологические единицы могут совмещать в себе несколько функций одновременно, усиливая многослойность и выразительность медиатекста. Их использование позволяет журналистам усиливать эмоциональное воздействие текста, формировать интерпретацию событий и влиять на восприятие аудитории. Анализ показал, что зоометафоры активно используются в политических и экономических новостях, где они служат средством концептуализации сложных процессов и инструментом воздействия на общественное мнение.

Список использованных источников

1. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов; под редакцией В. Г. Костомарова. – Москва: 1977. – С. 140–161.
2. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – Москва: Высшая школа, 1986. – 336 с.
3. Норец М. В. Особенность перевода фразеологизмов на материале романа Чарльза Диккенса "Приключения Оливера Твиста" / М. В. Норец, С. В. Любеева // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых: Материалы Международной научно-практической конференции, Грозный, 26–27 апреля 2019 г. – С. 308-312. – EDN SJHSBQ.
4. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – Москва: Наука, 1978. – 200 с.
5. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка: учебное пособие для вузов / Н. М. Шанский. – 4-е., изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Специальная Литература, 1996. – 192 с.
6. Alex Hannaford. The Trump Shadow: Could Donald Jr run in 2028 and keep Trump 'in power'? // The Independent. 2026. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/trump-jr-power-2028-president-b2892695.html> (дата обращения: 29.01.2026).
7. Andrew Griffin. Lone wolf cyber attacks form worrying new trend, report warns // The Independent. 2025. URL: <https://www.independent.co.uk/tech/security/cyber-attack-lone-wolf-report-b2776910.html> (дата обращения: 29.01.2026).
8. Andrew Roth. Lame duck or legacy maker? How Biden announcement could affect US relations with foreign leaders // The Guardian. 2024. URL: https://www.theguardian.com/us-news/article/2024/jul/22/lame-duck-or-legacy-maker-how-biden-announcement-could-affect-us-relations-with-foreign-leaders?CMP=share_btn_url (дата обращения: 29.01.2026).
9. Brexit has made a dog's breakfast of our holidays // The Independent. 2024. URL: <https://www.independent.co.uk/voices/letters/brexit-pet-passports-israel-war-euthanasia->

[b2625110.html](#) (independent.co.uk in Bing) (дата обращения: 29.01.2026).

10. Cash Cows of US Tech Will Challenge the Rotation Trade // Bloomberg. 2026. URL: <https://www.bloomberg.com/news/newsletters/2026-01-13/cash-cows-of-us-tech-will-challenge-the-rotation-trade> (дата обращения: 29.01.2026).

11. Eric Bazail-Eimil. How Rubio's political fate is entangled with Maduro's // Politico. 2025. URL: <https://www.politico.com/news/2025/11/22/rubios-political-future-could-hinge-on-venezuela-campaign-00665419> (дата обращения: 29.01.2026).

12. How to navigate Cyprus' EU presidency policy agenda like a pro // Politico. 2025. URL: <https://www.politico.eu/article/navigate-cyprus-eu-presidency-policy-agenda-like-a-pro/> (дата обращения: 29.01.2026).

13. James Stavridis. Trump's Golden Fleet Battleship Is a Sitting Duck // Bloomberg. 2026. URL: https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2026-01-08/trump-s-golden-fleet-battleship-is-a-sitting-duck?utm_source=website&utm_medium=share&utm_campaign=copy (дата обращения: 29.01.2026).

14. Jeff Sommer. For 3 Years, the Bull Market Defied Inflation, Tariffs and Gravity // The New York Times. 2025. URL: <https://www.nytimes.com/2025/10/17/business/bull-market-trump-biden.html?searchResultPosition=3> (дата обращения: 29.01.2026).

15. John Sakellariadis. Trump taps dark horse Tulsi Gabbard for director of national intelligence // Politico. 2024. URL: <https://www.politico.com/news/2024/11/13/tulsi-gabbard-director-national-intelligence-trump-00189370> (дата обращения: 29.01.2026).

16. Koen Verhelst. The EU's magical, mystery trade weapon — and other options to nail Trump // Politico. 2026. URL: <https://www.politico.eu/article/the-eu-magical-mystery-trade-weapon-other-options-donald-trump/> (дата обращения: 29.01.2026).

17. Matt Slater. Why are American sports stars buying stakes in English football clubs? // The Athletic. 2024. URL: https://www.nytimes.com/athletic/5524546/2024/06/03/american-sports-stars-buying-stakes-in-english-football-clubs/?source=athletic_user_shared_article_copylink&smid=url-share-ta

18. Nigeria-based fintech Moniepoint gains 'unicorn' status. // The Financial Times. 2025. URL: <https://www.ft.com/content/9bc03560-a958-4afa-b535-c2cbc9d58560> (дата обращения: 29.01.2026).

19. Richard Hall. Trumpworld smells a rat. So who flipped? // The Independent. 2024. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/donald-trump-informant-raid-capitol-b2142686.html> (дата обращения: 29.01.2026).

20. Richard Milne. The EU single market's elephant in the room // The Financial Times. 2025. URL: <https://www.ft.com/content/35bbe00a-75c6-4c9e-9f23-94f61ce87cdb> (дата обращения: 29.01.2026).

21. Sidhartha Shukla. Bitcoin Traders Are Still Rattled After \$340 Billion Wipeout // Bloomberg. 2025. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-11-11/bitcoin-s-recovery-falters-with-buyer-fatigue-hindering-momentum?utm_source=website&utm_medium=share&utm_campaign=copy (дата обращения: 29.01.2026).

22. Trish Bendix. Late Night Frantically Tries to Keep Up With Trump's Tariffs // The New York Times. 2025. URL: <https://www.nytimes.com/2025/04/09/arts/television/desilydic-trump-tariffs-china.html?searchResultPosition=1> (дата обращения: 29.01.2026).

УДК 882

THE TRANSLATION OF ONE POEM BY BULAT OKUDZHAVA INTO ENGLISH

Kristine Bejanyan,

PhD, Head of the Department of Foreign and Comparative Literature and Theory of Literature, M. Abeghyan Institute of Literature of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, the associate professor of the Department of Foreign Literature, Kh. Abovyan Armenian State Pedagogical University, Yerevan

Summary. The article presents the translation of the poem “The Paper Soldier” by Bulat Okudzhava into English, made by George Reavey. The subject of the study is the work of the remarkable Russian poet and songwriter and its translation into English, and the goal is to conduct a comparative semantic analysis of both the original and the translation, during which the composition, style, alliteration, assonance, rhyme and rhyme scheme of the original and their reflection in the translation were considered. Okudzhava is also the author of a number of unique prose works «Good Luck, Schoolboy» (1961); «Poor Avrosimov» (1969); «Old Vaudeville» (1971); «The Dilettantes’ Journey» (1978); «Rendezvous with Bonaparte» (1983); «The Abolished Theatre» (1993) and others.

Key words: translator, George Reavey, rhyme, alliteration, composition, original.

Аннотация. В статье представлен перевод стихотворения «Бумажный солдатик» Булата Окуджавы на английский язык, выполненный Георгием Ривеем. Предметом исследования послужило произведение замечательного русского поэта-песенника и его перевод на английский язык, а целью было провести сравнительно-семантический анализ как оригинала, так и перевода, в ходе которого рассматривались композиция, стилистика, аллитерации, ассонансы, рифмы и рифмовка подлинника и их отражение в переводе. Окуджава также является автором ряда уникальных прозаических произведений: «Будь здоров, школяр!» (1961); «Бедный Авросимов» (1969); «Старый водевиль» (1971); «Путешествие дилетантов» (1978 – в США издан под названием «Ноктюрн» без согласия автора на изменение названия); «Свидание с Бонапартом» (1983); «Упраздненный театр» (1993) и другие.

Ключевые слова: переводчик, Георгий Ривей, рифма, аллитерация, композиция, оригинал.

There is no need to introduce the contemporaries to the creative work of Bulat Okudzhava – one of the most famous Russian poets of the so-called «sixtiers». At least the readers of the former Soviet Union² are very well acquainted of the poems, songs, prosaic texts and films³ of this outstanding bard. However, for a very long time for the audience he was mostly known as the author of songs and less by his real poetry. Consequently, the reason is evident: the absence of the language knowledge, lack of the poetry apprehension, the quality of the translation, its adequacy. Thus, we consider it is time for presenting the

² Okudzhava’s unexplainable popularity began when he sang his poems accompanied by simple, but very melodious, music. Soon they were sung in all student and worker dormitories and involuntarily he became the father of the “bard” movement. Bykov writes: «The writer significantly influenced the development of the so-called “bard movement” which emerged in the 1960s-80s. ... His composition “Let’s Join Hands, Friends...” (1967) is a hymn to the bard song and can often be heard at various concerts dedicated to this movement» [2, 351].

³ «White Sun of the Desert» (1970), «The Straw Hat» (1974), «The Captivating Star of Happiness» (1975), «The gates of Pokrovsk» (1982), etc., wrote screenplays, i.e. for Pyotr Todorovsky’s “Loyalty” (1965), Vladimir Motyl’s “Zhenya, Zhenechka, Katyusha” (1967).

readers one translation of one poem of this prominent bard, composer, and author of hundreds of songs, renowned not only in the music world but among writers⁴ as well.

Bulat Shalvovich was born in 1924 in Moscow, although two years after his birth, the family moved to Tbilisi and later to Nizhny Tagil. Despite the boy's parents being highly respected party members, Bulat's father was subjected to the purges, and on August 4, 1937, Shalva Stepanovich was executed along with his two brothers. As for his mother, Ashkhen Nalbandyan⁵, she was arrested in Moscow and exiled to Karlag in 1938 and returned only in 1947. Due to all these facts the future poet was raised by his grandmother in Moscow, returning to Tbilisi only in 1940. According to his biographer, Bykov in 1942 he «volunteered for the Transcaucasian Front», but very soon was wounded and had to leave the Soviet Army. «Later, Okudzhava said that he developed not an intellectual, but an organic hatred of war. And this left its mark on his entire life, including his literary one» [2, 24]. He wrote his first song «We Couldn't Sleep...» while still at front in 1943, then the song «Furious and Stubborn» published in 1946. After graduating Tbilisi University in 1950, he worked for two years as a teacher of Russian language and literature in the village of Shamordino in Kaluga region. The impressions of this period later formed the basis of his short stories⁶. He always wrote both the lyrics and the music himself, explaining that the lyrics of his compositions were more important than the music⁷. Once Okudzhava explained his apprehension of the concepts of home and motherland: «My homeland is Arbat... I was born on Bolshaya Molchanovka, raised in an Arbat courtyard, had a Russian nanny as a child, from the village. I absorbed all of this, eagerly absorbed it all, and grew up a true Arbat citizen. Then they started taking me to Georgia, the birthplace of my father and mother. So, parallel to the Arbat, a Georgian line emerged, a second current arose within me. And yet, I remained a Muscovite» [3]. It is probably this very mixture of languages, cultures, and geographies that allows us, following A. P. Skaftymov, to repeat that Okudzhava was understood by people of different classes, «most likely because every person contains what Okudzhava wrote about: dreams, sadness, love, hope, faith in the good» [6, 117]. And we can confess that in spite of the fact that this made him apprehensible for all the nations of the former Soviet Union and loved and sung and read in Russian everywhere, later he was also translated in different languages. His poems were «rewritten» in various languages of the huge country and began to sound in Armenian, Georgian, Tatar, Estonian, etc. Very soon, they

⁴ It is well known that the youngest son of the poet, Anton, once said that his dad could be the world's most celebrated chansonnier, but being a poet did not let him do so [8].

⁵ A relative of Vahan Teryan and Mikael Nalbandyan – Armenian poets.

⁶ **A lot of poems were devoted to this period of his life** («On Tverskoy Boulevard» (1956), «Sentimental March» (1957), «Song about the Blue Balloon» (1957), «Moscow Ant» (1959), «We Need One Victory» (1970), and others). His repertoire includes over 200 songs. [4, Vol. 2. p. 143, 135, 150].

⁷ For example, in one interview he said, «A song is the author's confession, a heart-to-heart conversation with the listener. And what kind of heart-to-heart conversation can be insincere? ... that's why, for me, an art song is, first and foremost, poetry. A singing poet. Poems accompanied by music. The melody only deepens them, gives them a special warmth and lyricism»[5].

had to be translated in almost all European languages⁸.

His lyric is sincere, simple, and humane. The most ordinary scenes of soldier life captivated the poet. But in these everyday scenes, Okudzhava wisely and accurately expressed the pain, faith, and suffering of millions of people scorched by war. The poet's works show how single events could change a person's life, how these events haunt them throughout their lives. He proved that war is not only heroism at battles. It is also the pain of separation from the beloved, the loss of friends, the fear of death, the shame of retreat, the love of life and nature, the grief of widows. That is why it is so important to translate it into other languages and to make it understandable for as many people as possible. Thus, the main task of this research is to investigate the English translation of Okudzhava's poem done by George Reavey⁹. Though it should be stated that there are some other English translations of this poem (by Keith Bosley, Dimitry Pospelovsky, Janis Sapiets and Alec Vagapov) but we have to analyze only the mentioned one.

The research we should start with presenting A. V. Sycheva's article entitled «From the history of translations of Bulat Okudzhava's poetry into English» which deals with the only English two-volume edition of the poet's songs¹⁰. She shows advantages and drawbacks of this edition, stating, «The fate of works by Russian writers, once published abroad, has been varied. While Dostoyevsky's novels have become guides to the mysteries of the human soul for readers around the world, Pushkin's poetry was and is translated primarily as a result of his status as national classic. A writer's standing in national and

⁸ F.e. «The paper soldier» was also translated into German by Vera Jahnke, Spanish by Fausto Marcelo Ávila [9], Bulgarian by Maria Shandurkova [12], Italian by Salvo Lo Galbo [13], Polish by Ziemowit Fedeci, as well as into French, Hungarian, Japanese, Hebrew, Arabic, Chinese, Korean and so on.

⁹ George Reavey (1 May 1907, Vitebsk, Russia – 11 August 1976, NY, USA) was an Irish-Russian surrealist poet, literary agent, publisher, and translator, whose translations and critical prose helped introduce 20th century Russian poetry to English-speaking audience.

His father Daniel Reavey (1876-1938), born in Belfast, was a managing director of a linen mill in Vitebsk. His mother Sophia Reavey (nee Turchenko) was born in Kiev. After marriage in 1909, they moved to Nizhni Novgorod where the young poet was educated and became a fluent Russian speaker. But in 1919 the dad was arrested which made the mom fled to Belfast, where the son attended Royal Academical Institution till 1921 when the family moved to London. Here he studied at the Sloan School. In 1926, he entered Gonville and Caius College of Cambridge to study history and literature where he made friends with the group of writers like William Empson, Jacob Bronowski, Charles Madge, Kathleen Raine and Julian Trevelyan, associated with the magazine *Experiment* contributing prose and poetry to the *Experiment* along with translations from Pasternak. In 1929, he with Trevelyan moved to Paris searching of an entry into the avant garde artistic circles. He met Thomas MacGreevy, who introduced him to Samuel Beckett, James Joyce, and other writers. Reavey's first book, *Faust's Metamorphoses* appeared in 1932, then *Nostradam* (1932) but in 1934 had to move to London. With the outbreak of World War II, Reavey first went to the Soviet occupied zone of Poland to rescue his mother. He then joined the Foreign Office, serving in Madrid and the Soviet Union. Returning to London in 1945, he published *Soviet Literature Today* (1946). Afterwards Reavey lived out his life in the United States, where he published a number of important translations, including Alexander Esenin-Volpin's *A Leaf of Spring* (1961), Fyodor Abramov's *New Life: A Day on a Collective Farm* (1963), the bilingual anthology *The New Russian Poets 1953 – 1968* (1968). As a poet, Reavey fell more or less out of the public eye after moving to the States. However, he continued to publish collections including *Colours of Memory* (1955) and *Seven Seas* (1971). Some poems were printed in 1930s special issue of *The Lace Curtain* and he was represented in John Montague's *Faber Book of Irish Verse* (1974).

¹⁰ She stated, «Compiling and editing of these books was conducted by V. Frumkin. In the first volume («Bulat Okudzhava. 65 Songs») English translations of Okudzhava's poems were made by E. Shapiro, in the second one («Songs. Volume II») – by T. Wolfson» [10].

translated literature does not always match. This fact does not negatively reflect on any given author in the literature of their people. It merely characterizes the uniqueness of their talent, in one way or another, and bears witness to a greater or lesser orientation of the works toward national or international, human themes. Translations into other languages are a litmus test to establish the author's place not so much in national literature, as much as in world literature» [10]. While speaking of Okudzhava's place in Russian literature one can see that it has already been defined¹¹. As once he confessed the most prominent theme of his work is considered war, although the poet himself «resisted singling out war as a theme in his poetic world, claiming that all his poems and songs are not so much about war as against it» [14]. His war stories, in which he portrayed a soldier not only as a hero, but also as a person with his own experiences, emotions, thoughts, imbuing him with human characteristics, making him relatable to the average person, are primarily devoted to the theme of separation, parting, departure, or the profound sense of loss. Therefore, he dedicates his most famous compositions primarily to ordinary soldiers, unnoticeable and far from heroic in appearance, yet preserving an inner kindness, compassion, and love. The theme of war is connected with the «little orchestra of hope under the direction of love» and the images of «three merciful sisters – Faith, Hope, Love» [1, 174]. Despite his desire to avoid death, his hero is a soldier, not a deserter who «lets himself mourn his fate, but not to run from it» [1, 323].

Okudzhava's work, especially his war poetry, possesses a special power: it combines the author's personal memories as a frontline soldier with profound philosophical reflection on war. His poems and songs are devoid of pathos but filled with sincerity, making them particularly valuable for reading by young generation. Lev Todorov notes that «Okudzhava's poems about war require a special approach, not so much historical and literary analysis, but rather emotional immersion and personal reflection» [7]. This is confirmed by the poet's own words: «I don't write poems about the war, I write poems against it» [11]. And one of such poems is «The Paper Soldier» which we chose for the object of the analysis. But first pay attention to the translation of the title: Reavey did not use the diminutive suffix *-ik* (purposely used by the author to denote the soldier's toy-like quality). The language used in the original is simple yet poignant, with a focus on the dichotomy between the soldier's noble aspirations and his reality as a toy. Words like "handsome," "brave," "dashed," and "perished" evoke a sense of valor and tragedy. As a result, and also because of the change in some epithets, the reader is presented with the image not of a beautiful and courageous children's

¹¹ His fame in world literature has also been established. The translated literature of the world is incomplete without his prose and poetry that were translated into dozens of languages, and are known and loved all over the world. Researchers and translators of his work gathered twice for international scientific conferences in Peredelkino (1999 and 2001), during which «speakers particularly stressed the demand for Okudzhava's works abroad. As pointed out by Marburg professor Barbara Karhoff at the conference in 1999, "Russians could not have wished for a better intermediary between Russian and other cultures than Bulat Okudzhava." An emphatic affirmation of the worldwide spread of Bulat Okudzhava's poetry was the First International Festival "Everyone Sings Bulat's Verses..." held in Moscow in 2001, where his songs were performed in more than ten languages»[11].

toy, not of a handsome, but of extremely handsome, not of brave, but of very brave, not just secrets, but most important secrets, and bravely forward he marched off instead of walked in.

However, it was more important to convey the melody of the song, which the translator undoubtedly did brilliantly, though he did not follow the structure of the original (several quatrains where the line breaks are used to create pauses allowing the reader to reflect on the soldier's thoughts). Besides, all these commas and dashes create pauses that emphasize the soldier's internal conflict and enhance the emotional depth of the original that as well as the translation follow an ABAB rhyme scheme, which contributes to its lyrical quality and reinforces the connection between the soldier's aspirations and his limitations. The poem typically follows a rhythmic structure with a consistent syllable count in each line, contributing to its musical quality. The majority of lines have a similar length, adhering to a pattern that allows for a smooth reading experience. The iambic meter gives it a natural cadence, enhancing its emotional impact.

Бумажный солдатик
Один солдат на свете жил,
красивый и отважный,
но он игрушкой детской был,—
ведь был солдат бумажный.

A Paper soldier
In our world there lived a soldier,
lie was extremely handsome, very brave,
but he happed to be a children's toy —
for he was merely a paper soldier.

Он переделать мир хотел,
чтоб был счастливым каждый,
а сам на ниточке висел, —
ведь был солдат бумажный.

He wished to refashion all the world,
to make each individual happy,
but he dangled over a child's cot,
for he was merely a paper soldier.

Он был бы рад— в огонь и в дым
за вас погибнуть дважды,
но потешались вы над ним,—
ведь был солдат бумажный.

He would have dashed through smoke and fire,
and given his life for you twice over,
but you only derided him and laughed —
for he was merely a paper soldier.

Не доверяли вы ему
своих секретов важных,
а почему? А потому,
что был солдат бумажный.

You were unwilling to entrust
him with your most important secrets.
And why did you not trust him? Oh, just
because he was a paper soldier.

А он, судьбу свою кляня,
не тихой жизни жаждал
и все просил: — Огня! Огня!—
Забыв, что он бумажный.

And kicking against his wretched lot,
he thirsted for a life less tranquil,
and kept demanding: "Fire! Yes, Fire!"
forgetting he was a paper soldier.

В огонь? Ну что ж. Иди! Идешь?
И он шагнул однажды,
и там сгорел он ни за грош,—
ведь был солдат бумажный[4, 135].

Into fire? Alright. Why not plunge in?
And bravely forward he marched off.
And there he perished, nothing won —
for he was merely a paper soldier[10].

The central idea of the poem revolves around the themes of unfulfilled potential, the nature of bravery, and the limitations imposed by one's identity. The

paper soldier symbolizes someone who yearns for greatness and the ability to make a significant impact but is ultimately confined by their fragility and insignificance. The poem reflects on the disparity between aspirations and reality, as well as the misunderstanding and lack of appreciation for those who cannot fulfill the desires due to inherent limitations. The subject matter focuses on a paper soldier who embodies bravery and desire for heroism, yet is reduced to being just a toy – a mere reflection of what he wishes to be. The poem captures the soldier's internal conflict and longing for a life filled with action and purpose, contrasting it with the dismissive attitude of those around him. The repetition of phrases "for he was merely a paper soldier" emphasizing the soldier's plight and the dismissive attitude towards him. The soldier is endowed with human feelings and desires, and this personification makes it relatable when the soldier serves as a metaphor for individuals who aspire to greatness but are constrained by their circumstances or identities. Consequently, the poem aims to provoke thought about the nature of heroism and the often-overlooked struggles of those who aspire for more but are held back by their limitations or societal perceptions. It highlights the importance of recognizing bravery, regardless of external appearances. We can assume that this poem is a bitter metaphor for the fate of an idealist whose sacrifice goes unnoticed in a cruel world.

In conclusion, the influence of Bulat Okudzhava's work – on his contemporary writers, on thousands of performers of his songs, on millions of his listeners and readers – has been extraordinarily profound. One can understand the value of this life, and the cost of any military conflict, by reading the poems of this famous bard of the sixties.

Список использованных источников

1. Абельская Р. Ш. Каждый пишет, как он слышит. Поэтика Булата Окуджавы Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2011. 474 с.
2. Быков Д. Л. Булат Окуджава М.: Литература, 2012. – 784 с.
3. Крылов А. Е. Булат Окуджава о родине, о патриотизме и о будущем (1981-1997). // Литературная газета. 1984. 25 апр. (№ 17). – С. 6.
4. Окуджава Б. Ш. Собрание сочинений в 9 т. М.: Литература. 1995. – Т. 2. – 595 с.
5. Окуджава Булат. «С души своей наброски...» Интервью 1986 года. // [Электронный ресурс] URL. http://www.ksp-msk.ru/page_1041.htm (дата обращения: 06.01.2025) или URL. <https://bokudjava.ru/index.html> (дата обращения: 06.01.2025)
6. Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. М.: Терра, 2011. – С. 117.
7. Чайковский Р. Р. «Булат Окуджава и мир: предисловие редактора» / Вып. 3. Магадан: «Кордис», 2002. – С. 3-4.
8. <https://www.bolshoyvopros.ru/questions/4621057-ob-okudzhave-on-byi-by-velichajshim-shansone-emu-stihi-pomeshali-tak-li.html> (дата обращения: 06.01.2025)
9. <https://ruverses.com/bulat-okudzhava/the-paper-soldier/10662/> (дата обращения: 06.01.2025)
10. <https://www.ata-divisions.org/SLD/slavfile-translating-okudzhava/> (дата обращения: 06.01.2025)
11. <https://www.russianlife.com/the-russia-file/translator-s-note-bulat-okudzhava/> (дата обращения: 06.01.2025)

12. <https://ruverses.com/bulat-okudzhava/being-drawn-into-earthly-passions/6438/>
(дата обращения: 06.01.2025)
13. <https://ruverses.com/bulat-okudzhava/the-song-of-a-happy-soldier/6581/> (дата обращения: 06.01.2025)
14. URL. <http://www.bokudjava.ru/index.html> (дата обращения: 06.01.2025)

УДК 821.111

СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННЫЙ ТРОП «НЕНАДЕЖНЫЙ РАССКАЗЧИК» В ЖАНРЕ КОСМИЧЕСКОГО УЖАСА НА ПРИМЕРЕ НОВЕЛИСТИКИ Г. Ф. ЛАВКРАФТА

И. И. Белан¹²,

обучающийся, Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Аннотация. Статья содержит анализ применения тропа «ненадежный рассказчик» в творчестве Г. Ф. Лавкрафта, в ходе которого устанавливаются частота и причины его применения, а также влияние на произведения и жанр в целом. Большое внимание уделяется возникновению обсуждаемого тропа, его специфике и методам использования в построении нарратива. Упоминается также и философский аспект использования тропа «ненадежный рассказчик» в контексте Лавкрафтианского хоррора.

Ключевые слова: космический ужас, Г. Ф. Лавкрафт, ненадежный рассказчик, имплицитный автор, троп, нарратология.

Annotation. The article contains an analysis of implication of the «unreliable narrator» trope in the artwork of H. P. Lovecraft. It establishes frequency and cause of trope's application, as well as its impact on Lovecraft's literary work and whole genre. Special attention is drawn to the origin of the trope in question, its peculiarities and methods of implication in creation of narrative. The article also mentions philosophical aspect of «unreliable narrator» trope implication in the context of Lovecraftian horror.

Keywords: cosmic horror, H. P. Lovecraft, unreliable narrator, implicit author, trope, narratology.

Работы Говарда Филлипса Лавкрафта, даже спустя несколько десятилетий после своего создания, вызывают научный интерес, обусловлено в первую очередь уникальностью жанра, к которому принадлежит творчество автора. Большая часть работ написана в жанре космического ужаса, «отцом» которого является сам Лавкрафт, из-за чего иногда можно встретить иное название – лавкрафтианский ужас. Будучи атеистом, яро отрицающим антропоцентризм, Лавкрафт часто вкладывал в свои произведения идею о том, что человек в масштабах космоса абсолютно ничтожен и существует только по воле случая. И хотя при жизни писатель не получил всемирной славы, он обзавелся узким кругом преданных поклонников, стараниями которых автор получил признание уже после смерти.

О востребованности литературы Г. Ф. Лавкрафта говорит огромное

¹² Научный руководитель: д.филол.н., доцент М. В. Норев

количество философских трудов и художественных произведений, исследующих и развивающих вселенную писателя. Существует также вполне известная и престижная награда имени Лавкрафта, которая является частью «The Cthulhu Mythos Award». Её вручают за лучшие произведения, написанные в рамках вселенной. Издатели публикуют переиздания работ автора, а также печатаются новые сборники его работ. За основу данного исследования, например, были взяты сборники, изданные в 2018-2024 годах.

Цель исследования – определить значение тропа «ненадежный рассказчик» в произведениях Г. Ф. Лавкрафта как ключевого инструмента для воплощения идей космического ужаса. Объект исследования – произведения Г. Ф. Лавкрафта, включающие в свой нарратив троп «ненадежный рассказчик».

За многие годы существования творчества Г. Ф. Лавкрафта было написано множество статей, ставящих объектом своего исследования литературу отца космического ужаса. Существует множество работ зарубежных и отечественных авторов, исследующих психологизм героев и образов [4], [5], [12].

Другим благодарным поприщем для научных изысканий является теория приемов, использованных автором в творчестве [1], [2], [7].

Что касается исследования тропа «ненадежный рассказчик», существует немало работ, исследующих значимость тропа в литературе других авторов. Например, Е. Н. Белова расстраивает влияние «ненадежного рассказчика» на творчество японских авторов Кадзуо Исигуро и Рюноске Акутагавы. Однако, несмотря на ключевую роль тропа «ненадежный рассказчик» в творчестве самого Лавкрафта, работы на эту тему едва ли встречаются в научном пространстве [3].

Уникальность жанра заключается в первую очередь в выходе за рамки возможностей человеческого восприятия и безразличности вселенной по отношению к человеку. Угрозу, о которой говорится в творчестве американского писателя, невозможно остановить, а попытки осмыслить её ведут к потере рассудка, вызванной осознанием собственной ничтожности перед хаосом вселенского масштаба [6]. Именно по причине того, что центральной темой лавкрафтианского хоррора является ничтожность личности перед космосом, одним из основных сюжетно-композиционных тропов, используемых автором для вовлечения читателя, является троп «ненадежный рассказчик», ставший характерным для творчества писателя.

Такой метод повествования впервые был описан Уэйном Бутом в книге «Риторика художественной литературы» [14]. Уэйн Бут делит рассказчиков внутри повествования или же имплицитных авторов (implied author) на надёжных и ненадёжных. В своем труде он презентует идею ненадежного рассказчика как отдельный вид иронии (в качестве стилистического средства).

При этом Бут приводит критерии ненадежного рассказчика. Основными для творчества Лавкрафта являются принципы ограниченной

перспективы. Имплицитный автор видит только одну сторону событий, всерьез не допуская иные толкования. Принцип противоречивости заключается в следующем: действия рассказчика противоречат его словам, а его суждения не подтверждаются финалом. Принцип логического несоответствия трактуется так: рассказчик делает выводы, которые кажутся реальному автору или читателю нелогичными или надуманными.

Особенно часто используется последний принцип, поскольку, зачастую, имплицитный автор Лавкрафта – учёный, исследователь или просто скептик. Он до последнего отрицает присутствие сверхъестественного, хотя это расходится с тем, что известно читателю.

Теорию Бута дополнил другой теоретик нарратологии – Сеймур Чатман, выпустивший книгу, посвященную взаимодействию автора и аудитории через творчество – «Story and discourse: Narrative Structure in Fiction and Film». В ней он делит нарратив на две части, существующие в дихотомии.

Чатман отделяет сюжет – то, о чем рассказывается в произведении, – от дискурса – того, каким образом представляется история. По теории Чатмана, «ненадежность» рассказчика является атрибутом дискурса, а не сюжета [15].

Нами было проанализировано в общей сложности 48 художественных произведений, представленных в трёх самых популярных сборниках, издававшихся с 2018 по 2024. Из них троп «ненадежный рассказчик» встречается в 36 произведениях. Это обозначает, что только 25% произведений из выборки не используют этот троп в своем дискурсе.

Данный факт указывает на значимость и характерность тропа для жанра космического ужаса. В произведениях Лавкрафта чаще всего повествование ведётся от лица имплицитного автора, передающего свои мысли по поводу происходивших с ним в прошлом событий. По мере развития событий сюжета, главный герой все больше теряет рассудок из-за встречи со сверхъестественным, что заставляет читателя усомниться в объективности рассказчика. Из-за того, что события переданы в ретроспективе, читателю бывает сложно определить момент, когда настоящие события сменяются искаженным восприятием пережившего потрясение имплицитного автора.

Одним из самых известных произведений, пользующихся подобным подходом к раскрытию «ненадежности» является рассказ «Герберт Уэст – воскресить мертвых», по ходу которого рассказчик всё больше теряет рассудок, пока он и его коллега все больше преуспевают в своих экспериментах по воскрешению. В финале произведения главный герой становится свидетелем события, факт происшествия которого не признает никто из окружающих. Под влиянием пережитого шока он и решает записать произошедшие с ним события [10].

Ещё одним инструментом автора, с помощью которого он реализует троп «ненадежный рассказчик» является эмоциональность. Сам Лавкрафт

во вступлении к своему эссе «Supernatural horror in literature» писал: «Древнейшая и сильнейшая эмоция человечества – страх, а древнейший и сильнейший вид страха – это страх перед неизвестным» [16, с. 3].

Основным преимуществом наличия рассказчика является возможность рассказать о переживаниях главного героя от его лица. В умеренных количествах использование эмоций рассказчика позволяет передать их часть читателю. Однако излишняя эмоциональность имплицитного автора подрывает доверие читателя к нему. Примером подобного является рассказ «Безымянный город», где главный герой с первых страниц описывает, насколько глубокий страх ему внушает ветер, который он слышит за окном [8]. Столь бурная реакция на маленький раздражитель присуща только человеку безумному и, следовательно, ненадежному.

В некоторых случаях Лавкрафт напрямую даёт знать читателю, что рассказчик «ненадежен», в открытую признаваясь в том, что изложенные события могут быть просто плодом фантазии психически травмированного человека. Так, например, Турбер, имплицитный автор рассказа «Натура Пикмана» в первом же абзаце пытается убедить своего друга в том, что он, вопреки всеобщему мнению, не сумасшедший. Этот же рассказ служит примером полной цепочки передачи нарратива по Чатману. Слушателем истории является товарищ Турбера – Элиот. Его роль в нарративе – представлять читателя внутри самого рассказа – то есть, являться имплицитной аудиторией. Таким образом, схема передачи нарратива «Натуры Пикмана» будет выглядеть так:

Г. Ф. Лавкрафт (реальный автор) – Турбер (имплицитный автор) – Элиот (имплицитная аудитория) – читатель (реальная аудитория)

В этом случае история не только не рассказывается самим автором произведения, но и не для самого читателя этого произведения, ещё сильнее закрепляя недостоверный характер. Такой подход присущ сплетне, нежели литературному произведению [9].

За редким исключением читателю приходится сомневаться в достоверности рассказанной ему истории именно по причине видимой невменяемости рассказчика. А самой частой причиной безумия рассказчика в произведениях Г. Ф. Лавкрафта является осознание того, что человечество появилось в этой вселенной из-за случайности и из-за такой же случайности может и исчезнуть.

Юджин Такер в книге «В пыли этой планеты: ужас философии – том 1» делает особый упор на непостижимость мира для ограниченного человеческого разума: «Несмотря на повседневные заботы, нужды и желания, нам все труднее постичь мир, в котором мы живём, и частью которого мы являемся. Признаться в этом обозначает признать, что существует абсолютный предел нашей способности адекватного понимания мира как такового» [13, с. 9-10]. Эта идея точно описывает лейтмотив, которым наделено творчество Г. Ф. Лавкрафта.

Именно для того, чтобы показать, как человек на своем опыте приходит к этому знанию, и что с ним происходит после, Лавкрафт выбирает проводником своей мысли рассказчика, которому не может до конца доверять читатель и который сам не познал незначительность человека перед космическим.

По итогу исследования нам было установлено, что троп «ненадежный рассказчик» присутствует в подавляющем большинстве произведений автора. Причиной такого обширного использования является тот факт, что с помощью этого тропа автору было удобнее всего показать читателю свои философские воззрения, касающиеся места человека в мире.

Список использованных источников

1. Амосов Н. В. Тема судьбы и рока в литературе жанра ужасов (на примере рассказа Г. Ф. Лавкрафта «Карающий рок над Сарнатом») // Вестник науки. – 2019. – №6 (15). – С. 15.
2. Ахмедова У. С. «Мифология ужаса» Г. Ф. Лавкрафта и традиции американского романтизма // Культурная жизнь Юга России. – 2011. – №5. – С. 123.
3. Белова Е. Н. «Ненадежный повествователь» с разных точек зрения: Кадзуо Исигуро («Когда мы были сиротами») и Рюноске Акутагава («В чаше») // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2013. – № 12. – С. 26-35.
4. Бурцева М. А. Функции inferнальных персонажей в рассказе Г. Ф. Лавкрафта «Сны в ведьмином доме» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – №12. – С. 45-48.
5. Данилов Д. Д. Кошки как символ возмездия в рассказах «Черный кот» Эдгара По и «Кошки Улгара» Говарда Лавкрафта // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – №12. – С. 56-59.
6. Елисеев Г. А. Лавкрафт. Певец бездны. М.: Вече, – 2014. – 288 с.
7. Зарубина В. Д. Концепт запретной книги в произведениях Г. Ф. Лавкрафта и работах лафкрафтианских магов // Aliter. – 2023. – №19.
8. Лавкрафт Г. Ф. Зов Ктулху: сборник / Говард Филлипс Лавкрафт; перевод с английского В. Р. Амчиславского и др. – Москва: АСТ, 2021. – 445 с.
9. Лавкрафт Г. Ф. Некрономикон: сборник / Говард Филлипс Лавкрафт; перевод с английского С. Л. Сухарева и др. – Москва: АСТ, 2022. – 764 с. – ISBN 978-5-17-147889
10. Лавкрафт Г. Ф. Сны Ктулху: сборник / Г. Ф. Лавкрафт; перевод с английского С. Сухарева и др. – Москва: Издательство АСТ, 2023. – 445 с. – ISBN 978-5-17-155510-0.
11. Норец М. В. Жанр и перевод: современный взгляд / М. В. Норец // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация: Материалы VII международной междисциплинарной научной конференции, Симферополь, 25–26 ноября 2022 г. – С. 539-546. – EDN RSRHYR.
12. Разумов И. А. Человек на войне в рассказах Г. Ф. Лавкрафта: безумие героя, самоубийство цивилизации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – №2. – С. 33.
13. Такер Юджин Т.1 В пыли этой планеты / пер. с англ. А.Иванова. – 2017. – 184 с. – ISBN 978-5-9906611-4-1.
14. Booth W.C. The Rhetoric of Fiction. – 2nd ed. – Chicago: University of Chicago Press, 1983. – 552 p.
15. Chatman, Seymour. Story and Discourse: Narrative Structure in Fiction and Film. Ithaca: Cornell University Press, 1978. – P. 277.
16. Lovecraft H. P. «Supernatural Horror in Literature» In Collected Essays, Volume 2: Literary Criticism, edited by S. T. Joshi, New York: Hippocampus Press, 2004. – P. 82–135.

17. Жанровая палитра зарубежной литературы / К. М. Баранова, Л. Г. Викулова, С. А. Герасимова [и др.]. – Москва: Языки Народов Мира, 2025. – 265 с. – ISBN 978-5-605-30344-2. – EDN NYSUTY.

УДК 81.13

ПРИМЕНЕНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ОБУЧЕНИИ РКИ АСПИРАНТОВ-МЕДИКОВ НА МАТЕРИАЛЕ НАУЧНОГО ТЕКСТА ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ

И. В. Вихриева,

кандидат филологических наук, старший преподаватель,

М. Н. Пашкова,

кандидат педагогических наук, старший преподаватель,

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Аннотация. Статья посвящена исследованию возможностей использования инструментов искусственного интеллекта (ИИ) при обучении иностранных аспирантов-медиков основам научного стиля речи на уровне B2- C1. Рассматриваются подходы, принципы отбора и создания научных текстов и лексико-грамматических заданий к ним, а также их взаимосвязь в освоении краткосрочного курса русского языка как иностранного. Применение инструментов ИИ для создания научных текстов по медицине и последующей работы с ними способствует не только формированию устойчивой научной терминологии по медицине у слушателей вообще, но и узконаправленной тематики диссертационного исследования, в частности. Показаны современные программные средства и платформы, используемые для автоматического поиска, формирования научных текстов и заданий к ним, а также их роль в развитии профессиональной коммуникации на русском языке. Полученные материалы представляются актуальными, своевременными и демонстрируют успешную интеграцию ИИ в образовательную программу по русскому языку, повышают интерес и мотивацию слушателей к освоению научного стиля речи.

Ключевые слова: искусственный интеллект, РКИ, аспиранты-медики, научные тексты, терминология.

Summary. The article explores the potential of using Artificial Intelligence (AI) tools in teaching the fundamentals of scientific discourse to international medical postgraduate students at the B2-C1 levels. It examines approaches and principles for selecting and generating scientific texts and accompanying lexical and grammatical exercises, as well as their role in an intensive course of Russian as a Foreign Language. The use of AI tools for creating and processing medical scientific texts facilitates the development of sustainable medical terminology in general, and specialized vocabulary related to the students' specific dissertation research in particular. The study highlights modern software and platforms used for the automated search and generation of scientific texts, emphasizing their role in developing professional communication skills in Russian. The findings are relevant and timely, demonstrating the successful integration of AI into the Russian language curriculum and showing increased student interest and motivation in mastering the scientific style of speech.

Key words: Artificial Intelligence (AI), Russian as foreign language, medical graduate students, scientific texts, terminology.

Приемы обучения русскому языку как иностранному (РКИ) в современном образовательном пространстве претерпевают значительные

изменения под воздействием повсеместной цифровизации и внедрения инструментов искусственного интеллекта (ИИ). Наблюдения за лингвистическими явлениями позволяют предположить, что в языке развивается тенденция ускорения некоторых языковых процессов [1, с. 770]. Особая актуальность наблюдается в контексте подготовки иностранных аспирантов-медиков к сдаче кандидатского экзамена по русскому языку, для которых владение научным стилем речи является не только академическим требованием курса, но и архиважным инструментом профессиональной деятельности и интеграции в российское медицинское научное сообщество. Переход от уровня независимого владения языком (B2) к уровню профессионального владения (C1) в медицинской сфере требует устойчивого понимания и усвоения лексико-грамматических конструкций, академического дискурса, узкоспециализированной терминологии, специфических синтаксических структур. В условиях краткосрочного академического курса такие задачи представляются трудновыполнимыми без использования высокотехнологичных вспомогательных средств.

Научный стиль речи традиционно рассматривается как функциональная подсистема литературного языка и сопряжен с преодолением значительных когнитивных и языковых барьеров. Его основными характеристиками являются: объективность-использование безличных и пассивных конструкций таких как, например, «было установлено», «исследование проводится»); логичность- множество вводных слов и союзов, указывающих на причинно-следственные связи; доказательность и точность изложения- узкоспециализированная медицинская терминология; стандартизация- использование устойчивых речевых оборотов.

Медицинский дискурс как речевое взаимодействие в сфере медицины объединяет языковые средства и экстралингвистические компоненты профессиональной коммуникации [5, с. 27]. Он характеризуется такими стандартами, как введение, методы, результаты и обсуждение. Упомянутые критерии требуют от аспирантов-медиков выработки навыков структурирования информации, компрессии текста.

Академический дискурс, в свою очередь, охватывает не только чтение и написание научных статей, оценочных рефератов, аннотаций, но и коммуникативную практику. Среди них: устное обоснование темы диссертационного исследования, выступление на научных конференциях, участие в дискуссиях, презентации результатов клинических исследований, сбор анамнеза.

Применение некоторых инструментов ИИ на занятии позволяет автоматизировать процесс обучения, предлагая обучающимся модели, максимально приближенные к реальным стандартам научного текста по специальности. Это особенно важно на уровне C1, где от аспиранта ожидается не просто правильное использование грамматики, но и относительно свободное владение стилем в зависимости от поставленной

задачи.

Обратимся к определенным материалам курса русского языка как иностранного для аспирантов-медиков. В основе материалов лежит принцип коммуникативно-когнитивного подхода. Одну из базовых категорий текста как предмета коммуникации представляет собой категория цельности. [4, с. 315]. Медицинский текст рассматривается не как набор терминов, а как динамическая система, в которой синтаксис, морфология, лексика служат инструментом для выражения сложных клинических причинно-следственных связей.

Рассмотрим подробнее тему «Осложненная язвенная болезнь», в которой описание динамики процессов, классификаций, дифференциальной диагностики требуют точного языкового оформления.

Материал разбит на три модуля и ключи, каждый из которых содержит:

1. Предтекстовый этап: введение терминологии и грамматических моделей.
2. Основной научный текст: экспертного уровня, адаптированный под задачи академического чтения, объемом 2 000 п. зн.
3. Систему заданий, направленную на развитие логико-смыслового анализа и навыков научного письма.
4. Лингвометодический комментарий: анализ языковых трудностей и ключи.

Перед работой с текстами приводятся в соответствие знания аспирантов об актуальном членении предложения и порядке слов, выражении причинно-следственных отношений. В научном тексте порядок слов выполняет смыслоразличительную функцию. «Данное» (тема), исходная информация, обычно стоит в начале предложения, а «новое» (рема) в конце. Например: «Язва пенетрирует в поджелудочную железу». Рема- «в поджелудочную железу». «В поджелудочную железу пенетрируют язвы задней стенки желудка». Рема «язвы задней стенки желудка».

В заданиях типа «Напишите вопрос и корректный ответ» делается упор именно на этот аспект и его отработку. Медицинский текст структурирован по принципу: этиология, патогенез, клиника. Для этого используются такие конструкции, как *предлоги*: вследствие, в результате, по причине, на фоне; *союзы*: так как, потому что, в связи с тем что; *глагольные конструкции*: приводить к чему, вызывать что, обуславливать что, способствовать чему. Задания типа «найдите логическое продолжение» и «напишите возможное начало» направлены на отработку этих связей.

Ниже приведен фрагмент темы «Осложненная язвенная болезнь».

1.1. Лексический минимум: существительные: прободение, перфорация, пневмоперитонеум, напряжение (мышц), обсеменение, шок, коллапс;

прилагательные: доскообразный (живот), кинжальная (боль), язвенный (анамнез), вынужденное (положение); *глаголы:* перфорировать, поступать (в полость), иррадиировать, маскироваться, нарастать.

Далее следует небольшой научный текст и задания к нему, сгенерированные ИИ.

1.2. Научный текст.

Этиопатогенез, клиника и диагностика перфоративной язвы.

Перфорация (прободение) язвы желудка [3, с. 271] или двенадцатиперстной кишки является одним из наиболее грозных осложнений язвенной болезни, требующим экстренного хирургического вмешательства. Данная патология представляет собой возникновение сквозного дефекта в стенке органа, что приводит к поступлению агрессивного желудочного или дуоденального содержимого в свободную брюшную полость. Согласно современным клиническим рекомендациям, ведущим этиологическим фактором считается деструктивное действие микроорганизма *Helicobacter pylori*, выявляемого у 60–70% пациентов с перфорацией, а также бесконтрольный прием нестероидных противовоспалительных средств (НПВС) и глюкокортикостероидов, снижающих протективные свойства слизистого барьера.

Патогенез развития перитонита при перфорации проходит несколько этапов. В первые часы (химическая стадия) воздействие соляной кислоты и пепсина на брюшину вызывает мощнейший ожог, что провоцирует развитие абдоминального шока. В дальнейшем, по мере нейтрализации кислого содержимого выпотом, наступает стадия мнимого благополучия (бактериальная стадия), сменяющаяся разлитым гнойным перитонитом.

Клиническая картина перфорации классически описывается «триадой Мондора», включающей три патогномоничных признака:

1. «Кинжальная» боль: Внезапный, нестерпимый болевой синдром в эпигастрии, сравнимый с ударом ножа (симптом Дьелафуа). Боль настолько интенсивна, что пациент замирает в вынужденном положении, как правило, лежа на боку с приведенными к животу ногами.

2. «Доскообразное» напряжение мышц живота: Рефлекторный спазм мышц передней брюшной стенки, возникающий в ответ на раздражение брюшины. Живот становится твердым, не участвует в акте дыхания.

3. Язвенный анамнез: Наличие у пациента в прошлом установленного диагноза язвенной болезни или длительных болей в эпигастрии ("желудочный дискомфорт").

При физикальном обследовании выявляются характерные симптомы. Лицо пациента выражает страдание (*facies Hippocratica*), кожные покровы бледные, покрыты холодным потом, отмечается акроцианоз. Пульс в начальной стадии может быть замедлен (симптом Грекова) вследствие вагусной реакции, однако затем сменяется тахикардией. Пальпация живота резко болезненна, положительны симптомы раздражения брюшины (Щеткина-Блюмберга). При перкуссии определяется исчезновение печеночной тупости (симптом Кларка), что свидетельствует о наличии свободного газа в брюшной полости (пневмоперитонеум), поступившего из желудка. При скоплении газа под куполом диафрагмы над печенью выслушивается высокий тимпанит (симптом Спизарного).

Инструментальная диагностика играет решающую роль. Обзорная рентгенография органов брюшной полости позволяет визуализировать серп газа под правым куполом диафрагмы в 75–80% случаев. В сложных диагностических ситуациях (например, при «прикрытой» перфорации, когда отверстие тампонируется сальником или пищей) показано выполнение компьютерной томографии или УЗИ, позволяющих выявить свободную жидкость.

1.3. Блок заданий к тексту Этиопатогенез, клиника и диагностика перфоративной язвы.

Задание 1.3.1. Найдите логическое продолжение данных предложений.

Цель задания восстановление причинно-следственных связей и структуры сложного предложения.

Начало предложения (Причина/Условие/Субъект)	Логическое продолжение (Следствие/Результат/Предикат)
1. Вследствие попадания агрессивного желудочного содержимого в брюшную полость...	А...свидетельствует о наличии свободного газа (пневмоперитонеума).
2. Так как перфорация вызывает раздражение брюшины кислотой,...	Б...что позволяет визуализировать «серп» газа под куполом диафрагмы.
3. Исчезновение печеночной тупости при перкуссии (симптом Кларка)...	В...развивается химический ожог серозной оболочки и абдоминальный шок.
4. Если перфоративное отверстие прикрывается сальником,...	Г...возникает рефлекторное «доскообразное» напряжение мышц живота.
5. Обзорная рентгенография является основным методом диагностики,...	Д...клиническая картина может быть стертой, что затрудняет диагностику.

Задание 1.3.2. Запишите полученные микротексты. Используя пары из Задания 1, составьте три связных микротекста с вводными словами (таким образом, стоит отметить, кроме того).

Цель задания: Формирование навыка компрессии информации и использования средств межфразовой связи.

Микротекст А (Патогенез): Вследствие попадания агрессивного желудочного содержимого в брюшную полость развивается химический ожог серозной оболочки. Так как перфорация вызывает раздражение брюшины кислотой, возникает рефлекторное «доскообразное» напряжение мышц живота

Микротекст Б (Диагностика): Исчезновение печеночной тупости при перкуссии свидетельствует о наличии пневмоперитонеума. Для подтверждения диагноза используется обзорная рентгенография, что позволяет визуализировать «серп» газа под куполом диафрагмы.

Микротекст В (Особенности): Обзорная рентгенография является основным методом, однако, если отверстие прикрыто сальником, картина может быть стертой.

Задание 1.3.3. Напишите вопрос и корректный ответ на него, обращая внимание на порядок слов.

Цель задания: отработка актуального членения предложения.

1. Предложение: Триада Мондора включает в себя «кинжальную» боль, мышечное напряжение и язвенный анамнез.

Вопрос: Какие симптомы включает в себя триада Мондора?

Предполагаемый ответ (рема в конце): Триада Мондора включает в себя «кинжальную» боль, мышечное напряжение и язвенный анамнез.

2. Предложение: В первые часы заболевания развивается стадия абдоминального шока.

Вопрос: Когда развивается стадия абдоминального шока?

Предполагаемый ответ (время — тема, стадия — рема): Стадия абдоминального шока развивается в первые часы заболевания.

3. Предложение: Симптом Дъелафуа характеризуется внезапной резкой болью в эпигастрии.

Вопрос: Чем характеризуется симптом Дъелафуа?

Предполагаемый ответ: Симптом Дъелафуа характеризуется внезапной резкой болью в эпигастрии.

4. Предложение: Причиной перфорации чаще всего является инфекция *Helicobacter pylori*.

Вопрос: Что чаще всего является причиной перфорации?

Предполагаемый ответ: Причиной перфорации чаще всего является инфекция *Helicobacter pylori*.

5. Предложение: Прикрытие перфоративного отверстия сальником приводит к развитию стадии мнимого благополучия.

Вопрос: Что приводит к развитию стадии мнимого благополучия?// К чему приводит прикрытие отверстия?

Предполагаемый ответ: К развитию стадии мнимого благополучия приводит прикрытие перфоративного отверстия сальником.

Задание 1.3.4. Напишите возможное начало следующих предложений.

Цель задания реконструкция причин (ретроспективный анализ).

1. ... , вследствие чего пациент принимает вынужденное положение с приведенными ногами.

(Возможный вариант: Боль резко усиливается при движении и перемене положения тела...)

2. ... , что клинически проявляется исчезновением печеночной тупости. *(Возможный вариант: Газ из желудка поступает в свободную брюшную полость и скапливается под диафрагмой...)*

3. ... , поэтому данный симптом называют «кинжальной болью». *(Возможный вариант: Болевой синдром возникает внезапно и отличается чрезвычайной интенсивностью...)*

4. ... , однако на рентгенограмме свободный газ может не определяться. *(Возможный вариант: У пациента наблюдается клиника «прикрытой» перфорации...)*

5. ... , что требует проведения дифференциальной диагностики с острым панкреатитом и холециститом.

(Возможный вариант: Клиническая картина перфорации в поздние сроки напоминает другие острые хирургические заболевания...)

Задание 1.3.5. Запишите предложения в логической последовательности, чтобы получился связный текст.

Цель задания восстановление нарративной структуры (диагностического алгоритма).

А. На основании клинико-инструментальных данных выставляется показание к экстренной операции. Б. При осмотре врач выявляет «доскообразное» напряжение мышц живота и положительный симптом Щеткина-Блюмберга. В. Пациент поступает в стационар с жалобами на острую, внезапную боль в эпигастральной области. Г. Для верификации диагноза выполняется обзорная рентгенография брюшной полости, выявляющая свободный газ. Д. Из анамнеза выясняется, что пациент длительное время страдает язвенной болезнью двенадцатиперстной кишки.

Правильная последовательность: В, Д, Б, Г, А.

Для преподавателя РКИ ИИ становится существенным инструментом активизации учебного процесса. Автоматический поиск научных медицинских текстов и создание лексико-грамматических заданий к ним видоизменяет традиционную двустороннюю модель взаимодействия в аудитории *обучающийся- преподаватель*. Учебный процесс подвергается методологической трансформации и превращается уже в триаду: *обучающийся- ИИ- преподаватель*. В рамках данной парадигмы искусственный интеллект выходит за рамки вспомогательного инструмента, обретая роль интерактивного наставника и автономного источника дидактического контента.

Инструменты таких платформ, как ChatGPT, YandexGPT, GigaChat, Gemini, Replexity способны сгенерировать серию текстов, описывающих один и тот же патологический процесс с морфологической, клинической,

терапевтической точек зрения, создание упражнений, в которых проверяется не просто формальное знание правил, но и функциональное использование языка в профессиональном контексте. Такой подход помогает овладеть вариативностью научной речи и достаточно быстро решить проблемы нехватки актуальных учебных материалов по узким медицинским специальностям аспирантов-медиков.

Результативность предлагаемых заданий повышается в том числе за счет использования Национального корпуса русского языка (НКРЯ), который позволяет обучающимся усвоить примеры употребления в научном контексте.

При отборе материалов для обучения научному стилю на уровнях В2-С1 преподавателю следует использовать научные публикации, клинические отчеты и материалы конференций. Тексты должны соответствовать узкой специализации аспиранта (например, кардиология, гинекология, хирургия, травматология и т.д.), иметь необходимый объем общенаучной и узкоспециальной лексики и классические жанровые особенности научной статьи. С помощью таких инструментов, как Elicit и Research Rabbit, преподаватель может быстро найти наиболее цитируемые и актуальные работы по теме исследования аспиранта.

Обучение научному стилю, особенно при работе с текстами по медицине, требует точности, логической структурированности, знания терминологии. В связи с этим обусловлена своевременность внедрения современных ИИ-инструментов, позволяющих автоматически анализировать научные тексты, выявлять типичные ошибки и давать рекомендации для их исправления. Методологическая трансформация процесса изучения научного текста по специальности в контексте русского языка как иностранного с использованием данных технологий представляется актуальной, усиливает интерес аспирантов-медиков к предмету, подразумевает овладение системой фоновых знаний и их понимания через тексты научного стиля речи [2, с. 35].

Список использованных источников

1. Андрияшина Н. П. Лексические минимумы в Российской системе тестирования по русскому языку как иностранному // Словари на службе просвещения и образования. – 2009. – С. 67-771.
2. Вихриева И. В., Пашкова М. Н. Об онлайн-курсе «РКИ для профессиональных целей: сельское хозяйство» // VIII международная научно-практическая конференция «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход», 24-25 апреля, 2025. – С. 29-35.
3. Кузин М. И., Шкроб О. С., Кузин Н. М. и др.; Под ред. М. И. Кузина. Хирургические болезни: Учебник – 3 - е изд., перераб. и доп. – М.: Медицина, 2002. – 784 с.
4. Пашкова М. Н. Звучащий научный текст: проблемы обучения иностранных студентов аудированию и конспектированию лекций естественно-технической направленности в вузах Российской Федерации // Современные направления развития вузовского образования: коллективная монография/отв.ред. А. Ю. Нагорнова. – Ульяновск: Зебра, 2019. – С.314-322.
5. Соколова А. Ю. Медицинский дискурс: объем и содержание понятия //

УДК 821.112.2

**«В СТЕРЕОЭФФЕКТЕ ЯЗЫКОВ»:
РОМАН К. ПЕТРОВСКОЙ «VIELLEICHT ESTHER»**

А. Э. Воротникова,

*доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка и
иностраных языков для неязыковых профилей,*

Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж

Аннотация. Статья посвящена сравнению оригинального немецкого текста романа К. Петровской «Кажется Эстер» и его русского перевода, выполненного М. Рудницким. Подчеркивается уникальность как созданного на неродном для автора языке произведения, так и его русскоязычной версии. В качестве характерной особенности романного текста указывается обилие в нем реалий, предпочтительным способом передачи которых является использование сразу нескольких трансформаций и приемов: транслитерации, описательного перевода, калькирования, комментариев. Особое внимание уделяется сложным случаям сохранения образной составляющей оригинала. Делается вывод о самобытности «переводческого стиля», усиливающего русский колорит произведения Петровской.

Ключевые слова: реалия, национальная специфика, переводческая трансформация, транслитерация, калькирование, описательный перевод, переводной эквивалент, стиль.

Summary. The article is devoted to comparing the original German text of the novel «Vielleicht Esther» by K. Petrovskaja and its Russian translation by M. Rudnitsky. The uniqueness of both the work created in a language that is not native to the author and its Russian-language version is emphasized. A characteristic feature of the novel is its abundance of realia, the preferred method of conveying which is the use of several transformations and techniques: transliteration, descriptive translation, calquing, comments. Particular attention is paid to complex cases of preserving the figurative component of the original. A conclusion is made about the originality of the «translation style», which strengthens the Russian flavor of Petrovskaja's work.

Keywords: reality, national specificity, translation transformation, transliteration, calquing, descriptive translation, translation equivalent, style.

История создания и перевода романа «Vielleicht Esther» (2014) уникальна. Книга была написана русскоязычной уроженкой Киева, филологом-славистом Катей Петровской (род. 1970) на немецком, который она начала изучать лишь в двадцать семь лет в связи с эмиграцией в Германию. Русский язык обнаружил неподатливость как средство передачи травматического опыта Второй мировой войны и Холокоста, навсегда изменивших судьбы представителей одной еврейской семьи, о которой повествуется в произведении. Немецкий, пришедший на помощь в ситуации языкового коллапса, произвел необходимый терапевтический эффект очуждения, позволивший автору абстрагироваться от трагического прошлого и, благодаря обретенной дистанции, выразить его невыразимое содержание.

По признанию самой Петровской, «Кажется Эстер» – это роман не столько о памяти, сколько о поисках автобиографической героиней-рассказчицей собственного места в мире, о самопознании и приходе к себе через установление связей с Другим. «По-немецки вообще было непонятно, кто я, кто пишет и сколько у пишущего персонажа жизней» [2, с. 297]. Отказ от родного языка явился дестабилизирующим фактором, ломающим стереотипные представления о себе, своей семье, родной стране и истории. Наконец, обращение к языку бывшего врага стало способом примирения крайностей [2, с. 300] и обретения истинного знания об открытости и незавершенности индивидуального и всеобщего бытия, о множественности связующих их нитей.

Изначальное сопротивление романного материала русскому языку вылилось в дальнейшем в проблему перевода уже написанной книги, на который сама Катя Петровская наложила вето [2, с. 304]. Тем не менее роман «Vielleicht Esther» смог обрести новую жизнь в русскоязычной читательской среде в 2021 году благодаря замечательному переводчику Михаилу Рудницкому, который «потратил немало сил, чтобы убедить строптивого автора в том, что это другая книга, и она имеет право на существование» [2, с. 304].

В чем состоит инаковость русскоязычной версии «Кажется Эстер»? Самое очевидное отличие связано с особенностями двух языковых систем, а также с наличием в них слов, обозначающих реалии. Последними изобилует советская общественно-политическая жизнь, которой в романе отведено особое место: «Es wimmelte von fabelhaften Wesen wie Rabfak, Oblmortrest, Komsomol, Molokoopsojus, alles wurde damals abgekürzt und verschmolzen, Mosselprom, Narkompros oder TscheKa, die langlebigste Organisation, die sich später in GPU, NKWD, KGB, FSB verwandelte» [4, S. 35]. Сюда же примыкают «Kulaken» [4, S. 98], «Kolchos» [4, S. 44], «Pogrom» [4, S. 98], «Organu» [4, S. 149], «Perestrojka» [4, S. 64], а также пронизанное иронией словосочетание «Deduschka Lenin» [4, S. 35] – «дедушка Ленин» [2, с. 37], значительно мифологизированный образ которого закреплялся пропагандой в сознании советских детей.

В некоторых случаях в немецкой версии романа наблюдается любопытное явление удвоения переводческих трансформаций – транслитерации и калькирования. Если калька позволяет прояснить смысл реалий советской эпохи, то транслитерация служит сохранению их оригинального характера. Невозможно обойтись без такого двухступенчатого воспроизведения реалии «герой труда» в предложении, где рассказчица объясняет происхождение имени ее дяди Гертруд: «...mein zukünftiger Onkel bei der Geburt den Namen Geroj truda bekam, Held der Arbeit, abgekürzt Gertrud» [4, S. 18].

Тот же прием дублирования транслитерированного варианта и его кальки на немецкий наблюдается при передаче имен собственных: «Babij Jar. Weiberschlecht» [4, S. 183] («женский овраг» [2, с. 192]); «Кощей

Бессмертный, Kostschej Bessmertnyj, Kostschej der Unsterbliche» [4, S. 215].

Автор сохраняет «русскость» общечеловеческих понятий за счет использования транслитерированных лексем из сферы быта и повседневной жизни: «Babuschka» [4, S. 22], «kowrishka» [4, S. 25], «Piroschki» [4, S. 22], «trjochlitrowaja banka» [4, S. 32].

Максимальному погружению немецкого читателя в жизнь обрусевшей еврейской семьи способствует одновременное использование транслитерации, дословного перевода и русскоязычного выражения на кириллице. Так передается название рецепта, оставленного покойной тетей Лидой: «Lange Zeit verstand ich nicht, was EBP. KBAC bedeutete, so stand es ganz oben auf dem Zettel, ich starrte auf dieses EBP, denn die kyrillische Abkürzung hätte genauso gut als EBPопейский, JEWроpejskij, europäischer, wie als EBPейский, JEWреjskij, jüdischer Kwas verstanden werden können...» [4, S. 31].

Таким образом, у Петровской не происходит полного переключения на немецкий, который срачивается с русским, в результате чего возникает ситуация межъязычья. Автор сопрягает национально-специфические феномены, перекидывая языковой «мостик» между разными культурами и утверждая принципиальную возможность взаимопонимания их представителей без утраты национальной уникальности.

Переводчику уже нет нужды прибегать к практикуемому писательницей двух-, а то и трехступенчатому воспроизведению безэквивалентной лексики, которая и без того понятна русскому читателю. Собственно переводческая работа начинается там, где использование немецких реалий не дублируется их русскими аналогами. Михаил Рудницкий осуществляет те же трансформации, какие применяет в исходной версии романа Катя Петровская. Например, кулинарная реалья «Kaiserschmarrn» [4, S. 257] передается в два этапа – сначала в описательном переводе, затем как транслитерированное немецкоязычное слово, позволяющее почувствовать атмосферу австрийского дома: «...Ганс готовил для нас сладкий австрийский омлет кайзершмаррн...» [2, с. 267].

Названию детской игры «Räuber und Gendarm» [4, S. 40] соответствует аналог «казаки-разбойники» [2, с. 42]. Именно о них идет речь в эпизоде, где рассказчица вспоминает свое детство, однако оправданно избегает перегрузки повествования объяснением разницы между немецким и русским названиями, тем более что принципы обеих игр идентичны.

«Natürlich weiß ich, dass wir durch dieses Tor gegangen sind, ich weiß, was auf diesem Tor steht, so wie ich weiß, was zwei mal zwei ist, wie Bruder Jakob geht...» [4, S. 60] («Разумеется, я помню, что мы через эти ворота прошли и помню, что над ними написано, – помню как дважды два, как “жил-был у бабушки”...» [2, с. 62]). Факт очевидного знакомства героини с надписью над входом в Освенцим подчеркивается в оригинале посредством упоминания французской народной песни, популярной в Германии под названием «Bruder Jakob», функциональным эквивалентом которой может

считаться русская песня «Жил-был у бабушки серенький козлик». И то, и другое фольклорные произведения характеризуются широтой распространения и общеизвестностью, что и позволяет провести переводческую параллель между ними.

Однако осуществить уместный уподобляющий перевод, не просто передающий основное лексическое значение оригинальной единицы, но и воспроизводящий национальный колорит, представляется не всегда возможным. В этом случае на помощь приходит комментирование. Название главы «Oziels Asyl» [4, S. 93] включает игру слов, основанную на созвучии собственного имени Катиного прадеда и немецкого существительного «Asyl» – «убежище», в романном контексте – приют для глухонемых детей, во главе которого стоял Озиель Кржевин. Без соответствующего пояснения смысл русского названия главы «Азиль нашего Озиеля» [2, с. 96] остался бы затемненным.

Точно так же комментария требует отрывок из англоязычной песни группы «Битлз» «Хэй, Джуд», оставленный без перевода в основном тексте обеих романских версий: «Hey, Jude, – звенело во мне, – and any time you feel the pain, hey, Jude, refrain» [2, с. 142]. Песенная строка преследует героиню, пытающуюся прочесть стертые надписи на могильных плитах с еврейского кладбища, которые стали частью мостовой польского города Калиша. В сознании рассказчицы английское имя собственное Джуд ассоциируется с немецким омографом «Jude» – «еврей».

Переводческая креативность наиболее отчетливо продемонстрирована в тех романских отрывках, где удалось средствами русского языка сохранить образную составляющую оригинала. Немецкий каламбур «in diesem Gerät Rettung suchte» [4, S. 274] (дословно: «искала спасения в этом приборе (ксероксе. – А. В.)») базируется на сходстве звучания лексем «Gerät» – «прибор» и «Rettung» – «спасение». Рассказчица размножает присылаемые ей со всего мира истории человеческих трагедий во время войны, но, поскольку им нет конца, ее занятие утрачивает всякий смысл. Тем не менее она «копировала снова и снова, без остановки, пока смутно не почувствовала, что опять спутала ксерокс и серость, которая неумолимой мглой все плотнее ложилась на эти страницы и погружала в небытие чаемое ... спасение техникой» [2, с. 284]. По аналогии с «Gerät» и «Rettung» М. Рудницкий находит удачную пару сходно звучащих слов «ксерокс и серость», органично вписывающихся в концепцию постпамяти. Серый цвет метафорически воплощает в произведении утраченное прошлое.

В романе «Кажется Эстер» ощутим так называемый «переводческий стиль» [3, с. 179], характерной чертой которого является своеобразная «русскость», менее выраженная в оригинале. Стилистический диапазон немецкого «die Juden» расширяется в русскоязычном тексте в ключевой сцене гибели Катиной прабабушки за счет частого использования, наряду с нейтральным словом «евреи», его просторечного варианта «жиды» [2,

с. 219]. Уничжительный оттенок его значения, не знакомый языку оригинала, усиливает эмоциональное напряжение, наполняющее эпизод расстрела фашистами старой и больной Эстер.

М. Рудницкий широко использует весь потенциал русской языковой системы, в частности ее словообразовательные средства. Очевидна разница между «Onkel Wil» [4, S. 35] и «дядя Виля» [2, с. 36], чье имя представляет собой инициалы Владимира Ильича Ленина. Типичное для краткой формы русских имен окончание «я» «одомашнивает» имя Вил, снижает заключенный в нем идеологический пафос и подспудно служит осмеянию сервильной психологии советских граждан, наделяющих детей нелепыми именами и политизирующих частную сферу жизни.

Трудно не заметить различия между «eine kleine Datscha» [4, S. 234] и «дача» [2, с. 242]. Уменьшительно-ласкательный суффикс «к» сообщает русскому слову разговорный характер, погружает его в живую стихию повседневного общения. «Elf Ar» [4, S. 234] – в оригинале «одинадцать соток» – передано как вождельно-пресловутые «шесть соток» [2, с. 243] – мечта большинства советских людей, вызывающая у рассказчицы смешанные чувства ностальгии и иронии. Комплекс фоновых знаний, связанных с перифрастическим обозначением индивидуального участка земли, не вмещается в немецкое выражение «elf Ar», ничего не говорящее тому, кто не является представителем соответствующей культуры.

Соседки-огородницы в немецкой версии романа не «лузгают семечки» [2, с. 244], а скорее «шелушат» их: именно так переводится нейтральный глагол «schälen» [4, S. 236], лишенный просторечного колорита русского эквивалента.

Поэтическая формула «наши пути-дороги» [2, с. 44] стилистически гораздо насыщеннее, нежели «unseren Wegen». Высокое слово «путь» имеет более широкое, в том числе образно-символическое значение судьбы, доли, нравственного выбора [1]. В «Кажется Эстер» данное выражение стилистически точно вписывается в иронически-ностальгический контекст Катиных воспоминаний о доме, один из жильцов которого «играл на гармошке народные песни, и эти щемящие мелодии разносились над привилегированными просторами двора, сопровождая все наши пути-дороги» [1, с. 44] («spielte Volkslieder auf der Harmonika, die wehmütig über unserem monumentalen Hof dahinzogen und uns begleiteten auf allen unseren Wegen» [4, S. 42]).

Итак, русский перевод расширяет и углубляет стилистико-семантическое наполнение исходного текста романа Кати Петровской «Vielleicht Esther». «Переводческий стиль», допускающий просторечную естественность, непринужденность и доверительность, большую эмоциональность и экспрессивность, отличается от оригинальной авторской манеры письма и служит созданию нового самобытного произведения.

Список использованных источников

1. Колесов В. В. Путь-дорога // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2017, Т. 159, кн. 5. – С. 1200–1213.
2. Петровская К. Кажется Эстер. Истории. Изд. 2-е, испр. / Пер. с нем. М. Рудницкого. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2022. – 312 с.
3. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для ин-тов и фак-тов иностр. языков. Учеб. пособие. – 5-е изд. – СПб.: Филолог. фак-т СПбГУ; М.: Филология три, 2002. – 416 с.
4. Petrowskaja K. Vielleicht Esther: Geschichten. – Berlin: Suhrkamp Verl., 2015. – 285 S.

УДК 81'255.2

ПОГОВОРИМ НАЧИСТОТУ: ЯЗЫК «НОВОЙ ИСКРЕННОСТИ» В ТВОРЧЕСТВЕ К. Э. ДАФФИ

Л. Н. Глухенькая,

кандидат филологических наук, старший преподаватель, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается художественный язык стихотворения «Искренность» из одноименного сборника современного британского автора, Поэта-лауреата Кэрол Энн Даффи. Исследование нацелено на определение места и роли «новой искренности» в новейшем творчестве автора. Кроме того, изучены языковые средства, конституирующие тенденцию, и основные переводческие задачи в рамках перевыражения поэтического текста с английского языка на русский.

Ключевые слова: Искренность, новая искренность, Кэрол Энн Даффи.

Summary. The article focuses upon the artistic language of the poem *Sincerity* from the eponymous collection by the modern British author, Poet-laureate Carol Ann Duffy. The study is aimed at determining the place and role of *New Sincerity* in the author's most recent work. Furthermore, the research is focused upon examining linguistic devices that constitute the tendency and the key translation challenges arousing while translating poetic text from English into Russian.

Keywords: Sincerity, New Sincerity, Carol Ann Duffy.

В сборнике «Искренность» (2018), последнем выпущенном альманахе в бытность Кэрол Энн Даффи на посту Поэта-лауреата, явно прослеживается связь с формировавшейся с конца XX века как оппозиционной постмодернистским цинизму и иронии тенденцией «новой искренности» (*New Sincerity*). В нашей статье разберем подробно, так ли нова «новая искренность» в творчестве Даффи или же она органично вплетена в эволюцию авторского мировоззрения и произрастает из недр постмодернизма, чья философия описывает и авторскую манеру письма, и ее глубинные принципы.

«Новая искренность» действительно появилась из глубин постмодерна, а обращение к ней – из очередного культурного запроса на смену ориентиров. Но вот парадокс: разрушение есть не что иное, как главный инструмент деконструкции (постмодернистское «разрушить самое

себя»). Так и получается, что, по мнению слависта, профессора Амстердамского университета Эллен Руттен, «новая искренность» действительно сменяет и/или может сменить постмодернизм, что, однако, не мешает автору воспринимать ее же как одну из его версий [5]. Именно этот парадокс хорошо проиллюстрирован в творчестве Кэрол Энн Даффи. Поэтесса привыкла открыто (со свойственной долей реализма) и одновременно иронично обозревать в лирике не только публичные, но и интимные стороны жизни. Особенно удачно ей это удавалось в переработках классических сюжетов «Вечной жены», определившей на многие годы постмодернистский генезис ее творчества. Открытость и демонстрация переживаний всегда были явной сильной стороной поэтического слога Даффи. При этом, локальное всегда транслировалось через интертекстуальную связь с глобальным, и излюбленным приемом поэтессы были и есть межтекстовые и межкультурные игры с формами, стилями, идеями.

Однако, постмодернистские инструменты автор использует не только для разрушения старых смыслов. В своем новом сборнике «Искренность» автор открывает дорогу новым смыслам, зачастую неприглядным и горьким, но составляющую бытность обычного человека с его убеждениями, страхами и чувствами. Только теперь поэтесса делает это от первого лица, что подтверждает мысль о взаимосвязи *постмодернистского* и *мета-модернистского* (курсив Л. Г.) в ее лирике.

Стихотворение с одноименным заглавием в альманахе выступает «a moving closing ode to the virtue of sincerity» (заключительной одой добродетельной искренности – перевод Л. Г.), оно венчает сборник и играет кульминационную роль в размышлениях автора на темы человечности и чувственности. В «Искренности» человек предстает объятым течением времени, во всей своей наготе перед лоном природы, из которого он вышел, перед социумом, в котором он ищет новые смыслы, и наконец перед самой Вселенной.

Рассмотрим подробнее оригинал стихотворения, выбранного для анализа. Также приведем его подстрочный перевод.

Sincerity

Искренность

So., I stand still,
 quiet as a soul,
 to watch the song thrush
 hoodwink the grass
 of a worm.
 I am all sincerity.

Итак. Я стою неподвижно,
 тихо как душа,
 и смотрю, как дрозд
 ловит в траве
 травинку-червя.
 Я – сама искренность.

 As when
 I go to the dictionary ...
 and there be I,
 the only one
 in the back pew at the Latin mass;

 Как тогда
 я открываю словарь...
 где мне и быть,
 единственной
 на задней скамье на латинской мессе;

цикличности жизни и потока времени.

Мы уже упомянули, что в стихотворении одна субъектная сфера – Я (*I stand still, I am all sincerity, I go to the dictionary ... / and there be I, I look up*). Перед нами автор, и в этом нет сомнений. Более того, этот ракурс поэтесса выбирает не зря, а словно подчеркивая: я больше не скрываюсь за образами «других» (как это было, например, в сборнике «Вечная жена»). «Искренность» требует от поэтессы снять маску полностью. Даффи всегда говорила о себе, о себе в том числе, но «Искренность» – это попытка поговорить о личном не через интертекстуальную оптику, а напрямую.

Действительно, путь «Искренности» – это путь личный, история возвращения к истокам: в детство (*in the back pew at the Latin mass*) и на Родину (*I look up / from the hill at Moniack*). Даффи упоминает именно о латинской мессе в знак того, чтобы отдать дань своему католическому воспитанию и образованию. Поэтесса родилась в Шотландии и является шотландкой с ирландскими корнями. Мать Кэрол урожденная Мэри Блэк была ревностной католичкой. Как и положено в католических семьях юную Кэрол отдали на обучение в школу при женском монастыре. Как известно, месса у католиков ведется на латыни, а не национальных языках, как у протестантов. Католическое воспитание и образование окажут существенное влияние на творчество поэтессы в будущем – в поэзии Даффи можно встретить множество библейских сюжетов и аллюзий на Ветхий завет. Также можно отметить особую любовь поэтессы к сонету, который она часто сравнивала с молитвой, считая их близкородственными короткими и, что немаловажно, запоминающимися формами [3].

Мониак, о котором упоминается в заключительных строчках стихотворения, это ущелье в районе шотландского Инвернесса (*Moniack Gorge*) на северо-восточном побережье страны. Болотистая местность в Шотландском высокогорье (округ Хайленд) – этот родной для Даффи пейзаж окутан меланхолией. О родных местах автор всегда вспоминает с грустью, так как ее семья вынуждена была их покинуть и переехать на юг Англии в поисках работы.

Таким образом, в стихотворении «Искренность» сохраняется минимальное диалогическое взаимодействие, о котором всегда идет речь в постмодернистской поэзии. Однако же автор, которой не впервой говорить о личном, впервые подвела некую смысловую черту (все же перед нами заключительная ода искренности), которая просто невозможна в рамках постмодернистского дискурса, для которого хаос и рассредоточение – смысл существования. А так, как художественность перевода оценивается не только по его метрике, но и по его образности, которая в свою очередь имеет прагматическую функцию – передать впечатление от авторской картины мира, то переводчик, конечно, оказывается лицом к лицу с авторской эволюцией, а не просто с образами, метафорами и размерам. И что же в таком случае делать ему, переводчику?

Конечно, по общему представлению, следует синхронизировать

образы, метафоры и размер. При этом, специалисту все-таки придется выбирать, насколько доместицированным он может позволить себе текст в переводе. В первую очередь, это касается размера, а вернее отсутствие фиксации такового в оригинале. Единственный изданный перевод стихотворений К. Э. Даффи на русский язык выполнен Светланой Дубовицкой (за исключением публикаций переводов, представленных в исследовательских целях в диссертации и других работах автора статьи, а также тех переложениях, которые на просторах интернета публикуют переводчик-любители). И Дубовицкая в предисловии к «Вечной жене» пишет о том, что является непреложной истиной в отношении западной поэзии, как ее видят отсюда, из России: «Западные поэты ... равнодушно относятся к метру и ритму» [2, с. 5]. С одной стороны, есть разность традиций: русское стихосложение силлабо-тоническое, а английское стихосложение тоническое и зачастую может опираться на внутренние рифмы, аллитерации и ассонансы. Современные поэты и вовсе любят отказаться от фиксированного размера и рифмы. Если переводчик позволяет себе, что называется, добавить стройности метра, то это уже доместикация, выполненная для привлечения русскоязычной аудитории, которой сложнее воспринимать ритмические вариации.

Особую трудность для переводчика всегда составляет работа с художественным полем произведения, и здесь всегда допустимо функциональное переложение, с чем справится грамотный специалист. Создать новую метафору, знакомую русскому читателю, подчас значит уподобиться самому автору, и проникнув в глубины его мировидения, подобрать синхронный образ на языке перевода. Это тот путь, который стоит за рядом лексико-семантических переводческих трансформаций, зачастую выступающих в роли альтернативных или компенсационных техник. Конечно, неизбежны переводческие потери и буквализмы [1, с. 48]. Однако же в стихотворениях современников, особенно если они написаны в духе реализма, пожалуй, легче справляться с образностью, зачастую ее можно даже оставить практически нетронутой, в первоизданном виде. Сейчас представители разных культур довольно активно вовлекаются в глобальное информационное поле, в котором циркулируют различные идеи, о которых ранее люди из одной страны или народа просто не могли знать, не посетив страну и не изучив язык и обычаи другого народа.

Что же тогда «нового» для переводчика в новом сборнике и его финальной оде, в которых Кэрл Энн Даффи манифестирует идею «новой искренности»? Безусловно, тот, кто знаком с поэзией Даффи, новой искренность в ее стихотворениях не назовет, однако заметит, что апогеем писательской эволюции в рамках «зрелого» этапа творчества поэтессы можно назвать признание автором высшей ценности реалистичного изображения недуалистического характера. Конечно, сборник «Искренность» может быть своего рода автобиографичной исповедью, и автор еще вернется к двойному кодированию и интертекстуальным играм.

Однако на данном этапе художественный текст «Искренности» представляет собой текст программный, требующий от переводчика перевыражения с минимальным количеством потерь, а именно сохранения конституируемых «новую искренность»: реализма свободной стихотворной формы (уже знакомую для поэзии Даффи), символизма триумvirата идей Природа – Человек – Вечность и автобиографизма единичных отсылок.

Список использованных источников

1. Глухенькая Л. Н. Образ Фауста в поэзии К. Э. Даффи: интерпретация и перевод // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы IX международной научно-практической конференции, Симферополь, 24–25 апреля 2025 г. – С. 40–49.
2. Даффи К. Э. Сборник стихов «Вечная жена». Двужычный / К. Э. Даффи; Перевод на русский язык Дубовицкой С. Г. – М.: Издательство «Перо», 2012. – 134 с.
3. Carol Ann Duffy [Электронный ресурс] // The Poetry Archive. – Режим доступа: <https://poetryarchive.org/poet/carol-ann-duffy/> (дата обращения: 30.01.2026).
4. Duffy C. A. Sincerity. – London: Picador, 2018. – 75 p.
5. Rutten E. Sincerity after Communism: A Cultural History. – New Haven; L.: Yale University Press, 2017. – 289 p.

УДК130.2:314.743

ЭСТЕТИКА ПЕРЕВОДА: ПЕРЕВОД КАК ИГРА

О. Р. Демидова,

*доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии
ЛГУ имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург*

Аннотация. Основываясь на амбивалентной эстетической природе перевода, автор статьи рассматривает его как многоуровневую игру, разворачивающуюся на границе культур, языков, традиций, образов и пр. Подобный подход обусловлен как эстетическим пониманием феномена игры, так и спецификой переводческой деятельности, осуществляющейся в режиме интеллектуального и творческого игрового диалога с автором переводимого произведения и с самим текстом, основанного на процедурах поиска и выбора.

Ключевые слова: эстетика, перевод, переперевод, переводчик, игра, граница, культура, язык, традиция, образ.

Summary. The author treats translation as a multilayered game oscillating on the borderline of cultures, languages, traditions, images, etc., basing this approach on translation ambivalent aesthetic nature. The said approach is conditioned both by aesthetic understanding of the phenomenon of the game and by the specific character of translation as an activity carried out as an intellectual and artistic dialogue of the translator and the author of the translated text as well as the former's dialogue with the text itself, the said dialogue being based on the procedures of search and choice.

Key words: aesthetics, translation, retranslation, translator, game, borderline, culture, language, tradition, image.

В философии и культурологии игру принято понимать как вид непродуктивной деятельности, мотивируемой не результатом, а процессом как таковым, доставляющим удовольствие и приносящим радость, при этом игровая деятельность неизменно противопоставляется трудовой [2, с. 202;

3, с. 133-135; 5, с. 168-169]¹³. Эстетический подход к игре предполагает, что игровая структура свойственна всякой деятельности, если она приобретает эстетическую ценность, а художественное творчество, к которому одной своей стороной, безусловно, относится перевод, «органически сливает целесообразную деятельность и игровую» [7, с. 96]. Подобный подход позволяет рассматривать перевод в его деятельностном и процессуальном изводах как игру, разворачивающуюся в пограничной ситуации на нескольких уровнях: культур, языков, традиций, образов, смыслов, стереотипов, мифов, дискурсов и идентичностей. Пограничность обусловлена амбивалентной эстетической природой перевода, объединяющей характеристики науки и искусства, т.е., деятельности интеллектуальной и художественной.

Игровые стратегии проявляются уже в попытках самих переводчиков дать переосмысленное метафорическое определение феномена, по причине своей эстетической амбивалентности не поддающегося попыткам исчерпывающих академических определений. Предлагаемые переводчиками варианты основаны на различного рода культурных цитатах и аллюзиях, культурных тропах, юмористических авторских максимах, видах и жанрах искусства, т. наз. бродячих образах, коллизиях и сюжетах. Перевод предстает то школой вкуса, то культурной перекличкой, то гравюрой, то вышивкой по канве, то переложением с одного музыкального инструмента на другой, то мерцающим двойником, то искусством потерь¹⁴. Переводчики предлагают широкий спектр вариантов метафоризации, искусно сопоставляя выразительные возможности литературы, живописи, графики, музыки и превращая процесс (пере)осмысливания феномена в искрометную творческую игру, направленную на обретение новых смыслов. При этом они обращаются к различным культурным, литературным, художественным и собственно переводческим традициям, используя различные стилистические регистры и ракурсы переосмысления и нередко прибегая к приему «от противного» и рассуждая о том, чем перевод *не* является.

Не менее метафорически-игровыми являются определения переводчиками собственной роли в культуре. Играя образами, переводчики представляют себя в самых разных обличьях: от «раба» и «соперника» у Жуковского до «сводни» у Гёте и пушкинских «почтовых лошадей просвещения», неоднократно обыгранных в более поздних высказываниях (от «ослов просвещения» у В. Набокова до «ишаков книгоиздательского бизнеса» у Я. Пробштейна). Столь же изобретательны они и в определении собственной роли в судьбе переводимых авторов, выстраивая ролевую (игровую) парадигму «предатель» автора – его «убийца» – приносящий себя в жертву («умирающий в авторе») и тем самым воскрешающий его носитель

¹³ О культуротворческом потенциале игры см.: [6]; о культуре как переводе см.: [9].

¹⁴ Подробнее см.: [1, с. 24-26].

иноязычной культуры – соперник автора – равный ему творец – искушаемый именем автора невидимый соавтор. Каждая из указанных ролей предполагает выбор фиксированных переводческих стратегий, проигрываемых в процессе перевода.

Сам процесс работы с чужим текстом вполне возможно рассматривать прежде всего как многоуровневую интеллектуальную и творческую игру с его автором. Первостепенная задача переводчика состоит в том, чтобы, вчитываясь в текст в направлении от верхнего слоя к глубинным, прозреть все богатство и сложность авторского замысла и культурно-функциональную специфику использованных автором языковых средств разных уровней (лексическо-грамматического, стилистического, семиотического), а затем найти типологические соответствия им в языке перевода. Перевод – это всегда поиск и выбор: подбирая нужные слово, фразу, фразеологический оборот, грамматическую конструкцию или переводческий прием, переводчик играет возможными вариантами, чтобы воссоздать на другом языке ту сложную функциональную, смысловую, эстетическую и художественную мозаику, которую сложил автор оригинального произведения. При этом, как и в игре, поиск и выбор допустимых возможностей основан на определенном наборе правил, заданных, с одной стороны, спецификой лингвокультурной типологической соотносимости оригинала и перевода, с другой – сложившейся в той или иной культуре переводческой традицией¹⁵.

Наконец, подобно игре, перевод принципиально не завершаем, поскольку с течением времени меняются эстетические и художественные ценности и запросы сообщества, соотношение культур оригинала и перевода, статус переводной литературы в целом и определенного иноязычного произведения в культуре перевода, что приводит к необходимости появления новых переводов уже переведенных текстов¹⁶. В процессе работы над этими переводами актуализируются те из заключенных в оригинальном произведении смыслов, которые более соответствуют современному культурному дискурсу страны перевода. Кроме того, со временем происходят более или менее существенные изменения в обоих языках и в обеих культурах, следовательно, меняется их типологическая соотносимость, что, в свою очередь, требует адекватного изменившемуся культурному контексту переводческого поиска – то есть, продолжения игры переводчика с оригиналом и с его автором,

¹⁵ Учет переводческой традиции может производиться как в позитивном, так и в негативном ключе; в первом случае переводчик работает в ее рамках, воспроизводя ее основные характеристики; во втором его усилия направлены на разрушение существующей традиции и создание новой; в ряде случаев делаются попытки реконструкции забытой традиции и возврата к ней.

¹⁶ Это явление применительно к русской культуре было описано Ю.Д. Левиным, предложившим термин «переводная множественность» [4]; в современной науке о переводе используется термин «переперевод» («retranslation»); подробнее см. [8, с. 233; 10; 11]; необходимо отметить, что новый перевод может быть как результатом обращения другого переводчика к уже переведенному тексту, так и повторным обращением к нему одного и того же переводчика.

направленной на максимально возможное выявление заложенных последним в текст смыслов и выражение их на языке перевода.

Список использованных источников

1. Демидова О. Р. Перевод как зеркало культуры: очерки по истории и философии перевода. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2022. – 240 с.
2. Конт-Спонвиль А. Философский словарь / Пер. с фр. Е.В. Головиной. – М.: Этерна, 2012. – 752 с.
3. Культурология. XX век. Словарь. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 640 с.
4. Левин Ю.Д. К вопросу о переводной множественности // Классическое наследие и современность / Под ред. Д.С. Лихачева. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1980. – С. 365-372.
5. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА, 1997. – 576 с.
6. Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий: опыт определения игрового элемента культуры / сост., предисл. и пер. Д.В. Сильвестрова; коммент., указ. Д. Э. Харитоновича. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. – 409 с.
7. Эстетика: Словарь / Под общ. ред. А.А. Беляева и др. – М.: Политиздат, 1989. – 447 с.
8. Baker V. & Saldanha D. (eds.). Routledge Encyclopaedia of Translation Studies. 2nd Edition. – London: Routledge, 2011.
9. Macura V. Culture as Translation // Translation, History, and Culture. London: Cassell, 1995.
10. Palopovski O., Koskinen K. A Thousand and One Translations: Revising Retranslation // Yansen J., Malmkjaer K., Gile D. (eds.) Claims, Change, and Challenges in Translation Studies: Selected Contributions from the EST Congress, Copenhagen 2001. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004. – P. 27-38.
11. Venuti L. Retranslations: The Creation of Value // Bucknell Review. 2004. N 47 (1). – P. 25-38.

УДК 141

**СТУДЕНЧЕСКИЙ ПРОЕКТ КАК ЭЛЕМЕНТ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ
ЛИНГВИСТОВ/ПЕРЕВОДЧИКОВ**

Е. В. Дроздова,

*кандидат политических наук, доцент кафедры английского языка,
Московский государственный лингвистический университет, Москва*

Е. Н. Соколова,

*кандидат философских наук, доцент кафедры английского языка,
Московский государственный лингвистический университет, Москва*

Аннотация. Проектная деятельность давно является важным элементом образовательного процесса. Моделирование будущей профессиональной деятельности является эффективным средством подготовки обучающихся, поскольку отражает существующие тенденции на рынке труда и корректирует задачи текущего обучения. Практический опыт становится ценным ресурсом как для студентов, так и для профессорско-преподавательского состава. Однако, несмотря на очевидные преимущества проектной работы, участники сталкиваются с разнообразными вызовами.

Данная статья предлагает обзор реальных проектов, а также анализ решения конкретных задач.

Ключевые слова: проектная деятельность, язык, перевод, фоновые знания, мягкие навыки, коммуникация.

Summary. Project activity has long become an important element of educational process. Modelling of future professional activity is an effective method of training students as it reflects existing trends on the labor market and adapts the targets of current education. Practical experience becomes a valuable resource both for students and faculty. However, despite apparent benefits of project work members encounter various challenges. This article represents an overview of real projects as well as analysis of solutions of concrete tasks.

Key words: project activity, language, translation, extra-linguistic information, soft skills, communication.

В условиях постоянно увеличивающегося объема межкультурной коммуникации, развития и все более активного внедрения во все сферы жизни искусственного интеллекта и связанного с этим появления новых содержательных форматов, роль лингвиста-переводчика меняется. Внедрение новых технологий и растущий спрос на специализированный подход к решению задач оказывает всеобъемлющее влияние на культуру обучения. Профессиональная подготовка лингвистов-переводчиков, ориентируясь на динамично изменяющиеся тренды современного рынка труда, чутко реагирует на новые вызовы. Подготовка лингвиста-переводчика включает в себя не только глубинное освоение языка, но также приобретение экстралингвистических (фоновых) знаний и так называемых «мягких» навыков. Лингвистическое обучение естественным образом фокусируется на изучении языковых систем, часто не уделяя достаточного внимания практике исследования экстралингвистических областей. Фоновые знания, однако, позволяют существенным образом повысить качество продукта перевода, так как они способствуют адекватной передаче оригинальной информации средствами иного языка. Поскольку язык является живым воплощением истории и культуры нации и, следовательно, находится в постоянной динамике, недостаточное знание стран изучаемого языка, национальных традиций, обычаев и текущих тенденций в повседневной жизни влияет на качество межкультурной коммуникации. Таким образом, изучение культурно-исторического наследия стран, а также своевременное усвоение актуальной повестки дня являются необходимыми элементами профессиональной подготовки лингвистов-переводчиков.

Современный рынок труда предлагает все больше вызовов, требующих применения развитых так называемых «мягких» навыков, например, адаптивности, критического мышления, управления временем, работе в команде и т. д. Проектная деятельность как работа, направленная на решение конкретной задачи, предлагает уникальный опыт не только в области углубленного изучения языковых средств, фоновых знаний с привлечением дополнительных исследовательских источников, но и погружение в профессиональную культуру [1].

В 2022–2023 и 2024–2025 академических годах кафедра английского

языка переводческого факультета МГЛУ проводила студенческие научные проекты «Составление лингвокультурологической справки знакового художественного произведения эпохи СССР (х.ф. «Операция “Ъ” и другие приключения Шурика», СССР, 1965)» и «Сравнительный анализ продуктов перевода». Оба проекта были направлены на повышение качественной подготовки лингвистов-переводчиков. К участию в проектах были привлечены как молодые, так и опытные преподаватели кафедры. Участниками проектов стали студенты третьего-четвертого (четвертого-пятого) курсов переводческого факультета МГЛУ. Программа обучения на переводческом факультете невероятно насыщена, поэтому в условиях постоянно меняющейся среды не всегда представляется возможным включить важные элементы в процесс обучения. Поэтому, проектная деятельность становится важным элементом для усвоения материала основной программы обучения, включения новой информации и в целом расширения кругозора студентов. Предлагая студентам конкретные цели в условиях моделирования их возможной будущей профессиональной деятельности, проект мотивирует обучающихся актуализировать полученные навыки и знания, а также выявляет слабые места в их подготовке, тем самым стимулируя обучающихся стремиться к совершенствованию.

В 2022–2023 академическом году проект «Составление лингвокультурологической справки знакового художественного произведения эпохи СССР (х.ф. «Операция “Ъ” и другие приключения Шурика», СССР, 1965)» [2] ставил своей задачей исследование национально-культурной семантики, нашедшей свое отражение в языковых средствах.

В 2024–2025 академическом году проект «Сравнительный анализ продуктов перевода» ставил перед собой уже более амбициозные задачи. Этот проект более сложен в исполнении и требует большей аккуратности. На текущий момент проект еще не закончен. Перед началом работы над этим проектом участники были разделены на три группы: группа А, В и С, каждую из которых возглавил куратор из числа преподавателей кафедры. Работа кураторов заключалась в организации, контроле и консультировании вверенной им группы. Проект был разделен на 3 этапа. На первом этапе каждая группа получила для работы над переводом отрывок оригинального текста, соответственно обозначенного как А, В, С. В процессе работы заполнялась таблица трудностей перевода, а также составлялся перечень используемых источников. В установленный срок группы участников обменялись папками по следующей схеме:

Группа А текст А → Группа В текст В → Группа С текст С →
Группа А

На втором этапе группы, после получения новых оригинальных отрывков для работы, выполнили их машинный перевод и отредактировали его. Перед началом работы группами был согласован автопереводчик.

Одновременно с редактированием автоперевода участники проекта продолжили заполнять таблицу трудностей перевода и пополнять список источников. На третьем этапе происходит обмен по определенной схеме (Группа А текст С → Группа В текст А → Группа С текст В → Группа А).

Далее, в процессе работы, группы обмениваются оригинальными текстами и двумя вариантами перевода («подстрочника» и машинного) и выполняют анализ переводческих продуктов. Соответственно, например, группа А работает на третьем этапе над отрывком В, получив для работы оригинальный текст отрывка В, отредактированный перевод отрывка, выполненный группой В и машинный перевод отрывка В, отредактированный группой С, и т.п. Анализ переводов был выполнен произвольно. Предполагается, что в конце в установленный срок участники разошлют папку с 4 файлами: 1. Оригинальный текст, 2. Отредактированный и отформатированный перевод оригинального текста, содержащий примечания переводчика и источники, 3. Таблицу трудностей перевода (описание проблемы, комментарии к решению и источники), 4. Источники (словари и другая использованная справочная литература). Для работы над этим проектом был предложен никогда ранее не переводившийся на русский язык оригинальный текст книги «Embroidering Her Truth» (автор Клэр Хантер) [4]. Подбор материала для работы над студенческими научными проектами должен, на наш взгляд, соответствовать определенным критериям. Например, предложенное для второго проекта произведение никогда ранее не переводилось на русский язык. Кроме того, книга обращается к историческим и культурным событиям жизни Западной Европы, изобилует специфическими терминами, историзмами, анахронизмами, географическими и прочими названиями и именами собственными исторических персонажей, которые трудны для перевода.

Консолидированный опыт работы над двумя студенческими проектами позволил выявить следующие проблемные места в подготовке лингвистов-переводчиков:

1. Организационно-практические. Качественное выполнение работы требует грамотного подбора участников как среди студентов, так и среди преподавателей – будущих кураторов. Выполнение проектов также безусловно нуждается в административной поддержке, выраженной в согласовании проектной деятельности с руководством факультета и вуза в целом. Четкая организация работы над проектом, планирование, соблюдение сроков, а также обеспечение административной поддержки вуза.

2. Собственно лингвистические. При работе над текстами у студентов возникли проблемы в основном с использованием общепереводческой терминологии, а также с сохранением синтаксического единства текста. Для решения проблем с терминологией было рекомендовано чаще обращаться к научным работам как источнику устойчивых соответствий. Чтобы добиться

синтаксического единства было рекомендовано избегать прямого заимствования синтаксических конструкций языка-оригинала, а также уделять большее внимание постпереводческому анализу и редактуре. Аудиовизуальный перевод не вызвал больших затруднений. В основном трудности касались разницы в узуральности употребления определенных культурологических понятий в языке оригинала и перевода. Решение этой проблемы лежало в изучении научных научно-популярных или даже художественных произведений по этой тематике. При переводе также встречались ошибки, вызванные непониманием сложных грамматических конструкций в оригинале, а также связанные с введением новых терминов, которые нужно было встроить в перевод. Стратегии решения переводческих вызовов включали: работу синонимичными рядами для выбора адекватного перевода; при переводе сложных предложений оригинального текста проводить их разбор; осуществление просмотра соответствующих эпизодов фильма для правильного понимания смысла высказываний героев в контексте; при переводе поговорок и фразеологизмов предлагалось изучить их значения и предложить русские эквиваленты для их передачи. В процессе работы над проектом было зафиксировано, что в настоящее время обучающиеся демонстрируют неумение использовать различные источники при работе с иноязычным материалом, ограничиваясь лишь одним-двумя двуязычными словарями.

На примере материала двух студенческих научных проектов было показано насколько важна работа не только с двуязычными словарями, но и с другими источниками, предлагающими иноязычной аудитории толкование обычных явлений жизни, зафиксированных национальной культурой. Несмотря на множество организационных и собственно лингвистических вызовов, данные студенческие научные проекты можно считать очень успешными, поскольку в результате были отработаны как переводческие, так и «мягкие» навыки. Учитывая специфику исследовательской работы, обучающимся засчитали участие в проектах в качестве производственной практики. По согласованию с кафедрой перевода МГЛУ участники проекта использовали материалы для курсовых и выпускных работ. Результаты исследований, проводимых в рамках проектов, зафиксированы во многочисленных научных статьях как студентов, так и преподавателей кафедры. Участники проектов из числа студентов получили практический опыт проведения исследований, а также публичных выступлений на различных научных площадках. Более того, преподаватели кафедры обращаются к результатам данных научных исследований в своих выступлениях и в повседневной работе со студентами. Но самое главное, научные проекты наглядно демонстрируют обучающимся, что «переводчик должен прекрасно знать оба народа, оба языка, все детали авторского стиля и метода, происхождение слов и словообразование, исторические аллюзии... наряду с одарённостью и образованностью он должен обладать способностью к мимикрии,

действовать так, словно он и есть истинный автор, воспроизводя его манеру речи и поведения, нравы и мышление с максимальным правдоподобием» [3, с. 440].

Список использованных источников

1. Великолуг Л. В. Лингвокультурологические принципы обучения иностранным языкам / Л. В. Великолуг // Лингвострановедение: методы анализа, технологии обучения: Доклады и материалы. В двух частях, Москва, 25–26 мая 2018 года. Том Часть 1. – Москва: МГИМО-Университет, 2019. – С. 180–191. – EDN TSXPGA.
2. Дроздова Е. В. Лингвокультурологический проект как пример исследования языковой культуры мира / Е. В. Дроздова, Е. Н. Соколова // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Минск, 19–20 марта 2024 г. – С. 217–221. – EDN MWNEDD.
3. Набоков В. Лекции по русской литературе / Пер. с англ. С. Антонова, Е. Голышевой, Г. Дашевского и др. – СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика». – 2010 г. – 448 с.
4. Hunter C. Embroidering Her Truth: Mary, Queen of Scots and the Language of Power. Sceptre, 2022. – P. 416.

УДК 81'255.2

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕРМИНА «ПОДСВИНКИ» В РЕЧИ ПРЕЗИДЕНТА РФ И ЕГО ВАРИАНТЫ ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Н. В. Дронякина,

*кандидат филологических наук, доцент, Институт филологии и
социальных коммуникаций, Херсонский государственный педагогический
университет, Скадовск*

Аннотация. Статья посвящена словарному анализу русской лексики «подсвинки», ее метафорической репрезентации в русском политическом дискурсе и приемам перевода на английский язык.

Ключевые слова: лексическая единица, политическая метафора, перевод, метафорическая репрезентация, лексическое значение.

Summary. The article deals with the dictionary analysis of the Russian lexical unit “podsvyki” its metaphorical representation in Russian political discourse and ways of its translation into English.

Key words: a lexical unit, political metaphor, translation, metaphoric representation, lexical meaning.

Общеизвестно, перевод политической метафоры на английский язык сопряжен с трудностями из-за культурно-языковых различий, необходимости сохранения прагматического воздействия и передачи образности. К основным проблемам относят выбор между буквальным переводом, поиском аналога или полным замещением, а также необходимость учитывать контекст (метафорическое моделирование) для адекватного восприятия аудиторией [3; 4].

Выступая на расширенном заседании коллегии Минобороны 17

декабря 2025 года президент РФ В. В. Путин употребил, казалось бы, «непереводимый» термин: *«Президент Трамп говорит, что, если бы он был тогда Президентом, ничего подобного не было бы. Возможно, что и так. Потому что прежняя Администрация сознательно привела дело к вооружённому конфликту. И думаю, что понятно почему. Все полагали, что за короткий период времени Россию они разрушат, развалят, а «европейские подсвинки» тут же включились в эту работу прежней американской Администрации в надежде поживиться на развале нашей страны: вернуть себе что-то, что было утрачено в прежние исторические периоды, и попытаться взять реванш. Как теперь всем стало очевидным, все эти попытки, все эти деструктивные планы в отношении России полностью провалились, полностью»* [5].

Словарный анализ русской лексемы «подсвинок», часто используемая в животноводстве, позволил очертить следующие ее значения [1; 2]:

1) **поросенок в возрасте от 4 до 8-10 месяцев**, который используется для мясного откорма до убоя;

2) **свиной подросток, большой поросенок.**

При переводе на английский язык лексемы «подсвинки» необходимо учитывать контекст. Буквальным переводом рассматриваемой русской лексемы служат английские единицы *young pigs, piglets* со сходной семой в структуре лексического значения («возраст»). Однако ее метафорическое употребление в политическом дискурсе («европейские подсвинки») вызвало трудности перевода, обусловленных разницей картин мира русской и англоязычной культур, репрезентированных в двух языках. В западных средствах массовой информации появилось множество вариантов перевода данной политической метафоры на английский язык:

1) **European swine:**

European swine wanted to feast on Russia's collapse', Putin says bashing Europe (Euronews) [7]:

«Russia's president disparaged European leaders on Wednesday, calling Ukraine's allies "swine" who wanted "to feast on the collapse of Russia" as he blamed the West for Moscow's war against Ukraine and threatened to continue waging his full-scale invasion».

2) **little pigs:**

Putin calls European leaders 'little pigs' as he insists Russia will achieve its goals in Ukraine by diplomacy or force (the Guardian) [9]:

«Meanwhile, Russia's Vladimir Putin on Wednesday lashed out at European leaders, deriding them as "little pigs", and said Russia would achieve its territorial goals in Ukraine either through diplomacy or by military force».

Putin calls European leaders 'little pigs' (Politico) [12]:

Russian President Vladimir Putin called European leaders **“little pigs”** who wanted to profit from the collapse of Russia.

Putin calls EU leaders 'little pigs' ahead of summit in Brussels (The Independent) [10]:

Vladimir Putin has called European leaders “little pigs” who want the collapse of Russia, ahead of a key EU summit in Brussels.

Speaking at an annual meeting with the defence ministry on Wednesday (17 December), the Russian leader said Moscow would “liberate its historical lands on the battlefield” if diplomacy fails

3) swine:

Putin’s ‘Swine’ Swipe: A Bid To Divide The West And Blame Europe If Peace Efforts Fail (Radio Free Europe. Radio Liberty) [14]:

«In combative comments at a high-profile military meeting on December 17, Russian President Vladimir Putin referred to unspecified European leaders as “podsvinki,” which roughly translates as young pigs or young swine».

Vladimir Putin predicts European ‘swine’ backing Ukraine will lose power (Financial Times) [8]:

Vladimir Putin has said Russia will not back down from its mission to “liberate its historic lands” and predicted the European “swine” backing Kyiv would ultimately lose power, in a speech that showed no readiness to compromise on the goals for his invasion of Ukraine.

4) young pigs:

Putin: European leaders 'young pigs' who failed to bring Russia down (CGTN - China Global Television Network) [6]:

President Vladimir Putin said that Russia would take more land in Ukraine by force if Kyiv and European politicians – whom he cast as «young pigs», or «shoats» – refused to engage over U.S. proposals for a peace settlement.

5) piglets:

Vladimir Putin calls European leaders ‘piglets’ seeking revenge (Modern Ghana) [11]:

Размещение на официальном сайте главы государства текста официального перевода речи В. В. Путина на английский язык, где термин «европейские подсвинки» передан словосочетанием «swine underlings» [13] (букв. «свинские прислужники», «свиноподобные приспешники», «подручные свиньи», смысл: мелкие чиновники, «мелкая сошка»), позволило устранить неправильные толкования метафоры западными СМИ.

Таким образом, при переводе западными СМИ политической метафоры «европейские подсвинки» были использованы прием калькирования и приблизительный перевод. В тексте же официального перевода лексическая единица «swine underlings» является уничижительной (лексический прием ухудшения образа), которая выражает неодобрение политики европейских стран.

Список использованных источников

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://slovardalja.net/>
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и

фразеологических выражений [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/>

3. И Лицюнь. Перевод метафор в современном дипломатическом дискурсе (на основе материалов русского, китайского и английского языков) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2024. – № 2. – С. 60–72.

4. Прошина З. Г., Терехова Е. В. Зоометафора как основа образности политического медиа- и интернет-дискурса // Вестник Московского университета. Серия. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2024. – Т. 27, № 1. – С. 149–165.

Источники иллюстративного материала

5. Расширенное заседание коллегии Минобороны [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/78801>

6. China Global Television Network [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://news.cgtn.com/news/2025-12-18/Putin-European-leaders-young-pigs-who-failed-to-bring-Russia-down-1Jcnv5ELtEQ/p.html>

7. Euronews [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.euronews.com/2025/12/17/european-swine-wanted-to-feast-on-russias-collapse-putin-says-bashing-europe>

8. Financial Times [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ft.com/content/52c0b594-d299-4473-a35e-9a9235267d92>

9. The Guardian [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/live/2025/dec/17/ukraine-russia-war-eu-european-council-frozen-assets-zelensky-europe-live-news>

10. Independent [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/tv/news/putin-europe-leaders-pigs-brussels-summit-video-b2887001.html>

11. Modern Ghana [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.modernghana.com/videonews/aljazeera/10/594681/>

12. Politico [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.politico.eu/article/russia-vladimir-putin-calls-european-leaders-little-pigs/>

13. President of Russia: official web site [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://en.special.kremlin.ru/events/president/transcripts/78801>

14. Radio Free Europe. Radio Liberty [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rferl.org/a/putin-young-pigs-swine-europe-us-ukraine/33627252.html>

УДК 81`25:658.8:004

МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИНЖИНИРИНГ: ЛОКАЛИЗАЦИЯ НА СТЫКЕ ПЕРЕВОДА, МАРКЕТИНГА И ТЕХНОЛОГИЙ

М. Г. Зеленцова,

кандидат филологических наук, доцент, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация: В статье исследуется феномен современной локализации как комплексной междисциплинарной деятельности, выходящей за рамки традиционного перевода. Автор вводит и обосновывает термин «межъязыковой инжиниринг» для описания стратегического процесса адаптации контента, который интегрирует лингвистическую точность, маркетинговые задачи и технологические решения. Анализ корпуса рекламных текстов 2020–2025 гг. позволяет выявить ключевые лингвистические тренды: локализации на российском рынке (2020–2025 гг.): от транскреации к

гиперлокализации. Проанализирована специфика локализации иноязычного контента для российского рынка с учетом принципов профессиональной локализации. На примерах локализации и транскреации рекламных кампаний и слоганов международных компаний демонстрируется эволюция от буквального перевода к культурно-адаптированному инжинирингу смыслов. Делается вывод о формировании новой профессиональной парадигмы, требующей от специалиста компетенций в области филологии, межкультурной коммуникации, маркетинга и IT.

Ключевые слова: локализация, транскреация, межъязыковой инжиниринг, адаптация, маркетинг, переводческие технологии, межкультурная коммуникация, рекламный текст.

Summary. The article explores the phenomenon of modern localization as a complex interdisciplinary activity that goes beyond traditional translation. The author introduces and justifies the term “interlanguage engineering” to describe a strategic content adaptation process integrating linguistic accuracy, marketing objectives, and technological solutions. The analysis of the corpus of advertising texts from 2020-2025 makes it possible to identify key linguistic trends: localization in the Russian market (2020-2025): from transcription to hyperlocation. The localization peculiar features of foreign language content for the Russian market are analyzed, taking into account the principles of professional localization. Examples of localization and transcription of advertising campaigns and slogans of international companies demonstrate the evolution from literal translation to culturally adapted engineering of meanings. The conclusion is made about the formation of a new professional paradigm that requires specialist competencies in the fields of philology, intercultural communication, marketing and IT.

Keywords: localization, transcription, interlanguage engineering, adaptation, marketing, translation technologies, intercultural communication, advertising text.

Глобализация цифрового рынка и экспансия транснациональных корпораций привели к трансформации классической переводческой деятельности. Если ранее адаптация текста для иноязычной аудитории зачастую сводилась к лингвистической замене единиц исходного языка (ИЯ) единицами языка перевода (ПЯ), то сегодня это сложный, многоуровневый процесс, сопряженный с необходимостью учета культурных, социальных, правовых и маркетинговых факторов. Это требует инженерного подхода: анализа целевой аудитории (культурный контекст, ценности, табу), аудита исходного продукта (текст, графика, интерфейс, цветовая схема), проектирования адаптированной версии и ее тестирования. Данный процесс, известный как локализация (localization), эволюционировал в самостоятельную междисциплинарную сферу, которую правомерно уже рассматривать как ‘**межъязыковой инжиниринг**’.

Межъязыковой инжиниринг – это междисциплинарная научно-практическая парадигма в современной транслатологии, которая концептуализирует процесс локализации как сложную, системную деятельность по проектированию, адаптации и внедрению мультимодального текста (вербального, аудиовизуального, программного) в новую лингвокультурную и технологическую среду. Данный процесс представляет собой синтез трех ключевых компонентов: **переводческой экспертизы** (лингвистическая адаптация, поиск функциональных и прагматических эквивалентов); **маркетинговой стратегии** (адаптация к культурным кодам, ценностям и поведенческим паттернам целевой

аудитории для достижения конкретных бизнес-целей); **технологической реализации** (использование инструментария CAT, TMS, машинного перевода с постредактированием, API для обеспечения консистентности, масштабируемости и интеграции в производственные цепочки).

В трудах М. Б. Латышева и А. Л. Семенова обосновано положение о «транслатологическом моделировании» [4], что близко к предлагаемой концепции, однако термин «инжиниринг» точнее отражает прикладной, системный и технологически насыщенный характер современной локализации. Он подразумевает: 1) анализ требований (Requirements Analysis): выявление целей заказчика (достижение продаж, повышение узнаваемости бренда, легальное соответствие); 2) проектирование решения (Solution Design): выбор стратегии – от адаптации (локализации) до полного пересоздания концепции (транскреации); 3) реализация (Implementation): непосредственная лингвистическая и техническая работа; 4) тестирование и контроль качества (QA Testing): проверка на соответствие исходным требованиям и культурной адекватности.

Когда компания готовится выйти на иностранный рынок, вопрос «локализации» рекламных слоганов, заголовков статей и других элементов контента, где требуется сохранение изначального эмоциональной окраски и тональности встает одним из первых. Однако под данным процессом следует понимать не столько поиск *эквивалентных слов* в языке перевода, а поиск *нужных слов* для адекватной *передачи подразумеваемого посыла или идеи*.

Анализ существующих исследований показал, что «практика локализации на сегодняшний день пересекается с областями (цифрового) маркетинга, глобального управления информацией, человеко-компьютерного взаимодействия, кросснационального менеджмента и т.д. Процесс конвергенции обусловил вхождение в понятийный фонд локализации терминологии из перечисленных сегментов рынка» [14, с. 54].

Цель настоящей статьи – концептуализировать локализацию как форму межъязыкового инжиниринга, проанализировать ее составляющие (переводческую, маркетинговую, технологическую) и продемонстрировать ее механизмы на конкретных примерах. Гипотеза исследования заключается в том, что успешная локализация представляет собой не просто перевод, а стратегическое проектирование и «пересборку» коммуникативного акта для новой культурной среды, где лингвистический компонент является одним из многих, подчиненных общей бизнес-задаче.

Классическая теория локализации, опирающаяся на принципы транскреации (transcreation), подразумевала «творческую адаптацию сообщения с сохранением его концептуального ядра, но с полной переработкой лингвистической и культурной оболочки для достижения эквивалентного воздействия» [Pedersen, 2011]. Транскреация принимает во внимание такие элементы, как контекст, стиль, тон, юмор, игра слов и идиоматическая речь. Ее целью является правильное восприятие

аудиторией на другом языке, так, чтобы люди почувствовали, что контент был специально придуман и написан для них. Анализ существующих исследований показал, что процесс транскреации представляет сегодня собой высшую форму межъязыкового инжиниринга, которая требующего творческого подхода не только от одного специалиста, а участия сразу нескольких специалистов.

Стоит отметить, что критически важными компонентами межъязыкового инжиниринга и локализации становятся *локальные маркетинговые стандарты, требования платформ и каналов распространения*, что в свою очередь составляет специфику российского контента. Российский рынок характеризуется уникальным сочетанием глобальных трендов, строгого регулирования и глубоко укорененных культурных кодов. А именно:

- локальные маркетинговые стандарты, которые формируются под влиянием рекламного, потребительского, авторского права (№ 38-ФЗ «О рекламе»);
- культурные и этические нормы: патриотизм и историческая память, религиозные чувства, гендерные роли
- визуальные коды: использование определенных цветов (например, черно-оранжевая георгиевская лента), образов (медведи, матрешки) имеет сильную культурную нагрузку. Их применение должно быть осознанным.
- особенностей потребительского поведения: отношение к юмору, патриотизму, статусу, формальности в общении.
- требования платформ и каналов распространения – это технические, контентные и политические правила, установленные конкретными медиа (соцсети, поисковики, маркетплейсы, телеканалы) для размещения рекламы и коммерческого контента. Они могут быть как глобальные, так и локализованными, адаптированными под местное законодательство.

Полученные данные свидетельствуют, что локализация для России – это комплаенс-инжиниринг (*compliance engineering*), требующий соблюдения уникальных правовых норм и адаптации под локальные цифровые экосистемы и культурные коды. Для практического применения понятия *межъязыкового инжиниринга* необходимо соблюдение: 1) правовой локализации; 2) платформенной локализация; 3) культурного инжиниринга.

В результате проведенного анализа были установлены более удачные примеры, демонстрирующие механизмы работы межъязыкового инжиниринга над локализацией различного иноязычного (американо-европейского) контекста на российском рынке. Итак, известная американская компания **Apple** и ее слоган: «*Think Different*» при буквальном переводе звучит как: «*Думай иначе*» / «*Думай по-другому*». В официальной русскоязычной коммуникации Apple часто избегает прямого перевода, делая акцент на визуальной риторике и философии бренда, выраженной

фразой «Инновации для каждого». Это пример стратегического решения, при котором специалисты локализации понимали, что калькированный перевод не создаст нужного эффекта, и предложили иной коммуникативный канал. Таким образом, вместо поиска неудачного эквивалента, Apple провела тонкий межъязыковой инжиниринг, где лингвистическая составляющая была подчинена маркетинговой и культурологической задачам, создав мощный и узнаваемый бренд-нарратив без дословного перевода.

Слоган одной из крупнейших в мире финансовых корпораций **MasterCard**, чье название есть на картах, звучит как: «There are some things money can't buy. For everything else, there's MasterCard». В буквальном переводе: «Есть вещи, которые нельзя купить за деньги. Для всего остального есть MasterCard». А вот его русский слоган – это блестящий пример того, как маркетинг становится частью языка и массовой культуры: «Всё остальное не важно. Для всего остального есть MasterCard». Русская версия, ставшая крылатой фразой, является блестящим образцом транскреации. Слоган не только сохраняет идею о наличии непреходящих ценностей, но и приобретает лаконичность, ритмичность и естественность для русского уха, усиливая маркетинговое послание.

Международная компания, специализирующаяся на производстве спортивной одежды, обуви и аксессуаров **Reebok** имеет такой слоган: «I am what I am». При *дословном переводе*: «Я есть тот, кто я есть». Фраза философская, но для спортивного бренда в русском контексте могла показаться пассивной, статичной и даже немного высокомерной. Русская локализация выглядит так: «Ты – это ты», где смена с «Я» на «Ты» превращает слоган из самоконстатации в прямое обращение к потребителю, что более характерно для рекламы, где сохраняется идея самоутверждения, что делает ее более энергичной, прямой и соответствует духу спортивной мотивации. Происходит пересборка коммуникативного акта под нужды целевой аудитории.

Обратимся еще к примерам азиатских компаний. Так, **Xiaomi** Corporation (кит. 小米 (Xiǎomǐ)) – это китайская транснациональная компания, проектирующая, разрабатывающая и продающая потребительскую электронику, бытовую технику и программное обеспечение.

С точки зрения межъязыкового инжиниринга и локализации, **Xiaomi** представляет собой выдающийся кейс, выходящий далеко за рамки простого перевода слоганов. Их слогане: *Innovation for everyone* коммуникация полностью перестраивается под язык и привычки цифрового поколения России. Для России выбрали такую калькированную версию как *Инновации для каждого*, при этом стоит отметить, что их успех на рынке – это во многом успех стратегической локализации, которая понимает, что продавать нужно не слова («инновации»), а конкретные, осязаемые

преимущества («умные технологии для каждого»), упакованные в доверительный и современный коммуникационный стиль.

Другой крупный китайский производитель и ведущий мировой поставщик интеллектуальных устройств и инфраструктуры в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) – **Huawei Technologies Co., Ltd.** (кит. 华为) выходит далеко за рамки простой адаптации бренда или слоганов. Его анализ требует учёта глобальной технологической конкуренции, геополитического контекста и уникальной корпоративной философии предопределил ранее слоган *Make it Possible* («Позволяем это сделать»), а сегодня с учетом всех вышеперечисленных факторов звучит как *Building a Fully Connected, Intelligent World* («Строим полностью связанный, интеллектуальный мир»). Это не просто перевод, а трансляция корпоративной миссии, позиционируясь в качестве архитектора цифрового будущего, а не просто производителя устройств. Huawei активно локализует и продвигает элементы своей корпоративной культуры, что является частью её стратегии как внедрение концепций: «Волчья культура» (дух борьбы и выживания), создание параллельной, локализованной экосистемы (HMS/AppGallery) и продвижение своей деловой философии.

Локализация в XXI веке перестала быть вспомогательной филологической услугой и превратилась в стратегический межъязыковой инжиниринг. Это комплексный процесс, требующий синтеза: филологической компетенции для работы с текстом; кросс-культурной аналитики для декодирования и перекодирования смыслов; маркетингового мышления для достижения бизнес-целей; технологической грамотности для эффективного использования инструментов и интеграции в производственные цепочки.

Примеры с локализацией слоганов демонстрируют, что успех на глобальном рынке определяется не качеством перевода в узком смысле, а качеством инжиниринга всей коммуникации. Профессия переводчика эволюционирует в профессию лингвоинженера или менеджера межъязыковых коммуникаций, чья задача – проектировать, реализовывать и тестировать культурно-адаптированные решения. Дальнейшее развитие этой области будет связано с углублением симбиоза человека и ИИ, где филологическая экспертиза будет направлена на контроль, креатив и стратегическое планирование, а технологии – на обеспечение скорости, масштабируемости и обработки данных. Теория перевода должна адаптироваться к этой реальности, расширяя свой категориальный аппарат за счет понятий из маркетинга, теории коммуникации и цифровых технологий.

Несомненно, цифровые технологии, проникая во все аспекты переводческой деятельности, меняют облик индустрии перевода таковой. Специалисту в области перевода и локализации следует учитывать

и тот факт, что залогом ‘правильной’ локализации продуктов разных типов является владение ‘языком’ целевой аудитории, стратегиями предоставления услуг в сегменте B2B и B2C, практикой понимания и применения основных понятий и процессов адаптации новых продуктов и услуг на международном рынке. В результате успех в современной локализации определяется не суммой отдельных компетенций специалиста, а их нелинейным взаимодействием, порождающим качественно новые решения, недоступные при изолированном применении знаний.

Список использованных источников

1. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Р. Валент, 2007. – 244 с.
2. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Курс лекций. – М.: ЭТС, 2004. – 424 с.
3. Nida E. A., Taber C. R. The Theory and Practice of Translation. – Leiden: Brill, 1982. – 218 p.
4. Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. – М.: Академия, 2003. – 192 с.
5. Ricks D. A. Blunders in International Business. – 4th ed. – Malden: Blackwell Publishing, 2006. – P. 91. – 242 p.
6. Пирогова Ю. К. Рекламный текст и перевод: проблемы и решения // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. – 2010. – № 2. – С. 21-34.
7. Esselink B. A Practical Guide to Localization. – Rev. ed. – Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2000. – 500 p.
8. O'Hagan M., Ashworth D. Translation-Mediated Communication in a Digital World. Facing the Challenges of Globalization and Localization. – Clevedon: Multilingual Matters, 2002. – 256 p.
9. Cronin M. Translation in the Digital Age. – London; New York: Routledge, 2013. – 188 p.
10. Казакова Т. А. Транскреация как вид переводческой деятельности: лингвистический и экстралингвистический аспекты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 12 (90). – Ч. 2. – С. 387-391.
11. Gambier Y. Translation and Translation Studies at the Crossroads of Digital Communications / Y. Gambier // Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism, 2016, issue 4. – pp. 56-74
12. Зеленцова М. Г. Специфика понятийного аппарата переводчика при локализации продуктов разного типа / М. Г. Зеленцова, А. Т. Козлова // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы VIII международной научно-практической конференции, Симферополь, 25–26 апреля 2024 г. – С. 124-129.
13. Иомдин Л. Л. Семантика в модели «Смысл ↔ Текст»: двадцать лет спустя // Труды Международной конференции «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии» (Диалог). 2013. – Вып. 12(19). – С. 323–337.
14. Ачкасов А. В. Англоязычная терминология локализации // Известия РПГУ им. А. И. Герцена. – 2019. – № 194. – С. 52-59.
15. Норец М. В., Азизова А. Р. Аудиовизуальный перевод и локализация видеоролика «Метро 2033» / М. В. Норец, А. Р. Азизова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Том 9 (75) № 3. – С. 129-140.

УДК 811.11

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕРМИНОВ

Э. А. Исмаилова,

кандидат филологических наук, доцент,

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена анализу структурно-семантических особенностей английских компьютерных терминов-словосочетаний и специфике их перевода на русский язык. Объектом исследования является компьютерная терминология, а предметом – структурные модели терминов-словосочетаний и способы их передачи в переводе. Материалом послужили 600 терминологических единиц, отобранных из электронных лексикографических источников. Установлено, что наиболее продуктивными являются двухкомпонентные модели N + N и Adj + N. Показано, что структурные особенности терминов оказывают непосредственное влияние на выбор переводческих стратегий.

Ключевые слова: компьютерная терминология, термин-словосочетание, структурно-семантический анализ, перевод терминов.

Abstract. The article examines the structural and semantic features of English computer compound terms and their translation into Russian. The object of the research is computer terminology, while the subject focuses on the structural models of compound terms and translation strategies. The corpus includes 600 terms selected from electronic lexicographic sources. The results show that two-component models, particularly N + N and Adj + N, are the most productive. The study demonstrates that the structural characteristics of computer terms significantly influence translation decisions.

Key words: computer terminology, compound terms, structural-semantic analysis, term translation.

В условиях интенсивного развития информационных технологий компьютерная терминология представляет собой одну из наиболее динамично обновляющихся подсистем современного английского языка. Доминирующая роль английского языка в сфере научно-технической коммуникации обуславливает постоянное пополнение русскоязычного терминологического фонда за счёт заимствований и переводных эквивалентов, что, в свою очередь, актуализирует проблемы теоретического осмысления перевода компьютерных терминов.

Структурно-семантический потенциал терминов, их словообразовательная парадигма находится в центре внимания многих лингвистов – Т. Л. Канделаки, В. Н. Прохорова, А. В. Суперанской [1; 3; 4]. Однако структурно-семантические характеристики английских компьютерных терминов-словосочетаний в переводческом аспекте до настоящего времени не получили системного освещения.

Объектом исследования является компьютерная терминология современного английского языка. Предмет исследования составляют структурно-семантические особенности английских компьютерных терминов-словосочетаний и способы их передачи на русский язык. Цель работы заключается в выявлении продуктивных структурных моделей

компьютерных терминов и определении их роли в формировании переводческих решений.

Материал исследования включает 600 терминов-словосочетаний, отобранных из электронных лексикографических источников АБВУ Lingvo 12, Multitran, Dictionary of Computer and Internet Terms и Oxford Dictionaries Online. В работе применялись методы структурно-семантического анализа, классификации, сопоставительного анализа и интерпретации переводческих соответствий.

В терминоведении под термином понимается лексическая единица, предназначенная для точного и однозначного обозначения специального понятия в рамках определённой области знания.

Одной из характерных особенностей современной научно-технической лексики является широкое распространение терминов-словосочетаний. В отличие от однословных терминов, такие образования представляют собой сложные номинативные комплексы, отражающие иерархию понятий и их дифференциальные признаки. В переводоведении термин-словосочетание нередко рассматривается как «свёрнутое определение», требующее от переводчика не только знания языка, но и понимания предметной области.

Перевод терминов предполагает сохранение их денотативного значения, системных связей и функциональной однозначности.

Анализ материала показал, что наиболее продуктивным способом образования компьютерных терминов в английском языке является словосочетание. Наиболее распространёнными являются двухкомпонентные терминологические образования, хотя встречаются также трёх- и четырёхкомпонентные конструкции.

Двухкомпонентная модель **N + N** является наиболее продуктивной в английской терминологии, например: *chip size, version number, activation record, security technology*. При переводе на русский язык такие термины могут передаваться с помощью родительного падежа (номер версии), прилагательного (защитная технология) или развернутого описания.

Широкое применение также имеет модель **Adj + N**: *hard disk, graphic display, multidimensional array*. Её синтаксическая прозрачность способствует относительно лёгкому переводу, однако трудности могут возникать при отсутствии устойчивого эквивалента в русском языке.

Особую группу составляют конструкции с причастиями:

Participle II + N: *multihomed host, nested calls, parametrized cell*;

Participle I + N: *moving boundary, overlapping windows, pending message* [2, 5, 6].

При переводе таких терминов нередко требуется перестройка структуры словосочетания с использованием причастных оборотов или прилагательных.

Многокомпонентные термины, *removable hard disk, index register addressing, main storage data register* [2, 5, 6], характеризуются высокой

информационной насыщенностью. Их перевод требует установления иерархии компонентов и выявления ядерного элемента. Часто перевод осуществляется посредством компрессии или синтаксической трансформации.

Особый интерес представляют лексикализованные конструкции, восходящие к фрагментам предложения: *digital-to-analog converter, drop-on-demand printing, Cyan-Magenta-Yellow* [2, 5, 6]. При переводе таких терминов важную роль играет традиция употребления и стандартизация эквивалентов.

В английской компьютерной терминологии значительную роль играют глагольные словосочетания: *to turn panel on, to backspace a file, to seek access*.

Особенностью данной области является наличие в ней значительного числа императивных конструкций, например: *do with the solution, pass-by-value, drag-and-drop, cut-and-paste, point-and-shoot* [2, 5, 6].

Устойчивые терминологические словосочетания гораздо легче поддаются переводу, чем сложные слова-термины, потому что в них все компоненты грамматически оформлены, что облегчает раскрытие смысловых связей между ними.

В компьютерных терминах грамматическое оформление может выражаться:

- суффиксами (*tailless plane, selective communication*);
- предлогами (*system of axes, system of equations*);
- окончаниями (*three wheeled bicycle, controlled system*) [7].

Поэтому обычно смысловое содержание терминологических словосочетаний не допускает никаких неточностей в толковании терминов.

Большое внимание уделяется систематичности вновь создаваемых терминов. Во многих областях разработаны специальные правила образования терминов для понятий или объектов определенного класса.

Термины-словосочетания создаются путем добавления к термину, обозначающему родовое понятие, конкретизирующего признака с целью получить видовое понятие, непосредственно связанное с исходным. Такие термины фактически представляют собой свернутые определения, подводящие данное понятие под более общее и одновременно указывают на его специфический признак. Таким образом, образуются своеобразные терминологические гнезда, охватывающие многочисленные разновидности обозначаемого явления [1].

Семантический анализ показал, что компьютерные термины-словосочетания могут быть разделены на три группы:

Термины, все компоненты которых являются специальными словами (*dynamic storage, abbreviation expansion, debug allocator*).

Термины, сочетающие специальную и общеязыковую лексику (*education computing, authorized user, admissible conclusion domain*).

Термины, состоящие исключительно из общеязыковых слов (*father*

process, garbage collector, gate pulse, glass box).

Последняя группа представляет наибольшую трудность для перевода, поскольку значение термина не выводится из суммы значений его компонентов и требует знания профессионального контекста.

Анализ английской компьютерной терминологии показал, что в её составе преобладают терминологические словосочетания, обладающие сложной структурной организацией и высокой семантической ёмкостью. Наиболее продуктивными являются двухкомпонентные модели, прежде всего N + N и Adj + N, что объясняется их способностью компактно отражать родо-видовые отношения между понятиями.

Структурные характеристики компьютерных терминов оказывают непосредственное влияние на переводческий процесс. Относительно прозрачные модели, как правило, допускают калькирование или прямое структурное соответствие, тогда как многокомпонентные и лексикализованные образования требуют трансформации синтаксической структуры и семантической компрессии. Особую переводческую сложность представляют термины, образованные из общеязыковых слов, значение которых в профессиональном контексте не является очевидным.

Список использованных источников

1. Канделаки Т.Л. Значение терминов и системы значений научно-технических терминологий / Т.Л. Канделаки // Проблемы языка науки и техники. – 1970. – №8. – С. 12–92.
2. Мультитран [Электронный ресурс] // Англо-русский и русско-английский. – Режим доступа: <http://www.multitran.ru> (дата обращения: 20.01.2026).
3. Прохорова В.Н. Семантика термина / В.Н. Прохорова // Вестн. МГУ. Серия 9. Филология. – 1981. – № 3. – С. 23–32.
4. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: вопросы теории / отв. ред. Т.Л. Канделаки. 5-е изд. – М.: Либроком, 2009. – С. 248.
5. АБВУ Lingvo 12 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://lingvo.abbyyonline.com/ru> (дата обращения: 20.01.2026).
6. Dictionary of Computer and Internet Terms / John C. Rigdon. – 1st ed. – Eastern Digital Resources. – GA, 2016.
7. Oxford Dictionaries Online [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://oxforddictionaries.com> (дата обращения: 20.01.2026).

УДК 81'255

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ВНУТРИЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ, ПОСТРОЕННЫХ НА ОТНОШЕНИЯХ СХОДСТВА МОРФЕМНОЙ СТРУКТУРЫ, С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

В. В. Кирникова,

ассистент кафедры иностранных языков, филологический факультет,

Амурский государственный университет, Благовещенск

Аннотация. В настоящей статье анализируются способы передачи внутрилингвистических значений, построенных на отношениях сходства морфемной структуры, при переводе с китайского языка на русский. Проведённое исследование показало, что в большинстве случаев их передача на русский язык возможна, однако исходный образ, используемый автором, и точное значение искажаются, на втором месте по частоте использования находится буквальный перевод, на третьем – передача референции при потере игры слов.

Ключевые слова. Перевод, исходный язык, переводящий язык, внутрилингвистические значения, морфема.

Summary. This article analyzes the ways of transmitting intra-linguistic meanings based on the similarity of morphemic structure when translating from Chinese into Russian. The study showed that in most cases their transfer into Russian is possible, but the original image used by the author and the exact meaning are distorted, the second most common use is literal translation, and the third is the transfer of reference with the loss of pun.

Key words. Translation, source language, translating language, intra-linguistic meanings, morpheme.

Внутрилингвистическое значение языкового знака определяется его взаимосвязями с другими знаками в рамках данной языковой системы. Данные отношения характеризуются многообразием и сложностью. Л. С. Бархударов относит к данной категории отношения звукового сходства, отношения сходства морфемной структуры слов, отношения семантического сходства или несходства, отношения сочетаемости слов друг с другом в строе предложения и т. д. [1, с. 133]

Достижение буквального перевода внутрилингвистических значений, охватывающего как форму, так и содержание, представляется крайне редким явлением. В силу этого переводчик вынужден идти на определенные компромиссы. Существует несколько подходов к решению данной проблемы: передать смысл, но отказаться от использования игры слов; сохранить внутрилингвистическое значение, заменив образ и отодвинув точное значение; сосредоточиться исключительно на воспроизведении внутрилингвистического значения, пренебрегая содержанием. Выбор оптимального решения зависит от ряда факторов, прежде всего от требований контекста, как узкого, так и широкого, а порой и всего произведения в целом. Часто переводчику приходится жертвовать точностью смыслового перевода ради сохранения художественной выразительности текста [2, с. 96–97].

Материалом исследования послужили оригинальные тексты произведений китайской писательницы Янь Гэлин / 严歌苓 – повесть

«Тринадцать женщин Нанкина» / «金陵十三钗» и рассказы «Квадратный Юэбин» / «方月饼», «Женитьба американского дипломата» / «美国外交官的婚姻», «Слепая девушка, что продавала красные яблоки» / «卖红苹果的盲女子», «Аманда» / «阿曼达». Оригинальные тексты переводились на русский язык с применением программы OmegaT (<https://omegat.org/>), системы автоматизированного перевода, поддерживающей память переводов.

В ходе исследования нами было выделено 19 сегментов, содержащих внутрилингвистические значения, которые вызвали трудности при переводе с китайского языка на русский. Чаще всего проблемы при переводе вызывали внутрилингвистические значения, ядром которых являются отношения сходства морфемной структуры. Прежде чем перейти к анализу результатов исследования, необходимо рассмотреть сущность морфемы в китайском языке.

Китайское слово обладает звуковой формой, семантическим содержанием, фиксированной структурой и функционирует как базовая единица для построения предложений [6, с. 29]. В рамках китайского языка деление слова ограничивается уровнем слога [3, с. 15].

Китайский язык характеризуется морфемной структурой, где морфемы представлены иероглифами. Лексика китайского языка делится на простые и сложные слова. Простые слова являются односложными и формируют базовый лексический фонд языка. Сложные слова представляют собой комбинации нескольких морфем [4, с. 39].

Морфема – это минимальная грамматическая единица, обладающая целостностью звучания и значения, служащая основой для образования других грамматических единиц. Морфемы подразделяются на свободные и связанные. Свободные морфемы эквивалентны простым словам и могут использоваться в словообразовании. Связанные морфемы включают корни и аффиксы [5, с. 51].

Всего нами было выделено 7 лексических единиц, внутрилингвистические значения которых были построены на основе отношений сходства морфемной структуры. Результаты подсчётов представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Способы перевода лексических единиц с отношениями сходства морфемной структуры

Способы перевода	Количество (в абс. ед.)	Количество (в %)
Сохранение внутрилингвистического значения и замена образа с искажением точного значения	4	57.14
Буквальный перевод лексической единицы	2	28.57
Передача смысла, но отказ от использования игры слов	1	14.29

При их передаче само внутрилингвистическое значение обычно сохранялось, однако происходила замена исходного образа. Например:

(1) 玛雅的东西一般**碰碰**就会**碰出**后果来。

Если постоянно **трогать** вещи Майи, то обязательно **дотрогаешься** до последствий.

В данном случае основой игры слов является лексическая единица **碰**, которая буквально переводится как *наскакивать на...*; *сталкиваться с...*; *встречаться с...* В первом случае происходит удвоение глагола, которое выражает кратковременность действия, во втором – к глаголу добавляется морфема **出来**, которая указывает на направление действия изнутри наружу и в сторону говорящего лица. Здесь внутрилингвистическое значение зависит от грамматических особенностей языка, которые, в свою очередь, влияют на референциальное значение исходных языковых единиц. Широкий контекст указывает на то, что внутрилингвистическое значение должно быть сохранено, так как автор ведёт рассказ от первого лица и используемая здесь игра слов является средством выразительности речи и показывает характер рассказчика. Поэтому в данном случае с помощью средств русского языка внутрилингвистическое значение сохраняется, однако семантика высказывания при этом немного меняется.

Встречались также и случаи, когда внутрилингвистическое значение передавалось с помощью калькирования. Например:

(2) 门是**堵住了**, 但豆蔻清脆的脏话却**堵不住**...

Дверь была **закрыта**, но **закрыть** грязный рот Доукоу было **невозможно**...

Здесь внутрилингвистическое значение передается с помощью калькирования, т.е. в русскоязычном тексте при буквальном переводе оно сохраняется совместно с референциальным значением. Лексическая единица **堵住** буквально переводится как *закрывать*, *закладывать*, *затыкать*, во втором случае к ней добавляется морфема **不 / не**, которая при использовании в такой позиции указывает на невозможность совершения действия. В данном случае средства русского языка позволяют дословно передать и внутрилингвистическое и референциальное значения.

Всего в одном случае внутрилингвистическое значение было утрачено для сохранения референциального:

(3) 臭女人的臭肉在这里卖不出钱, 换洋山芋吃都行。

Эти **отвратительные шлюхи** не могли продать здесь свои **гнилые тела** за деньги, так они продали их за картошку.

Здесь ядром внутрилингвистического значения является морфема **臭 / вонючий**; *отвратительный*; *дурной*. Однако исходные лексические единицы **臭女人** и **臭肉** буквально переводятся как *отвратительная женщина* и *протухшее мясо* соответственно. Средствами русского языка данную игру слов передать затруднительно, необходимости в этом также нет, так как основной целью высказывания является не насмешка либо ирония как в большинстве случаев, а отрицательная оценка одного

персонажа другим. Исходя из этого, внутрилингвистическое значение теряется, но референциальное при этом остаётся неизменным.

Исходя из результатов исследования можно сделать вывод о том, что внутрилингвистические значения, построенные на сходстве морфемной структуры, наиболее характерны для китайского языка. В большинстве случаев их передача на русский язык возможна, однако исходный образ, используемый автором, и точное значение искажаются (57.14%). Буквальный перевод данных лексических единиц был возможен лишь в 28,57% случаев, передача референции при потере игры слов насчитывает 14,29%.

Список использованных источников

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения. – 1975. – 240 с.
2. Будник Е. А., Лукьяненко М. В. Передача игры слов как переводческая проблема // Язык и культура (Новосибирск). 2015. – № 17. – С. 96–101.
3. Задоевко Т. П., Хуан Ш. Начальный курс китайского языка. Часть I. 3-е изд., испр. М.: Восточная книга. – 2010. – 304 с.
4. Семенас А. Л. Лексика китайского языка. М.: Восток-Запад. – 2005. – 310 с.
5. Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков. М.: Восточная литература РАН. – 1995. – 352 с.
6. Ge Benyi. Modern Chinese Lexicology. London and New York: Routledge. – 2017. – 231 p.
7. 严歌苓, 金陵十三钗. 西安: 陕西师范大学出版总社有限公司. – 2011. – 221页.
8. Янь Гэлин, Цзиньлин шисань чай (Тринадцать женщин Цзиньлина). Сиань: Шаньси шифань дасюэ чубань цзуншэ юсянь гунсы. – 2011. – 221 с.

УДК 811.111

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОМПЬЮТЕРНО-ИГРОВОГО ДИСКУРСА

Ю. А. Козлова¹⁷,

обучающаяся бакалавриата, Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Аннотация. Статья касается лингвистического анализа компьютерно-игрового дискурса, который является специфическим типом коммуникации, возникающим в пространстве компьютерных игр и в смежных с ним сферах. Данный тип дискурса понимается как многосторонний и неоднозначный феномен, способный к гибридизации с другими типами дискурса. Большое внимание уделяется сути компьютерно-игрового дискурса и его специфике, проявляющейся в живой речи пользователей.

Ключевые слова: компьютерно-игровой дискурс, компьютерная игра, виртуальная коммуникация, игровой сленг, лингвистика.

Summary. The article deals with the linguistic analysis of computer gaming discourse

¹⁷ Научный руководитель: д.филол.н., доцент М. В. Норев

which is a peculiar type of communication that emerges in the space of computer games and of related areas. This type of discourse is understood as a versatile and contradictory phenomenon that is capable of hybridisation with other types of discourse. Much attention is given to the essence of computer gaming discourse and its specific features that is manifested in the live speech of users.

Keywords: computer gaming discourse, computer game, virtual communication, gaming slang, linguistics.

Актуальность исследовательского интереса к компьютерным играм связана с растущими масштабами цифровизации общества и глобализацией данной индустрии. С каждым годом финансовые потоки, направленные в эту сферу, увеличиваются. Согласно исследованию VCG, в период с 2017 по 2021 год выручка игровой индустрии составила 13%. Несмотря на то, что с того времени темпы развития снизились, они по-прежнему составляют около 5% [16]. В России и за рубежом открываются различные центры исследований, которые организуют тематические секции на научных конференциях, способствуют открытию новых образовательных программ, выпускают книги. Важным элементом исследования выступает язык геймеров – сложная и живая система, возникающая на пересечении виртуального мира игры, командных взаимодействий и онлайн-обсуждения. Многие из игровых лексем проникают в обиходную речь, что влияет даже на тех, кто игнорирует сферу компьютерных игр.

Несмотря на относительную новизну, данное направление уже было освещено как западными, так и отечественными авторами в определённой степени. Так П. Е. Кондрашов в своём исследовании рассматривал социолингвистический аспект в компьютерном дискурсе. Он обозначил жанровые разновидности компьютерного дискурса, среди них выделив игровой [7].

Большое внимание посвящено анализу проблем локализации компьютерных игр в работах Ю. А. Коркуновой [8], М. В. Норца [9], Е. Ковальковой [6], Д. К. Сяховой, Ф. Г. Фаткуллиной [11], М. А. Болотиной, Е. В. Кузьминой [1], Э. И. Глинчевского, Н. А. Емельяновой, З. Р. Аглеевой [2].

М. Н. Харлашкин предлагает выделять микро- и макроуровень анализа видеоигр. В рамках первого автор рассматривает фонетические, грамматические и лексические характеристики языковых единиц, на макроуровне – жанровые характеристики текста [13].

Цель нашего исследования – выявить и структурировать ключевые лингвистические особенности компьютерно-игрового дискурса. Объектом выступает компьютерно-игровой дискурс как особый тип коммуникации в рамках цифровой среды. Мы предполагаем, что компьютерно-игровой дискурс представляет собой специфический, целостный лингвистический феномен, обладающий рядом собственных системных особенностей.

«Дискурс» является многозначным термином в различных гуманитарных науках, предмет которых подразумевает исследование функционирования языка. Чёткого и общепризнанного определения,

которое могло бы охватить все случаи употребления, не существует [3], [10].

В современной лингвистике данное понятие приближено к термину «текст». Однако между ними всё равно сохраняются различия: текст – статический объект, в то время как дискурс отражает динамический характер языкового общения. Таким образом, он содержит в себе два компонента: процесс языковой деятельности и её результат (текст) [15].

Компьютерный дискурс представляет коммуникативные явления и тексты, окрашенные в соответствии с ситуацией общения в рамках виртуальной реальности. Л. В. Енбаевой, Ю. С. Ханжин компьютерно-игровой дискурс определяется как его часть, так как ограничен виртуальной реальностью той или иной компьютерной игры [5].

Однако А. А. Селютин верно подмечает, что компьютерно-игровому дискурсу свойственно переходить в околоигровое пространство. Например, встречается комбинация спортивного и компьютерно-игрового дискурса, которая преобразуется в новый – киберспортивный дискурс. Большую роль играет метаигровое пространство, которое может проявляться на различных форумах по компьютерным играм или же на потоковых трансляциях. Многогранный характер компьютерно-игрового дискурса проявляется, когда в него вовлечены не только игроки, но и заинтересованные стороны (критики, политики, журналисты) [12].

Важно отметить, что компьютерно-игровой дискурс отличается гипердинамичностью и ситуативностью. Многие игры подталкивают к быстрому принятию решений. Особенно это проявляется в играх с элементами кооперативности. В связи с этим наблюдается тенденция к минимизации языковых средств и к их преобразованию в универсальные [5]. Также компьютерно-игровой дискурс зачастую носит интернациональный характер: в компьютерной игре можно ознакомиться с иностранной культурой из-за особенностей самой игры или из-за кооперативного характера.

Говоря о лингвистических особенностях компьютерного дискурса, мы рассмотрим наиболее значимые его стороны: лексико-семантическую и синтаксическую.

С точки зрения лингвистики наибольшего внимания заслуживает дискурс чата игроков в момент реального времени, так как он наиболее живо и ярко отражает специфику компьютерно-игрового дискурса. Прежде всего, важно заметить, что язык общения в играх насыщен сокращениями, так как пользователям предоставлено небольшое количество времени для важных выборов в рамках игрового пространства. Сокращения могут различаться в зависимости от языка носителя [12].

Рассматривая лексико-семантическую специфику, можно отметить, что большое количество используемых слов является англицизмами или сокращениями от английских словосочетаний. Они служат для коммуникации с представителями разных культур в более быстром формате.

Большой процент компьютерных игр в кооперативном жанре имеют соревновательный характер. Это провоцирует широкое распространение игрового сленга, главные задачи которого – придать высказыванию экспрессивность и разделить на «своего-чужого». Таким образом, появляются его различные категории:

1. Характеристика игроков («нуб» – для обозначения неопытного игрока; «тиммейт» – соигрок, союзник; «читер» – игрок, обходящий правила и так далее).

2. Краткая характеристика действий («фаниться» – подходить к игровому процессу без должного внимания, подводя команду; «фармить» – создание оптимизированного и эффективного процесса) [4].

3. Семантические неологизмы («токсичный» – человек, не соблюдающий нормы приличия; «красный» – игрок, сохранивший малое количество здоровья в рамках игрового процесса).

Отдельного внимания заслуживают аббревиатуры, которые так же служат для ускорения и облегчения коммуникативного процесса. Большая часть из них является производными из английских словосочетаний. Например, «GJ» – «Good Job» – является кратким сочетанием, обозначающим похвалу за хорошо проделанную работу, «AFK» – «Away From Keyboard» – выражение, характеризующее игрока, прервавшего игровой процесс.

Обращаясь к синтаксическому аспекту, важно заметить, что особенности компьютерно-игрового дискурса проявляются в нём тоже. В рамках устной коммуникации это проявляется в преобладании повелительных и вопросительных конструкций. Коммуникация между игроками должна проходить быстро и чётко – этому способствует эллиптичность. Высказывания должны быть максимально компрессированными. Данные качества указывают на эмоциональную вовлечённость участников игрового процесса [5].

В письменной коммуникации нарушение норм орфографии и пунктуации не считается дурным тоном, так как это способствует экономии времени. Той же цели служат эмодзи и смайлы. Знаки препинания могут обозначать различные эмоции без развёрнутого высказывания. К примеру, вопросительный знак и многоточие трактуются как непонимание действий другого игрока и молчаливое негодование.

Итак, рассмотрев современные исследования по теме компьютерно-игровой дискурс, мы приходим к выводу, что это лингвистический феномен, обладающий рядом системных особенностей. Они структурируются вокруг двух основных категорий – эффективности и идентичности. Первая категория достигается благодаря специализированной лексике и синтаксической компрессии, что позволяет игрокам осуществлять быструю координацию и динамичную коммуникацию. Вторая категория формируется через разнообразие речевых жанров, которые могут характеризовать различные социальные

роли игрока. Дальнейшее осмысление компьютерно-игрового дискурса и его лингвистических особенностей может быть продолжено в сравнительном анализе разных игровых жанров, а также в диахроническом исследовании эволюции игровой коммуникации.

Список использованных источников

1. Болотина М. А., Кузьмина Е. В. Лексические проблемы перевода компьютерных игр // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2019. – №1. – С. 43–50.
2. Глинчевский Э. И., Емельянова Н. А., Аглеева З. Р. Текстовая составляющая англоязычных компьютерных игр: особенности перевода при локализации на русском языке // Вестник КалмГУ. – 2025. – №3 (67). – С. 74–80.
3. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка. Язык. Личность. Текст. Сб. ст. к 70- летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; Отв. ред. В. Н. Топоров / В. З. Демьянков. – Москва: Языки славянских культур. – 2005. – С.34–55.
4. Дьяков А.И. Словарь англицизмов русского языка [Электронный ресурс] / А.И. Дьяков. – М.: ФЛИНТА, – 2021. – 1383 с. – ISBN 978-5-9765-4570-0.
5. Енбаева Л. В., Ханжин Ю. С. Дискурсивные характеристики компьютерных игр: сопоставительный анализ // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2018. – №4. – С. 113–122.
6. Ковалькова Е. Проблемы лингвистической локализации компьютерных игр на русский язык (на примере игры «Half Life 2») // Translation Studies. – 2013. – № 6. – С. 87–99.
7. Кондрашов П.Е. Компьютерный дискурс: социолингвистический аспект: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.19 / П. Е. Кондрашов. – Краснодар: КГУ, – 2004. – 19 с.
8. Коркунова Ю.А. Особенности локализации серии компьютерных игр «The Witcher» // Энергия науки: материалы VI Международной научно-практической интернет конференции студентов и аспирантов. – Ханты-Мансийск, – 2016. – С. 729–733.
9. Норец М. В. Аудиовизуальный перевод и локализация видеоигры «Метро 2033» / М. В. Норец, А. Р. Азизова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Том 9 (75) № 3. – С. 129-140.
10. Омарова С. Б., Бавбекова А. С. Понятие дискурса в лингвистике // Теория и практика современной науки. – 2019. – №12 (54). – С. 324–327.
11. Саяхова Д. К., Фаткуллина Ф. Г. Лингвопрагматические особенности перевода видеоигр: Fans' Translation (Fanslation) // Вестник Башкирск. ун-та. – 2019. – №4. – С. 974–979.
12. Селютин А. А. Дискурс видеоигр: к вопросу о терминологии // Вестник ЧелГУ. – 2022. – №3 (461). – С. 138–144.
13. Харлашкин М. Н. Особенности дискурса видеоигр // Вестник МГОУ. – Серия: Лингвистика, – 2016. – №1. – С.92-98. – URL: <https://www.vestnik-mgou.ru>.
14. Холодовская Н. Н. Сокращения как элемент игрового дискурса (на материалах лексики компьютерной игры World of Warcraft) // Вестник магистратуры. – 2014. – №4-2 (31). – С. 18–22.
15. Хурматуллин А. К. Понятие дискурса в современной лингвистике // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2009. – №6. – С. 31–37.
16. Gregoire E. The Future of the Global Gaming Industry: Opportunities Amid Industry Challenges [Electronic Resource] // BCG. 2024 – Mode of access: URL:

УДК 130.2:314.743

ОТ ТУРГЕНЕВСКОЙ ДЕВУШКИ К СТРОИТЕЛЬНИЦЕ НОВОГО МИРА: КОНЦЕПТ ФЕМИННОСТИ В КЛАССИЧЕСКОЙ РУССКОЙ И РАННЕЙ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРАХ

С. А. Козлова,

аспирант, кафедра философии, факультет философии, культурологии и искусства, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург

Аннотация. В статье рассматривается концепт феминности в двух культурах – в классической русской и ранней советской. Переход между культурами и эпохами требует изменения содержания концепта феминности, что приводит к возникновению потребности в культурном переводе. В статье даётся краткая характеристика двух концептов феминности – «тургеневской девушки» и «строительницы нового мира». Автор приходит к заключению, что при переводе концептов феминности с языка одной культуры на язык другой будут переводиться только востребованные на новом этапе развития культуры черты. Неподходящие же черты не будут подлежать процедуре культурный перевода, замещаясь новыми.

Ключевые слова: концепт феминности, женственность, культурный перевод, культура, тургеневская девушка, строительница нового мира, новый тип женственности.

Summary. The article examines the concept of femininity in two cultures – classical Russian and early Soviet. The transition between cultures and eras requires a change in the concept of femininity, which leads to the need for cultural translation. The article provides a brief description of two concepts of femininity – the «Turgenev girl» and the «builder of the new world». The idea is that when translating concepts of femininity from the language of one culture into the language of another, only features that are in demand at a new stage of cultural development will be translated. Unsuitable features will not go through cultural translation, but will be replaced by new ones.

Key words: the concept of femininity, femininity, cultural translation, culture, the Turgenev girl, the builder of a new world, a new type of femininity.

Концепт феминности – это смысловой и социокультурный конструкт, содержащий в себе представления общества о «женском». На формирование этого концепта влияет как общемировая культура в целом (весь накопленный человечеством опыт), так и появляющиеся в отдельных культурах в различные периоды культурные потребности и тенденции. Каждая культура в определенную эпоху формирует свою «феминность», отвечающую потребностям времени, отражающую устройство общества и параллельно приписывающие женщине должные нормы поведения, определенный облик и социокультурные роли. Переход между культурами и эпохами требует изменения и концепта феминности, что приводит к возникновению потребности в культурном переводе.

В настоящей статье культурный перевод понимается как «перенос смыслов, выраженных на одном языке культуры/на языке одной культуры,

с использованием другого языка культуры/языка другой культуры, имеющий задачей вписывание переводимого в иной культурно-языковой и семиотический дискурс» [1, с. 44].

Переход от одного концепта феминности к другому будет рассмотрен как вариант культурного перевода между эпохами в рамках одной (русской) культуры на примере двух концептов женственности: «тургеневской девушки» и «строительницы нового мира».

Тургеневская девушка – литературный и социокультурный тип, обобщающий черты героинь произведений И. С. Тургенева и сформировавший определенный женский образ, вышедший за рамки литературы и закрепившийся в общественном сознании эпохи. Примерами тургеневской девушки могут служить многие героини романов Тургенева: Марианна Синецкая («Новь»), Елизавета Калитина («Дворянское гнездо»), Наталья Ласунская («Рудин») и др.

Внешне такие девушки хрупки, достаточно привлекательны, но не выразительны. Однако что-то в них притягивает взгляд «героя»: манера держаться в обществе, выдающие устремления её души и силу характера глаза¹⁸.

Тургеневская девушка хорошо образована, серьёзна и скромна. Она обладает живой мыслью и вдумчивостью, что является практически самой важной ее характеристикой. Она осознает несправедливость, царящую в обществе, и готова действовать, чтобы добиться изменений: «Справедливость удовлетворяет, но не радует их, а несправедливость, на которую они страшно чутки, возмущает их до дна души» [5, с. 104]. Её сильный характер не даёт ей опускать руки и позволяет преодолевать препятствия, возникающие на пути. Эта сила характера проявляется и в её чувстве любви к главному герою. Не теряя своей доверчивости, невинности, нежности тургеневская девушка готова к самопожертвованию ради любви и ради героя, на которые тот, в отличие от нее, не способен.

В своей внутренней силе тургеневская девушка сильнее, чем мужской персонаж. При одних и тех же внешних обстоятельствах герой сдаётся или

18 И.С. Тургенев даёт следующее описание Натальи Ласунской в романе «Рудин»: «...Наталья Алексеевна, с первого взгляда могла не понравиться. Она еще не успела развиться, была худа, смугла, держалась немного сутуловато. Но черты ее лица были красивы и правильны, хотя слишком велики для семнадцатилетней девушки. Особенно хорош был ее чистый и ровный лоб над тонкими, как бы надломленными посередине бровями. Она говорила мало, слушала и глядела внимательно, почти пристально, – точно она себе во всем хотела дать отчет. Она часто оставалась неподвижной, опускала руки и задумывалась; на лице ее выражалась тогда внутренняя работа мыслей... Едва заметная улыбка появится вдруг на губах и скроется; большие темные глаза тихо подымутся... «Qu'avez-vous?» – спросит ее m-lle Wopcourt и начнет бранить ее, говоря, что молодой девице неприлично задумываться и принимать рассеянный вид. Но Наталья не была рассеянна: напротив, она училась прилежно, читала и работала охотно. Она чувствовала глубоко и сильно, но тайно; она и в детстве редко плакала, а теперь даже вздыхала редко, и только бледнела слегка, когда что-нибудь ее огорчало» [6]. Ср. описание Марианны Синецкой в романе «Новь»: «Марианна могла казаться почти «дурнушкой». Лицо она имела круглое, нос большой, орлиный, серые, тоже большие и очень светлые глаза, тонкие брови, тонкие губы. Она стригла свои русые густые волосы и смотрела букой. Но от всего ее существа веяло чем-то сильным и смелым, чем-то стремительным и страстным. Ноги и руки у ней были крошечные; ее крепко и гибко сложенное маленькое тело напоминало флорентийские статуэтки XVI века; двигалась она стройно и легко» [5, с. 43].

терзается, когда как героиня проявляет стойкость, решительность и самоотверженность.

Однако такая героиня всё ещё не до конца субъектна – она служит инструментом, с помощью которого раскрываются те или иные черты характера главного героя, показывается его отношение к миру и к любви. Тургеневской девушке не позволяют самостоятельно предпринимать какие-либо действия, она может лишь размышлять и помышлять о них, но совершить их ей возможно только с чьей-либо (обязательно мужской) помощью.

Под «строительницей нового мира» в настоящей статье будет пониматься концепт феминности, созданный советской властью в 1920-ые гг. с целью конструирования нового типа женственности.

Концепт «строительницы нового мира», казалось бы, кардинально противоположен «тургеневской девушке» – новая эпоха и новая власть создают новую женственность, отвечающую на запросы времени. Современная той эпохе женщина призвана помочь искоренить несправедливость, выстоять в сложные времена, стать полноценным активным членом общества и, наравне с мужчиной, создавать новый лучший мир.

Визуальный образ новой женственности демонстрируют плакаты, созданные в те годы. На них изображаются женщины с крепким телосложением, с твердым взглядом, в решительных позах. Они призывают своих современниц к активной деятельности, призывают их встать «в ряды с мужчиной». Женщина больше не ограничена пространством дома и семьей: изображающиеся на плакатах героини обязательно либо работницы, либо крестьянки, занятые свободным созидательным трудом.

В литературе такой концепт женственности представлен героинями, полностью отдающимися своему делу: партийной деятельности и построению коммунизма. Это героини романов и повестей А. М. Коллонтай (Василиса Малыгина из одноименной повести), Ф. В. Гладкова (Даша в романе «Цемент»), Л. Н. Сейфуллиной (Виринея из одноименной повести) и др. В литературных произведениях ценности партии становятся ценностями самих женщин. Любовь для них отходит на второй план.

Новая власть создаёт и диктует единый (не инвариантный) для всех женский образ – сильной, решительной женщины, ставящей свои интересы ниже интересов общества.

Как отмечалось ранее, изменение концепта феминности – это всегда процесс перевода. Вместе с тем, взаимодействие двух культур, предшествующей и новой, обязательно оказывает значительное влияние и на содержание концепта женственности. В процессе перевода первого из рассмотренных выше концептов феминности на язык новой культуры переводимым оказывается основа / ядро концепта «тургеневской девушки» – её внутренняя сила. В «строительнице нового мира» не только сохраняется эта основополагающая черта – новое время позволяет ей полностью

раскрыться. Заложенный в образе «тургеневской девушки» активный созидательный потенциал оказывается востребованным новой эпохой и находит выражение в конструируемом ею новом женском образе.

Через культурный перевод в новых реалиях проходит и вера в светлое будущее: как в концепте феминности классической русской культуры, так и в новом типе женственности ранней советской эпохи присутствует вера в возможность достижения нового справедливого устройства общества.

Отсутствие субъектности героини также проходит через культурный перевод: женский образ так и не становится самостоятельным. Образ «тургеневской девушки» служит инструментом для лучшего раскрытия мужского персонажа, а образ «строительницы нового мира» – инструментом агитации.

Объектом культурного перевода не становятся черты, не представляющие значимости и потому не актуальные для наступившей эпохи. Так, во внешнем облике место хрупкой, тихой, скромной аристократической барышни занимает боевая, физически сильная, деятельная героиня более низкого происхождения, близкая к народу и рабочему коллективу, активно вовлеченная в общественную жизнь. Вдумчивость и глубокая эмоциональность прежней героини сменяется деятельностью у новой, тогда как возвышенная романтическая любовь уходит на второй план. То есть, при переводе концептов феминности с языка русской культуры девятнадцатого века на язык культуры советской не соответствующие ценностям этой культуры элементы не переводятся, а замещаются новыми при сохранении существенных черт, что позволяет осуществить культурную преемственность в процессе перевода на язык культуры нового типа.

Список использованных источников

1. Демидова О. Р. Перевод как зеркало культуры: очерки по истории и философии перевода. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2022. – 240 с.
2. Демидова О. Р., Потехина Е. А. Гендерные модели в культуре или о философии мужского и женского. – СПб.: Алетейя, 2023. – 178 с.
3. Кардапольцева В. Н. Женственность как социокультурный конструкт // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2005. – №1 (8). – С. 62–76.
4. Коллонтай А. М. Василиса Малыгина [Электронный ресурс] // Lib.ru/Классика. URL: http://az.lib.ru/k/kollontaj_a_m/text_0050.shtml (дата обращения: 30.01.2026)
5. Тургенев И. С. Новь. – М.: АСТ, 2025. – 512 с.
6. Тургенев И. С. Рудин [Электронный ресурс] // Национальная электронная библиотека. URL: <https://svetapp.rusneb.ru/reader/v3/?slug=ivan-sergeevich-turgenev-rudin> (дата обращения: 14.01.2026)

УДК 004.89

КАК ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПОВЫШАЮТ МОТИВАЦИЮ К ИЗУЧЕНИЮ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ

А. А. Колесник¹⁹,

*обучающаяся, Институт филологии, Крымский федеральный
университет имени В.И. Вернадского, Симферополь,*

Современный мир невозможно представить без английского языка. Он стал *lingua franca* глобального бизнеса, науки, культуры и, конечно, технологий. Владение английским – это не просто конкурентное преимущество, это необходимость для успешной карьеры и полноценного участия в жизни современного общества. Однако, несмотря на всю важность, изучение английского языка в школе зачастую превращается в скучную обязанность, не вызывающую искреннего интереса у учеников. Традиционные методы обучения, основанные на учебниках, заучивании правил и бесконечных упражнениях, часто оказываются неэффективными и приводят к снижению мотивации. К счастью, в арсенале современных педагогов появился мощный инструмент – цифровые технологии.

Актуальность исследования состоит в том, что оно направлено на решение проблемы недостаточной мотивации при изучении английского языка в школах путём внедрения и анализа эффективности цифровых инструментов, соответствующих современным реалиям и потребностям цифрового поколения.

Цель исследования – определить и оценить эффективность применения цифровых инструментов и платформ для повышения мотивации к изучению английского языка у школьников, а также разработать практические рекомендации по их внедрению в образовательный процесс для повышения качества обучения и заинтересованности учащихся. Для достижения поставленных целей необходимо решить следующие задачи:

- 1) выявить наиболее эффективные цифровые инструменты и платформы для повышения мотивации;
- 2) изучить влияние использования цифровых инструментов на интерес, вовлеченность и учебные достижения школьников;
- 3) оценить влияние внедрения цифровых инструментов на учебный процесс и результаты обучения английскому языку.

Методы исследования. В работе использованы такие методы исследования, как анализ существующих исследований, наблюдение, анализ документов, анкетирование и обзор литературы для получения более полной и достоверной картины.

Результаты исследования. Традиционный подход к обучению английскому языку в школе, как правило, предполагает пассивное усвоение информации [2]. Ученикам приходится зазубривать грамматические правила, слова и фразы, не видя при этом реального применения своим

¹⁹ Научный руководитель: к.пед.н., доцент Т. Г. Чернышева

знаниям. Страх сделать ошибку, боязнь получить плохую оценку, отсутствие индивидуального подхода и недостаток интерактивности – все это приводит к снижению мотивации и утрате интереса к изучению языка. Урок английского становится рутинной, а ученики воспринимают его как скучную и бесполезную обязанность.

Цифровые инструменты и платформы предлагают принципиально новый подход к изучению английского языка. Они позволяют сделать процесс обучения более интерактивным, увлекательным и адаптированным к индивидуальным потребностям каждого ученика [5].

Интерактивность и вовлеченность: Онлайн-игры, викторины, интерактивные упражнения и мультимедийные материалы превращают урок английского в увлекательное приключение. Ученики активно вовлекаются в учебный процесс, получают удовольствие от обучения и запоминают информацию гораздо лучше. Результаты исследования показали, что существует значительная разница между пользователями и теми, кто не пользуется компьютерными обучающими программами. Ученики положительно относятся к использованию компьютерных обучающих программ для изучения иностранного языка [6].

Индивидуализация обучения: Цифровые платформы позволяют адаптировать программу обучения к индивидуальному уровню знаний и интересам каждого ученика. Использование алгоритмов адаптивного обучения позволяет предоставить учащимся задания, соответствующие их уровню подготовки, и фокусироваться на тех областях, где они нуждаются в дополнительной помощи [5].

Аутентичные материалы и реальное применение: Интернет открывает доступ к огромному количеству аутентичных материалов на английском языке: фильмы, сериалы, музыка, подкасты, блоги и социальные сети [4]. Использование этих материалов позволяет ученикам увидеть практическое применение своих знаний в реальной жизни, познакомиться с культурой англоязычных стран и развить навыки аудирования и говорения.

Мгновенная обратная связь: Онлайн-тесты и упражнения позволяют ученикам получать мгновенную обратную связь о своих результатах [3]. Это помогает им отслеживать свой прогресс, выявлять сильные и слабые стороны и корректировать свой учебный процесс.

Создание сообщества и сотрудничество: Онлайн-форумы, чаты и социальные сети предоставляют ученикам возможность общаться и сотрудничать друг с другом, обмениваться опытом, делиться знаниями и поддерживать друг друга в процессе обучения. Практика работы в сетях показывает, что серьезными проблемами являются: поиск нужной информации, её анализ, культура коммуникации в сети, будь то контакт со своими сверстниками из других регионов или из других стран [1].

Геймификация: Внедрение элементов игры в учебный процесс – это мощный инструмент мотивации. Баллы, награды, рейтинги, соревнования – все это стимулирует учеников к более активному участию в учебном

процессе и повышает их заинтересованность в изучении языка.

Выводы. Цифровые инструменты и платформы – это мощный инструмент, который может помочь школам повысить мотивацию к изучению английского языка и подготовить учеников к успешной жизни в глобальном мире. Однако, важно помнить, что технологии – это лишь инструмент, а успех зависит от правильного его использования. Грамотная интеграция цифровых инструментов в учебный процесс, подготовленные учителя, доступ к технологиям и поддержка администрации школы – вот ключевые факторы, определяющие успех цифровой трансформации в образовании.

Таким образом, внедрение цифровых инструментов в учебный процесс помогают повышению уровня владения языком и подготовленности учеников к глобальному миру.

Список использованных источников:

1. Арушанян В. А. Интернет в обучении иностранным языкам. URL: <https://multiurok.ru/index.php/files/statia-internet-v-obuchenii-inostrannym-iazykam.html> (дата обращения: 29.11.2025).
2. Бим И. Л. Личностно-ориентированный подход — основная стратегия обновления школы // Иностранные языки в школе. – 2002. – № 2. – С. 11.
3. Голубева Е. В. Промежуточный тестовый контроль в дистанционном обучении иностранному языку: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2002.
4. Комарова Ю. А. Использование видео в процессе обучения иностранному языку в старшей школе // Методика обучения иностранным языкам в средней школе. Модернизация общего образования. – Санкт-Петербург, 2006.
5. Golonka E. M., Pachal J. L., Blake R. J., & Young S. Technology enhanced language learning // Annual Review of Applied Linguistics. – 2014. – Vol. 34. – P. 201-223.
6. Warschauer M., & Healey D. Computers and language learning: An overview // Language Teaching. – 1998. – Vol. 31, No. 2. – P. 57-71.

УДК 811.111:070.421.6:323.3(410)

**АЛЛЮЗИИ В ЗАГОЛОВКАХ БРИТАНСКОЙ ПРЕССЫ:
МИГРАЦИОННЫЙ ДИСКУРС**

А. В. Коханова,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры международных коммуникаций СПбГУПТД (Санкт-Петербург)

Аннотация. Статья посвящена анализу аллюзий в заголовках британской прессы последних лет, связанных с миграционной проблематикой. Рассматриваются языковые, когнитивные и идеологические функции аллюзий как инструмента фрейминга и манипуляции общественным мнением, а также роль культурной узнаваемости аллюзий разного типа для восприятия, интерпретации и перевода.

Ключевые слова: аллюзии, медиадискурс, миграция, заголовок, фрейминг, идеология, интертекстуальность.

Summary. The article examines allusions in recent British press headlines related to migration. It explores the linguistic, cognitive, and ideological functions of allusions as tools for framing and shaping public opinion. It also studies the role of cultural recognizability of

different types of allusions in their perception, interpretation, and translation.

Key words: allusions, media discourse, migration, headlines, ideology, framing, intertextuality.

Одной из самых значимых тем в медиадискурсе является миграция и проблемы, связанные с ней. В 2023 году миграционный кризис занял центральное место во внутренней политике Великобритании и широко освещался в СМИ, которые превратились в инструмент политической риторики, воспроизводящий доминирующие политические дискурсы, самыми распространенными из которых являются незаконность и криминализация, а также сочетание топосов угрозы и бремени, финансовых затрат [17, с. 13, 22]. Медиатексты в большей степени не отражают окружающую действительность, а конструируют ее, на основе взаимодействия многих социально-идеологических факторов, создавая определенный идеологический фон [6, с. 160].

При этом особую роль в медиатексте играет заголовок, который не только выражает главную тему, но и определяет, как именно нужно интерпретировать представленные факты, формируя немедленную оценку и являясь одним из самых мощных инструментов фрейминга. Для того, чтобы задать тональность восприятия текста чаще всего используется эмоционально окрашенная лексика – *to flood Europe with illegal migrants, making anger over migrant crisis worse, the collapsing NHS, economic catastrophe, fueling migration* и т.д. Такие политические метафоры являются очень эффективными, «поскольку они не требуют развернутого пояснения, но при этом мгновенно активируют у адресата целую систему ассоциаций - исторических, эмоциональных, идеологических» [3, с. 90].

Экспрессивную окраску заголовкам также придают такие приемы как аллюзия, реминисценция и аппликация. Интертекстуальная узнаваемость позволяет, с одной стороны, апеллировать к культурной составляющей (в дискурсе миграции это еще один, скрытый способ подчеркнуть противопоставление «свой-чужой»), а с другой – активировать эмоции и ожидания, усиливая перлокутивный эффект.

Аллюзии в заголовках представляют собой не только интертекстуальное, но и интердискурсивное явление, сочетая в себе как связи с микроконтекстом произведения и макроконтекстом литературного наследия и культуры в целом [1, с. 186], так и трансформацию и репрезентацию исходного дискурса, задавая определенный ракурс восприятия текста.

Таким образом, можно предположить, что аллюзии в заголовках выполняют роль «когнитивного якоря», позволяя закодировать в коротком заголовке послание, включающее в себя разнообразные смыслы, оценку и идеологию.

Аллюзия, которая представляет собой стилистическую фигуру, содержащую указание, аналогию или намек на общеизвестный исторический, литературный, мифологический или политический факт или

произведение, по мнению многих исследователей (Шмелева Т. В., Лукьянова Е. Б., Theo van Leuwen и др.), является превалирующим способом цитирования в медиатекстах и, особенно, в медиазаголовках. Это объясняется тем, что данный прием позволяет «сжать» множество контекстов в одну фразу, задействовать эмотивный компонент и придать «весомость» событию, связывая его со значимым дискурсом, например, через исторические аналогии.

Исследуя интертекстуальность в медиадискурсе Monika Bednarek и Helen Carle приходят к выводу, что аллюзии позволяют сформулировать проблемы с помощью хорошо известных сюжетов (шекспировских, библейских, кинематографических) [4, с. 122], а Jonathan Culpeper, проводивший анализ заголовков британских СМИ, отмечает, что 27 % выразительных заголовков в Guardian содержат подобные аллюзии [5, с. 87].

Кроме того, в последнее время все чаще встречается такое явление, как гибридизация аллюзий, когда классические тексты смешиваются с поп-культурой (песнями, сериалами и т. д., например, *Chancellor living in La La Land by blaming everyone else for her failures* [13]). Именно эти аллюзии могут представлять собой значительную трудность при переводе, поскольку в этом случае наблюдается апелляция к текстам, составляющим не макро-, а микроконтекст, понятный жителям страны, но, скорее всего, не вызывающий узнавания и ожидаемой эмоциональной реакции у других читателей.

При анализе заголовков британских медиа, связанных с дискурсом миграции выделены следующие аллюзии:

- библейские: *Migrant crisis: good Samaritans set sail in daring Mediterranean rescue mission* [7];
- литературные: *Home secretary vows to end UK's 'golden ticket' for asylum seekers* [9];
- мифологические: *Refugee odyssey to UK reveals complexity of Europe's smuggling networks* [18];
- политические: *The looming Boriswave is a disaster for the UK – but Reform will save Britain* [19];
- исторические: *Labour's 'day of shame' as shocking migrant figures show 'complete collapse' of UK border* [15];
- связанные с поп-культурой: *A nightmare on Marsham Street? Shabana Mahmood must do these things to end Channel crisis* [10];
- научные (по классификации Н. Ю. Новохачевой [2, с. 57]: *Labour MPs tell Keir Starmer to cut Net Zero levies on industry or risk killing off Brit manufacturing jobs* [8].

При переводе наименьшую трудность представляют собой библейские и мифологические аллюзии, так как они являются транскультурными отсылками. Трудность в переводе исторических и литературных аллюзий зависит от их культурной значимости и, во многом, от аудитории, для которой предназначено послание, и ее фоновых знаний.

Так, заголовок *Keir Starmer bets jaw-jaw can win migration war* [11] представляет собой аллюзию на высказывание Уинстона Черчилля "*To jaw-jaw is always better than war-war*" из речи 1954 года, но вряд ли русскоязычные читатели узнают ее даже в переводе, в то время как выражение «налог в стиле Робин Гуда» (*Reform unveils 'Robin Hood' tax policy to charge non-doms £250,000 fee* [14]) является абсолютно понятным для русскоязычной аудитории.

По некоторым данным, из-за информационной перегрузки значительная часть людей читает не саму статью, а только заголовок, который воспринимается как некая компрессия текста. Поэтому аллюзии в заголовках выполняют не только экспрессивную и игровую, но и, в большей степени, оценочную и манипулятивную функцию, позволяя формировать общественное мнение и легитимизировать (или оспорить в случае оппозиционной прессы) политические действия правительства. Вот как освещается одно и то же событие (законопроект об отправке мигрантов Руанду) в разных медиа:

- *How Tory factions' game of chicken over bill unfolded* [16] – обыгрывается игра в «Труса», которая моделирует поведение двух водителей, едущих навстречу друг другу, чтобы определить, кто из них трус и свернет первым. Тональность заголовка – иронично-критическая, рассчитанная на то, чтобы вызвать у читателя раздражение по поводу партийных игр.

- *Sorry Sunak, but you've passed the point of no return* [12] – аллюзия представляет собой военный термин (из авиации) «точка невозврата», пройдя которую самолет уже не может вернуться в пункт отправления, потому что оставшегося топлива на обратную дорогу уже не хватит. Тональность – критическая, но предполагается, что перлокутивным эффектом будет сочувствие к лидеру, который зашел слишком далеко, и теперь ему остается только принять последствия принятого решения.

Таким образом, в заголовках аллюзии позволяют реализовать различные функции – эмоциональные, оценочные, легитимизирующие и так далее – имплицитно, формируя определенный фрейм восприятия и усиливая прагматическое воздействие. Они являются своего рода «когнитивными якорями», позволяющими быстро активировать у адресата сложные смысловые структуры – от мифологических архетипов до актуальных политических нарративов. При этом их эффективность напрямую зависит от культурной компетенции аудитории: транскультурные аллюзии (библейские, мифологические) обладают универсальной силой воздействия, тогда как историко-политические или поп-культурные отсылки работают, в основном, внутри национального контекста. Это подчеркивает двойственную природу аллюзии – с одной стороны, она способствует экономии коммуникативных усилий, а с другой, может усиливать культурное неравенство в восприятии информации.

Список использованных источников

1. Владимирова Н. Г. Категория интертекстуальности в современном литературоведении / Н. Г. Владимирова // Литературоведение на пороге XXI в.: материалы международной научной конференции. – М.: Рандеву – АМ, 1998. – 395с.
2. Новохачева Н. Ю. Стилистический приём литературной аллюзии в газетно-публицистическом дискурсе конца XX– начала XXI веков: дисс. [Электронный ресурс] <https://www.dissercat.com/content/stilisticheskii-priem-literaturnoi-allyuzii-v-gazetno-publitsisticheskom-diskurse-kontsa-xx-> (дата обращения: 5.01.2026).
3. Чудинов А. П. Политическая метафора в медийном дискурсе / А. П. Чудинов. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. - 272 с.
4. Bednarek M., & Caple, H. (2017). *The Discourse of News Values: How News Organisations Create Newsworthiness*. Oxford University Press.
5. Culpeper J. Pragmatic Stylistics and Media Headlines. In M. McIntyre & L. Bousfield (Eds.), *Language and Style* (pp. 179–196). Palgrave Macmillan.
6. Dijk T. A. (2006). Discourse, context and cognition. *Discourse Studies*, 8(1), 159-177.
7. Elgot Jessica Migrant crisis: good Samaritans set sail in daring Mediterranean rescue mission / Jessica Elgot // *the Guardian*. 2015. – 20 Apr. - URL:<https://www.theguardian.com/world/2015/apr/20/migrant-crisis-good-samaritans-mediterranean-rescue-mission> (дата обращения: 5.01.2026).
8. Ferguson Kate Labour MPs tell Keir Starmer to cut Net Zero levies on industry or risk killing off Brit manufacturing jobs / Kate Ferguson // *The Sun*. 2025. – 12 Jul URL: <https://www.thesun.co.uk/news/35818775/labour-net-zero-jobs-tufnell/> (дата обращения: 5.01.2026).
9. Home secretary vows to end UK's 'golden ticket' for asylum seekers // *Sky*. 2025 - 16 Nov URL: <https://news.sky.com/story/home-secretary-vows-to-end-uks-golden-ticket-for-asylum-seekers-as-denmark-based-reforms-to-be-unveiled-13470846> (дата обращения: 8.01.2026).
10. Knowles Michael A nightmare on Marsham Street? Shabana Mahmood must do these things to end Channel crisis / Michael Knowles // *Express*. 2025. - 7 Sep - URL: <https://www.express.co.uk/news/politics/2105558/Labour-asylum-migrants-crisis-Home-Office> (дата обращения: 5.01.2026).
11. Maguire Patrick Keir Starmer bets jaw-jaw can win migration war / Patrick Maguire // *Times*. 2025. - 10 July URL: <https://www.thetimes.com/comment/columnists/article/keir-starmer-bets-jaw-jaw-can-win-migration-war-50g3938sx> (дата обращения: 5.01.2026).
12. O’Flynn Patrick Sorry Sunak, but you’ve passed the point of no return / Patrick O’Flynn // *The Daily Telegraph*. 2023. 12 Dec URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2023/12/12/sunak-has-passed-the-point-of-no-return/> (дата обращения: 8.01.2026).
13. Pagano Maggie Chancellor living in La La Land by blaming everyone else for her failures / Maggie Pagano // *This is money*. 2025. - 28 Mar - URL:<https://www.thisismoney.co.uk/money/comment/article-14548237/MAGGIE-PAGANO-Chancellor-living-La-La-Land-blaming-failures.html> (дата обращения: 5.01.2026).
14. Shead Rosie Reform unveils ‘Robin Hood’ tax policy to charge non-doms £250,000 fee / Rosie Shead // *Independent*. 2025. - 23 June URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/reform-non-doms-tax-b2774919.html> (дата обращения: 9.01.2026).
15. Wade-Palmer Charles, OBrien, Lotti, Toms, Adam Labour's 'day of shame' as shocking migrant figures show 'complete collapse' of UK border/ Charles Wade-Palmer, Lotti OBrien, Adam Toms // *Express*. 2025. - 21 Aug -

URL:<https://www.express.co.uk/news/uk/2098257/labours-day-shame-shocking-migrant> (дата обращения: 3.01.2026).

16. Wickham Chris, Grylls, George How Tory factions' game of chicken over bill unfolded / Chris Wickham, George Grylls // The Times. 2023. 12 Dec URL: <https://www.thetimes.com/uk/article/how-tory-factions-game-of-chicken-over-rwanda-bill-unfolded-whj6nm2sc> (дата обращения: 8.01.2026).

17. Wodak Ruth. The Discourse-Historical Approach / Ruth Wodak & Michael Meyer. Methods of Critical Discourse Analysis. - London: SAGE Publications Ltd, 2001 p. 63-94 cited by https://is.muni.cz/el/fss/podzim2019/MVPd0001/93744315/methods-of-critical-discourse-analysis_n4_jepujcog.pdf (дата обращения: 26.12.2025)

18. Wright, Robert, Solomon, Erika, Gross, Anna Refugee odyssey to UK reveals complexity of Europe's smuggling networks / Robert Wright, Erika Solomon and Anna Gross // The Financial Times. 2021. - 4 Dec - URL:<https://www.ft.com/content/3b173012-b764-4b91-b7c8-671ca5badb44> (дата обращения: 8.01.2026).

19. Yusuf, Zia The looming Boriswave is a disaster for the UK – but Reform will save Britain / Michael D. Carroll, Zia Yusuf // Daily Express. 2025 - 22 Sep - URL: <https://www.express.co.uk/news/uk/2111486/zia-yusuf-looming-boriswave-disaster-Reform-save-Britain> (дата обращения: 5.01.2026).

УДК 81`25

**СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОКРАСКИ
АВСТРАЛИЙСКОЙ РЕЧИ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА
ПИТЕРА КЭРИ «ВДАЛИ ОТ ДОМА» (A LONG WAY FROM HOME)**

Б. А. Крицкая,

обучающаяся магистратуры,

М. Г. Зеленцова,

кандидат филологических наук, доцент,

Институт филологии, Крымский федеральный университет имени

В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье исследуется проблема перевода национально-маркированной, эмоционально насыщенной речи на материале романа современного австралийского писателя Питера Кэри «Вдали от дома» (*A Long Way from Home*, 2017) и его перевода на русский язык, выполненного в переводе Е. Чистопольской. Цель работы – выявить и систематизировать основные переводческие стратегии и конкретные лингвистические приёмы, применяемые для передачи эмоциональной окраски австралийского варианта английского языка. Анализ проводится на лексическом, синтаксическом и стилистическом уровнях с фокусом на воссоздание идиостиля автора и национального колорита. Результаты исследования показывают, что для адекватной передачи эмоциональной экспрессии переводчик использует комплексный подход: от буквального перевода коллоквиализмов и окказионализмов до компенсации на другом языковом уровне, замещения культурно-специфических элементов и синтаксической адаптации. Делается вывод о том, что доминирующая стратегия должна определяться не столько лингвистическим соответствием, сколько необходимостью реконструкции прагматического эффекта и идиостиля автора в принимающей культуре.

Ключевые слова: эмоциональная окраска, художественный перевод, австралийский вариант английского языка, Питер Кэри, переводческие трансформации, коллоквиализмы, идиостиль, национальный колорит, компенсация, лингвокультурная

адаптация, инвективная лексика.

Summary. This article examines the problem of nationally-marked and emotionally charged speech, based on the novel by the contemporary Australian writer Peter Carey, 'A Long Way from Home' (2017), and its Russian version translated by E. Chistopolskaya. The aim of the study is to identify and systematize the main translation strategies and specific linguistic techniques used to convey the emotional flavor of Australian English. The analysis is conducted at lexical, syntactic, and stylistic levels with focusing on the author's individual style and local language color. The results of the study show that the translator employs an integrated approach to adequately conveying emotional expression: from literal translation of colloquialisms and occasional expressions to compensation at another linguistic level, substitution of culturally specific elements and syntactic adaptation. It is concluded that the dominant strategy should be determined not only by linguistic conformity but also by the need of reconstructing the author's pragmatic effect and the author's individual style within the target culture.

Key words: emotional connotation, literary translation, Australian English (AuE), Peter Carey, translation techniques, colloquialisms, individual style, national local colour, compensation, linguacultural adaptation, invective vocabulary.

Перевод эмоционально-экспрессивной составляющей речи персонажей представляет собой одну из наиболее сложных задач в художественном переводе. Это обусловлено необходимостью передачи не только денотативного значения, но и целого спектра коннотаций, стилистических регистров, культурно-обусловленных ассоциаций и интенциональных оттенков, формирующих психологический портрет героя и атмосферу произведения.

Художественный перевод, в отличие от информативного, призван передать не только фактуальное содержание, но и весь спектр эмоционально-эстетических воздействий, заложенных в оригинале. Особую сложность представляет «перевод национально-окрашенной речи, где эмоциональность тесно переплетена с культурным кодом, историческим контекстом и спецификой национального мировидения» [3]. Стоит также отметить, что и инвективная лексика – это мощный инструмент языка, маркирующий конфликт, эмоциональный предел и социально-культурный контекст. Её перевод требует от переводчика тонкого понимания не только словарных значений, но и силы табу, культурных коннотаций и прагматической функции оскорбления в конкретной речевой ситуации.

Роман двукратного лауреата Букеровской премии Питера Кэри «A Long Way from Home» (в переводе Е. Чистопольской «Вдали от дома»), являющийся квинтэссенцией австралийской ментальности середины XX века, представляет собой уникальный материал для подобного исследования.

Цель данной работы – выявить и систематизировать ключевые переводческие стратегии и трансформации, применяемые для адекватной передачи эмоционально-экспрессивного компонента речи персонажей, отражающего особенности австралийского национального характера, исторического контекста и социальных отношений.

Проблема адекватной передачи эмоционально-экспрессивных

элементов (далее – ЭЭЭ) составляет одну из центральных сложностей художественного перевода. Эти единицы, будучи носителями не только семантического, но и сильного коннотативного заряда, определяют тональность текста, формируют читательское восприятие и являются маркерами авторского стиля. В ходе анализа теории перевода по данному вопросу можно выделить три макро стратегии, расположенные в континууме от максимальной ориентации на исходный текст (ИЯ) к максимальной ориентации на язык перевода (ПЯ).

1. *Стратегия прямой номинации (денотативный перевод)*. Суть ее состоит в том, что денотативное значение ЭЭЭ считается приоритетным, а её стилистическая окраска либо игнорируется, либо нивелируется. Однако данная стратегия ведёт к стилистическому уплощению текста, обеднению речевой характеристики персонажа и утрате культурного колорита. Она оправдана лишь в случаях абсолютной непереводимости, когда все альтернативы грубо нарушают нормы ПЯ.

2. *Стратегия функционально-прагматической адаптации (динамическая эквивалентность)*. Переводчик ищет не прямое лексическое соответствие, а единицу ПЯ, вызывающую у целевого читателя сходную эмоционально-оценочную реакцию. Например: модуляция (замена образа или переносного значения); контекстуальная замена (выбор слова, оправданный общим контекстом, а не словарным значением); компенсация (восполнение утраченной экспрессии в одном месте текста её усилением в другом, что требует от переводчика видения текста как системы; перевод превращается в адаптацию, стирающую границы оригинала.

3. *Стратегия «остранения» (этнографическая или филологическая точность)*. Переводчик сознательно сохраняет «чужое», используя кальки, описательный перевод или оставляя без перевода ключевые культурные реалии (*mate* → «мэйт» с пояснением), стремясь сохранить идиостиль и культурный код автора. Следование в данном направлении чревато перегруженностью текста и созданием искусственных, непонятных читателю ПЯ конструкций, что разрушает эстетическое восприятие.

Рассмотрим следующие примеры. Для сохранения пренебрежительного тона говорящего, автор текста оригинала (далее – ТО) использовал слово **geezers** (согласно словарю Коллинза [6], «An old person, usually a male, typically a cranky old man» [6] – «Пожилой человек, чаще всего – мужчина, обычно старик с причудами»), характерное для австралийского варианта английского языка (AuE). Переводчик заменил его на слово сниженной лексики русского языка, но сохраняющее тон говорящего. Стоит отметить, что слово «geezers» пришло в австралийский английский (далее – AuE) из британского варианта английского языка (далее – BrE) и адаптировалось здесь.

В следующем примере автор переводного текста применяет приём компенсации, который, как выразился Л. С. Бархударов, «используется

особенно часто там, где необходимо передать внутрilingвистические значения, характеризующие те или иные языковые особенности подлинника» [1]. Под языковыми особенностями ИЯ, Л. С. Бархударов понимает диалектальную окраску, неправильности или индивидуальные особенности речи, каламбуры, игру слов и т.д, так как поиск подходящих эквивалентов к таким выражениям может вызывать сложности у переводчика.

A long way from home (2017), A fork in the road (текст оригинала) [5]	Перевод Чистопольской К. [2]
‘Say what you mean, Irene. We put some money in a syndicate, OK?’ ‘Whose money?’ ‘The odds were long,’ he said. ‘Who else is in this syndicate? It’s those Ballarat geezers isn’t it? Joe Thacker? And that man, the bookmaker?’ ‘You notice I’m not asking you questions?’ ‘Ask away.’ ‘I wouldn’t lower myself.’ ‘Perhaps you should.’	– Говорим прямо, Айрин. Мы вложили деньги в синдикат, ясно? – Чьи деньги? – Ставки были неравны, – признался он. – Кто еще в этом синдикате? Те балларатские хрычи ? Джо Тэкер? И тот мужик, букмекер? – Ты замечаешь, что я не задаю вопросов? – Спрашивай. – Я бы не стал опускаться до такого. – Возможно, тебе стоит.

В следующем примере всем известное английское слово «mate» в значении «друг, приятель, братан» наиболее характерно для BrE (British English), однако также широко используется в других вариантах языка, таких как AuE (Australian English), CanE (Canadian English), NZE (New Zealand English). В результате переводчик выбрал схожее по смыслу слово «приятель». Стоит отметить, что здесь «mate» – это не просто сленг, а часть национальной идентичности и культуры Австралии. В AuE, это слово используется между друзьями, коллегами, незнакомцами (часто для дружелюбного обращения «G`day, mate!»), однако может быть употреблено и с лёгким подтекстом вызова или предупреждения («Listen here, mate...»). В контексте, может считаться синонимом слова «friend», но с более широким спектром применения. А словосочетание «Alidai-taim tudei» (Holiday-time today) преобразовано в «Вихатной тень» (Выходной день), что позволило передать насмешку в голосе говорящего.

A long way from home (2017), A fork in the road (текст оригинала) [5]	Перевод Чистопольской К. [2]
‘Where is Mr Hangar?’ ‘I didn’t see the point of detaining him. He left you this to mail to Perth. Good luck with that mate .’ It was a contract for me with the Education Department of Western Australia. Sign or don’t sign, didn’t matter, not to me. ‘It’s Sunday. Alidai-taim tudei ,’ he said mockingly, using the only Aboriginal language I would ever hear him speak.	– Где мистер Хэнгер? – Я не видел смысла удерживать его. Он оставил тебе это, чтобы отправить письмом в Перт. Удачи, приятель . Это был контракт для меня от департамента образования Западной Австралии. Подписывать или нет – для меня значения не имело. – Воскресенье. Вихатной тень , – сказал он насмешливо, используя единственные

	аборигенские слова, которые я от него услышу.
--	---

Одним из частых приемов автора романа было использование у персонажей, плохо знающих английский язык, неправильных форм глаголов, где переводчику пришлось применять прием компенсации с элементами *транскреации* (т.е. воссоздание контента на новом языке для новой аудитории). Главная цель – сохранить посыл, воздействие (конкретные слова и даже изображения могут меняться) для адекватного отображения эмоциональности речи оригинала.

A long way from home (2017), A fork in the road (текст оригинала) [5]	Перевод Чистопольской К. [2]
<p><i>'He bin wait long time la you,' Doctor Battery said. The hair stood on my arms. 'Yes,' I said. 'He dream for you.'</i> ('E dream for you,' to be precise.)</p>	<p>– Он давно тебя ждать, – сказал доктор Батарей. У меня на руках волосы встали дыбом. – Да, – выдавил я. – Ты сниться ему. («Ы сниться ему», – если быть точным.)</p>

Так, например, австралийское просторечное слово «*bloody*» в речи персонажа романа может переводиться нейтральным «чёртов» вместо поиска экспрессивного русского аналога («долбанный», «проклятый», «мать его»). Хотя *bloody* грамматически функционирует как наречие, исторически оно является табуированным эвфемизмом (считается, что произошло от выражения «By Our Lady» – «Клянусь Девой Марией»). Именно поэтому оно несёт такую сильную эмоциональную и экспрессивную нагрузку, особенно в австралийском варианте английского, где оно стало неотъемлемой частью разговорного стиля и часто используется без негативного подтекста, а просто для эмоционального окрашивания речи. В словосочетании «Back now» автор ТО намеренно опустил подлежащее и часть сказуемого (I am/I'm) для передачи неграмотности персонажа. В ПЯ было употреблено безличное предложение с неправильным вариантом спряжения глагола «Уже вернуться». Похожий принцип используется и в следующих примерах из этого же отрывка: «*You seen*» – «**Видал**» (пропуск смыслового глагола «have» → разговорный вариант глагола «видел» – «видал»); «*Yeah see that fellah*» - «Да, **увидеть** этого парня» (нейтральная форма глагола «see», вместо необходимого прошедшего времени «saw» или конструкции «I've seen»); «*He say he shoot me*» – «Он **сказать, пристрелить** меня» (см. пример ниже).

A long way from home (2017), A fork in the road (текст оригинала) [5]	Перевод Чистопольской К. [2]
<p><i>Doctor bloody Battery. Bloody hell. He limped to Garret's open window and performed a mock salute. 'I heard you gone walkabout,' my driver said. Doctor Battery crouched at the window, waving flies away, looking off into the</i></p>	<p>Чертов доктор Батарей. Черт возьми. Он поковылял к открытому окну Гаррета и насмешливо салютовал ему. – Слышал, ты тут бродил, – сказал мой водитель. Доктор Батарей припал к окну, отгоняя мух, посмотрел вдаль.</p>

<p><i>distance.</i> <i>'Back now, boss.'</i> <i>'You seen old Cricket?'</i> <i>'Yeahsee that fellah by and by.'</i> <i>'Maybe he'll let you fix my brakes?'</i> <i>'He say he shoot me next time.'</i></p>	<p>– <i>Уже вернуться, босс.</i> – <i>Видал старого Кузнечика?</i> – <i>Да, увидеть этого парня вот-вот.</i> – <i>Может, он позволит тебе починить мои тормоза?</i> – <i>Он сказать, пристрелить меня в другой раз.</i></p>
---	---

В итоге, критический анализ иллюстративного материала показывает, что не существует универсальной стратегии для передачи ЭЭЭ. Успешный перевод – это стратегический компромисс, основанный на: глубоком анализе идиостиля автора и функции конкретной ЭЭЭ в его системе; чётком определении прагматической цели перевода (популяризация, филологическая публикация); последовательном применении принципа компенсации на уровне всего текста, а не отдельной фразы.

Доминирующей должна быть стратегия функционально-прагматической адаптации, направленная на реконструкцию эмоционального воздействия, но сдержанно использующая приёмы остранения для сохранения культурной специфики. Выбор конкретного приёма (модуляция, контекстуальная замена) всегда является творческим актом, требующим от переводчика не только лингвистической компетенции, но и литературной интуиции.

Список использованных источников

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: ЛКИ, 2008. – 240 с.
2. Кэри Питер. Вдали от дома / Питер Кэри; [перевод с английского Ксении Чистопольской]. – Москва: Эксмо, 2018. – 349 С. ISBN 978-5-04-097063-6.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
4. Норец М. В. Использование переводческих приемов при передаче реалий романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» на украинский и английский языки / М. В. Норец, В.А. Малугина // Аллея науки. – 2017. – Т. 2. – № 9. – С. 22-27.
5. Carey P. `A long way from home`, 2017, 352 P.
6. Collins English Dictionary / [Electronic Resource]// Mode of access: URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/geezer>] (Дата обращения – 15.01.25).

УДК 37.09.33:811.111

**СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОВЫШЕНИЮ КВАЛИФИКАЦИИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА. АНАЛИЗ ДППК
«МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ: ТРАДИЦИИ
И НОВАТОРСТВО»**

Т. А. Логунова,
старший лаборант,
И. Б. Каменская,

кандидат педагогических наук, доцент,

*Евпаторийский институт социальных наук (филиал), Крымский
федеральный университет им. В. И. Вернадского, Евпатория*

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ дополнительной профессиональной программы повышения квалификации «Методика обучения английскому языку: традиции и новаторство», реализуемой на базе Евпаторийского института социальных наук. Исследуется актуальность программы, ее соответствие современным вызовам в области иноязычного образования, нормативным требованиям Федеральных государственных стандартов (ФГОС) и профессиональному стандарту «Педагог».

Ключевые слова: повышение квалификации, преподаватель английского языка, методика преподавания, цифровизация образования, компетентностный подход.

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the additional professional development program "Methods of Teaching English: Traditions and Innovation," implemented at the Yevpatoriya Institute of Social Sciences. The study examines the program's relevance, its alignment with modern challenges in foreign language education, the requirements of the Federal State Educational Standards (FSSES), and the professional standard "Teacher."

Keywords: professional development, English teacher, teaching methodology, digitalization of education, competence-based approach.

Современная система образования в Российской Федерации претерпевает значительные изменения, обусловленные как внутренними реформами, так и глобальными тенденциями. Интеграция цифровых технологий, переход на компетентностную модель обучения, акцент на персонализацию и формирование универсальных учебных действий требуют от педагогов постоянного обновления и расширения своего профессионального арсенала. Особую значимость эти процессы приобретают в контексте преподавания иностранных языков, где коммуникативная составляющая и межкультурное взаимодействие выходят на первый план.

В этих условиях система дополнительного профессионального образования становится ключевым инструментом обеспечения непрерывности профессионального развития педагогов. Эффективная программа повышения квалификации должна не только транслировать новые знания, но и формировать практические умения, необходимые для решения актуальных задач в конкретных условиях педагогической деятельности.

Целью данного исследования является анализ программы повышения квалификации «Методика обучения английскому языку: традиции и

новаторство» [1] на предмет ее содержательной целостности, актуальности, соответствия современным требованиям и потенциальной эффективности в формировании новых профессиональных компетенций учителей английского языка.

Программа «Методика обучения английскому языку: традиции и новаторство» разработана в строгом соответствии с обширной нормативной базой, что подчеркивает ее легитимность и ориентированность на государственные приоритеты в образовании. Среди ключевых документов – Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ [5], ФГОС общего образования (приказы Минпросвещения № 287 и № 568) [3], а также профессиональный стандарт «Педагог» [4]. Это обеспечивает нормативное выравнивание содержания программы и гарантирует, что ее освоение будет способствовать выполнению учителем своих профессиональных функций в рамках действующего законодательства.

Цель программы сформулирована как «совершенствование профессиональных компетенций преподавателя <...> в соответствии с требованиями ФГОС» [1]. Данная цель конкретизируется через ряд стратегических задач, среди которых эффективное формирование иноязычной коммуникативной компетенции, формирование ключевых универсальных учебных компетенций (УУД), реализация современных подходов (компетентностный, системно-деятельностный, межкультурный, коммуникативно-когнитивный), эффективное использование новых педагогических технологий, таких как дифференциация, индивидуализация и проектная деятельность, и современных средств обучения.

В разделе планируемых результатов обучения представлены ключевые компетенции выпускникам программы в соответствии с разработанной кафедрой филологических дисциплин и методик их преподавания Евпаторийского института социальных наук (филиала) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» компетентностной моделью филолога [2, с. 50–52; с. 67; с. 85; с. 125]. Структура «должен знать / должен уметь / должен владеть» позволяет четко определить инвариант профессиональных характеристик, подлежащих формированию или развитию. Анализ требований выявляет несколько ключевых акцентов:

1) интеграция традиционного и инновационного. Слушатели должны знать как основные методические категории, так и новые мировые тренды;

2) цифровая грамотность. В обязательном порядке выделены умения анализировать и рационально использовать цифровые инструменты для обучения и оценивания;

3) рефлексивная практика. Важным результатом является способность анализировать собственную профессиональную деятельность

и непрерывно повышать языковую компетенцию, что закладывает основы для “lifelong learning”;

4) практическая ориентированность. Умения формулировать методическую задачу, отбирать материал, выстраивать учебные действия и контролировать их результаты, направленные на решение конкретных педагогических проблем.

Данная модель компетенций полностью соответствует духу профессионального стандарта «Педагог», в котором подчеркивается способность к проектированию образовательной среды, использованию ИКТ и развитию у обучающихся УУД.

Программа построена по модульному принципу, что обеспечивает ее гибкость и логическую последовательность в освоении содержания. Трудоемкость программы составляет 36 часов, что соответствует формату краткосрочного повышения квалификации, и распределена между лекциями (10 ч.), практическими занятиями (10 ч.), самостоятельной работой (14 ч.) и итоговой аттестацией (2 ч.). Заочная форма с использованием дистанционных технологий делает программу доступной для широкого круга педагогов.

Модуль 1 «Правовые и теоретические основы образования в РФ. Языковая политика...» выполняет функцию нормативно-теоретического фундамента. Его цель – систематизация знаний о правовом поле и государственных приоритетах в языковом образовании. Изучение Концепции государственной языковой политики свидетельствует о высокой актуальности содержания. Модуль 2 «Обучение иностранным языкам в XXI веке: новые мировые тренды...» знакомит слушателей с актуальными методическими подходами, такими как CLIL (предметно-языковое интегрированное обучение), task-based learning (обучение на основе задач) и flipped classroom (перевернутый класс). Это формирует у педагогов понимание глобального контекста, в котором существует современное иноязычное образование. Модуль 3 «Ученик, учитель, учебные ресурсы в эпоху информатизации...» является переходным от теории к практике. Он фокусируется на трансформации ролей участников образовательного процесса в цифровой среде. Знакомство с основами педагогического дизайна, blended learning и конкретными платформами (Google Classroom, Moodle) и инструментами (Kahoot, Quizlet) готовит слушателей к активной практической работе в следующем модуле. Модуль 4 «Цифровые инструменты для обучения английскому языку. Современные инструменты оценивания...» – самый объемный и практико ориентированный. Его структура представляет собой полноценный цикл педагогической деятельности в цифровой среде: обзор EdTech-решений (знакомство с платформами, интерактивными инструментами и языковыми приложениями), создание цифрового контента (разработка интерактивных заданий, использование мультимедиа, работа с инструментами для презентаций), формирующее и итоговое оценивание (использование

цифровых инструментов для оценки прогресса и финальных результатов), анализ данных (работа с данными успеваемости для персонализации обучения с использованием аналитических инструментов). Такой сквозной и системный подход к освоению цифровых инструментов является сильной стороной программы, так как показывает их не как набор разрозненных «гаджетов», а как интегрированную систему поддержки учебного процесса.

Программа предусматривает разнообразные формы контроля, адекватные содержанию модулей. Для модуля 1 это составление терминологического словаря, что способствует усвоению нормативной лексики. Для модуля 4 ключевой формой контроля является написание эссе по одной из предложенных актуальных тем, например «Роль искусственного интеллекта в обучении и оценивании», «Цифровые инструменты развития навыков говорения и аудирования». Данный вид работы позволяет проверить не только усвоение материала, но и способность к критическому осмыслению, анализу и синтезу информации, формулированию и аргументации собственной позиции.

Итоговая аттестация в форме зачета носит комплексный характер. Тест проверяет знание как традиционных методов преподавания (грамматико-переводной, аудиolingвальной), так и современных (коммуникативных, CLIL, TBL), а также практическое ориентирование в цифровых инструментах (Kahoot, Quizlet, Zoom, Padlet и др.).

Учебно-методическое обеспечение программы объемно и актуально. Списки основной и дополнительной литературы практически полностью состоят из электронных ресурсов (учебников, монографий, материалов конференций), изданных в 2020-2025 годах, что гарантирует современность предоставляемой слушателям информации.

Проведенный обзор позволяет сделать вывод, что программа повышения квалификации «Методика обучения английскому языку: традиции и новаторство» представляет собой качественно разработанный образовательный продукт, отвечающий вызовам современности. Содержание программы напрямую связано с потребностями современного педагога в условиях цифровой трансформации образования. Логическая последовательность модулей от теоретико-правовых основ к практическому освоению цифровых инструментов обеспечивает целостность восприятия. Значительный объем практических и самостоятельных работ, а также содержание заданий направлены на формирование умений, непосредственно применимых в реальной педагогической практике.

Программа успешно реализует паритет между «традициями» и «новаторством», не противопоставляя их, а интегрируя. Она не призывает отказаться от апробированных методических основ, а предлагает инструменты для их обогащения и трансформации в новую, цифровую эпоху.

В перспективе программа может быть дополнена модулями, затрагивающими вопросы киберпедагогике и цифровой этики, а также

более глубокой проработкой тем, связанных с использованием искусственного интеллекта и больших баз данных для персонализации обучения английскому языку. Однако в своем текущем виде она является эффективным и востребованным инструментом профессионального развития преподавателей английского языка, способствующим повышению качества иноязычного образования в Российской Федерации.

Список использованных источников

1. Дополнительная профессиональная программа повышения квалификации «Методика обучения английскому языку: традиции и новаторство». – Евпатория: ЕИСН (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», 2025. – 23 с.
2. Компетентностная модель филолога: коллективная монография / И. Б. Каменская, Я. М. Бузинская, А. И. Каменский, Ю. К. Картавая, А. Н. Шевченко; под общ. ред. И. Б. Каменской. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ». – 2017. – 228 с.
3. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования: Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 287 (зарег. 05.07.2021) // Гарант. Рух. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/> (дата обращения: 20.11.2025).
4. Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель): профессиональный стандарт: утв. приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18.10.2013 № 544н // Гарант. Рух. – URL: <https://base.garant.ru/70535556/> (дата обращения: 20.11.2025).
5. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Гарант. Рух. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70191362/> (дата обращения: 20.11.2025).

УДК 81`255.4

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СОЦИОЛЕКТА ПОДРОСТКОВ:
ФОНЕТИЧЕСКИЙ И ЛЕКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ**

М. Ю. Лукинова,

кандидат филологических наук, доцент,

А. Р. Белялова,

обучающаяся магистратуры,

Институт филологии, Крымский федеральный университет имени

В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос перевода социолекта подростков с английского на русский язык на фонетическом и лексическом уровнях. Также проводится диахронный анализ и выявляются изменения в отображении социолекта подростков на английском и русском языке в эпоху зарождения категории литературы Young Adult и в современной подростковой литературе. Материалами послужили: роман С. Хинтон «Изгой» (1967) и его перевод на русский язык А. Завозовой (2016) и роман Дж. Грина «В поисках Аляски» (2005) и его перевод на русский язык Ю. Л. Федоровой (2012).

Ключевые слова: социолект подростков, подростковая литература, young adult, перевод социолекта.

Abstract. This article examines the issue of translating adolescent sociolect from

English into Russian at the phonetic and lexical levels. It also provides a diachronic analysis and identifies changes in the representation of adolescent sociolect in English and Russian during the emergence of Young Adult literature and in contemporary young adult fiction. The material for the study includes S. E. Hinton's novel **The Outsiders** (1967) and its Russian translation by A. Zavozova (2016), as well as John Green's novel **Looking for Alaska** (2005) and its Russian translation by Yu. Fedorova (2012).

Keywords: adolescent sociolect, young adult literature, young adult, sociolect translation.

Актуальность исследования обусловлена ростом популярности книг для подростков, в связи с чем возникает необходимость в качественной передаче подросткового социолекта с английского на русский язык.

Цель статьи – проследить изменения репрезентации социолекта подростков и выявить переводческие стратегии при переводе подросткового социолекта.

Подростковый социолект является одной из самых динамичных и подвижных подсистем языка, которая с каждым годом подвержена все более масштабным изменениям. В связи с этим, возникают трудности при передаче речи подростков с одного языка на другой, избегая ненамеренного искажения речевого портрета героев.

Н. Ю. Кораблева, исследуя речь подростков, пишет, что: «речь англоговорящих подростков, независимо от их социального положения, характеризуется употреблением значительного количества слов-паразитов, оценочных эпитетов, а также сниженной лексики и сленговых выражений...» [2, с. 49–50].

Особую сложность для передачи подростковой речи представляют слова и синтаксические конструкции книжной речи, просторечная лексика и необработанный синтаксис, излюбленные «словечки» и речевые обороты, которые характеризуют литературного персонажа, слова-паразиты, сленг и обценная лексика [3, с. 204-205].

На фонетическом уровне речь подростков характеризуется следующими особенностями:

В речи американских подростков активно используются различные разговорные фонетические варианты слов *yes* – *yeah*, *yeh*, *yur* и *no* – *nur*, *поре*, *пау*. **Фонетическая форма слов является прямым следствием их социальной, стилистической и прагматической функции.** При передаче на русский язык использовались разговорные варианты слов **да** и **нет** – *ага*, *угу*, *не-а*, которые передают стиль оригинала. В некоторых случаях использовался антонимичный перевод.

1. «**Yeah**, everybody's got a talent. I can memorize things. And you can...?» [6, с. 16].

«**Ага**, у каждого человека есть какой-то талант. Я все легко запоминаю. А ты?..» [1, с. 16].

2. «“**Yeh**.” Dally searched his shirt pocket for a cigarette, and finding none, said, “Gotta cancer stick, Johnnycake?”» [7, с. 81].

«**Ага**. – Далли похлопал себя по карману, но сигарет там не оказалось. –

Есть раковые палочки, Джонни-кекс?» [5, с. 134].

3. «**Nup**. They got away this time, the dirty...» [7, с. 14].

«**He-a**. Успели свалить, вонючие...» [5, с. 30].

4. «**Nore**. We're all cried out now. We're gettin' used to the idea. We're gonna be okay now» [6, с. 75].

«**Aga**. Мы уже все выплакали. Свыклись с мыслью. Теперь нам будет получше» [4, с. 126].

5. ««**Naw...**» Johnny gave me a grin. «Too fat»» [7, с. 92].

«**He-a**, - Джонни усмехнулся. – Не пролез» [5, с. 152].

Также стоит обратить внимание на видоизмененные формы местоимения **you**, которые в подростковой речи звучат как *ya*, *yer*, *y'all*. В переводном варианте данные формы передаются как фонетически (2), так и при помощи компенсации (1). Кроме того, присутствуют случаи нейтрализации (3).

1. «All right. Meet **ya** at the lake in a few minutes, then» [6, с. 19].

«**Лады**, тогда увидимся на озере через несколько минут» [1, с. 23].

2. «**Nup**, pal, **yer** the ones who'd better watch it. Next time you want a broad, pick up **yer** own kind--- dirt» [7, с. 56].

«**He-a**, парень, **эт** вы поосторожнее. В следующий раз вы своих девок клейте... отбросы!» [5, с. 96].

3. «**Y'all** sit up here with us. You can protect us» [7, с. 28].

«Садитесь с нами. Будете нас защищать» [5, с. 50].

Для подростковой речи характерно редуцирование конечных *-f* и *-d*, а также *-g* в словах с окончанием *-ing*, которые зачастую передаются при помощи эмоционально окрашенных семантических конструкций.

1. «You're **tellin'** me. See you on Sunday» [6, с. 94].

«**Кому вы рассказываете**. В воскресенье вернемся» [1, с. 140].

2. ««Good **ol'** Two-Bit,» he said in a quavering voice» [7, с. 74].

«Добрый **старый** Смешинка, - добавил он срывающимся голосом» [5, с. 124].

3. «Sometimes... I just have to get out or... it's like I'm the middleman in a tug **o'** war and I'm being split in half» [7, с. 175].

«Иногда мне просто нужно сбежать... **а то** чувство такое, будто я канат, который вы перетягиваете, и **вот-вот** вот порвете меня надвое» [5, с. 276].

Кроме того, встречается опущение начальных *th-*, *be-*, *re-*, которые при переводе компенсируются благодаря введению сниженной лексики или неполных предложений.

1. «Oh God no. I've maybe read a third of '**em**. But I'm going to read them all» [6, с. 22].

«Бог мой, нет, конечно. Только треть, наверное. Но я собираюсь прочесть все» [1, с. 28].

2. «You'll die of pneumonia '**fore** the cops ever get you» [7, с. 62].

«Да ты **помрешь** от воспаления легких раньше, чем вас копы поймают» [5, с. 104].

3. «I remembered you sayin' something about it once. And me and you went to see that movie, '**member**?» [7, с. 71].

«Я помнил, ты как-то раз об этом говорил. И в **киношку** мы тогда еще ходили, помнишь?» [5, с. 119].

4. «'**Cause** you gonna live with me, and they say I'm a rat» [6, с. 36].

«Потому что ты живешь со мной, а я, ходят слухи, стукач» [1, с. 53].

Редуцирование предлогов и постфиксов также является отличительной чертой подростковой речи. В переводе данные фонетические искажения либо опускаются полностью, либо передаются через лексические и синтаксические трансформации.

1. «No, but I'm sure and sh*t **gonna** do something to 'em now. We'll get them» [6, с. 29].

«Нет, но теперь, блин, уверен, что сделаю. Мы им отомстим» [1, с. 40].

2. «How about y'all? Two-Bit? Johnnycake, you and Pony **wanta** come?» [7, с. 16].

«А вы? Смешинка? Джонни-кекс, вы с Пони пойдете?» [5, с. 33].

3. «They think you've lit out for Texas. I've got Buck's T-bird parked down the road a little way. **Goshamighty**, boys, ain't you been eatin' anything?» [7, с. 83].

«Они думают, вы в Техас подались. Я у Бака «Ти-Бёрд» одолжил, оставил его внизу, возле дороги. **Черт**, ребятки, вы тут ели хоть что-нибудь?» [5, с. 134].

4. «**C'mon**, kid. Don't make us kick your ass. Just get up» [6, с. 26].

«**Ну давай**. Иначе придется дать тебе пинка. Сам вставай» [1, с. 35].

Наиболее разнообразным для рассмотрения является лексический уровень подросткового социолекта, поскольку он отражает главные характеристики подростковой речи: экономия речевых средств, выражение экспрессивности и эмотивности и стремление сделать язык уникальным и непонятным для окружающих. Мы выделили следующие особенности:

Использование кличек, говорящих имен является характерной чертой подросткового социолекта и часто используется для игры слов или акцентирования внимания на определенной черте персонажа. Перевод подобной лексики является затруднительным, поскольку требует сохранения смысла или эмотивной составляющей оригинала. Ярким примером является кличка героини Шерри Валанс в романе «Изгой» С. Хинтон, которая звучит как «Cerry Valance». В переводе кличка передана транскрипцией, теряя оригинальную связь с образом «вишни», а также словесную игру в следующем эпизоде: «My name's Sherri, but I'm called Cherry because of my hair. Cherry Valance» [7, с. 25]. Стоит отметить, что в данном эпизоде переводчица использовала замену образа: «А меня зовут Шерри, но все называют меня Черри, как помидорку, – из-за волос, Черри Валанс» [5, с. 47]. В романе Дж. Грина «В поисках Аляски» используется другой прием – эквивалентный перевод, который, тем не менее, искажает образ, создает нежелательный юмористический эффект и смягчает

негативный окрас. В оригинале кличка рассказчика звучит как «Pudge» [6] в то время, как в переводе его называют «Толстячок» [1].

Использование эмоционально-окрашенной лексики (в том числе, сленга), характерной для речи подростков, передается при переводе с помощью эквивалента или компенсации.

1. «...we steal things and drive old **souped-up** cars and hold up gas stations and have a **gang** fight once in a while» [7, с. 5].

«...мы воруем, ездим на **переделанных тачках**, грабим автозаправки и время от времени сходимся на драки с другими **бандами**» [5, с. 16].

2. «Greasers can't walk alone too much or they'll **get jumped...**» [7, с. 5].

«Грязерам не стоит слишком часто ходить поодиночке, а то на них и **наехать** могут...» [5, с. 15].

3. «And people are moody, **dude**» [6, с. 31].

«А плохое настроение у всех бывает, **чувак**» [1, с. 44].

Использование аллюзий на местные реалии, известных личностей и события не только создает колорит в произведении, но и сближает героев подросткового романа с читателем-подростком. При переводе аллюзий часто используется перевод устойчивым сочетанием в связке с примечанием от переводчика.

1. «When I stepped out into the bright sunlight from the darkness of the movie house, I had only two things on my mind: **Paul Newman** and a ride home» [7, с. 4].

«Когда я вышел из темного кинотеатра на солнце, думал я только о **Поле Ньюмане** и о том, как буду добираться домой» [5, с. 13].

2. «Miles, as in “**to go before I sleep**”?» [6, с. 15].

«Майлс? Как “**много миль еще пройти**”?» [1, с. 15].

Использование эвфемизмов в речи подростков зачастую используется в разговоре со взрослыми, в напряженных ситуациях или для создания юмористического эффекта. В переводе также используются слова с более нейтральным значением.

1. «I could feel my palms getting clammy and the **perspiration** running down my back» [7, с. 7].

«Ладони стали влажными, **струйка пота** побежала по спине» [5, с.18].

2. «You won't be able to **screw up**, because I'll be there the whole time» [6, с. 58].

«Ты не сможешь ничего **испортить**, потому что я все время буду рядом» [1, с. 85].

Обценная лексика встречается только в одном из рассмотренных нами романом, однако, она также является чертой подростковой речи. В переводе обценная лексика часто нейтрализуется.

1. «My girlfriend dumped me, so I'm sad. I got caught smoking, so I'm **pis*ed off**» [6, с. 133].

«Меня бросила девчонка – мне грустно. Меня застукали с сигаретой – мне **фигово**» [1, с. 200].

2. «I have a fake ID but it **su*ks**» [6, с. 76].

«У меня есть поддельные документы, но **паршивые**» [1, с. 112].

Для подростков характерно частое использование слов-паразитов, которые в переводе могут как опускаться, так и компенсироваться за счет употребления равнозначных слов-филлеров.

1. «**I mean**, not all of it. I'm just a little spooky. I really don't know what matters. I'm just mixed up» [7, с. 74].

«**Ну, то есть** не только в этом. Просто как-то мне не по себе. Сам не знаю, в чем дело. Что-то я растерялся» [5, с. 124].

2. «**Well**, we just dropped by to say good-bye» [6, с. 9].

«Мы зашли ненадолго, просто чтобы попрощаться» [1, с. 7].

3. «**Um**, I know a lot of people's last words» [6, с. 16].

«**М-м-м...** я знаю последние слова многих известных людей» [1, с. 17].

Использование словообразовательной деривации позволяет подросткам создавать новую, уникальную лексику. В переводе встречается как модуляция, так и структурное калькирование.

1. «**So I loned it**» [7, с. 4].

«Ну и **ходил везде один**» [5, с. 14].

2. «I'm going to lunch. It's **bufriedo** day» [6, с. 24].

«Я пойду обедать. Сегодня у нас по графику **жарито**» [1, с. 32].

Таким образом, в ходе анализа произведений «Изгой» С. Хинтон и «В поисках Аляски» Дж. Грина мы выявили, что в произведениях для подростков XX в. речь персонажей часто выделяется за счет фонетически окрашенных единиц, в отличие от более поздних произведений, где передача речи подростка на лексическом уровне является более продуктивным способом. В переводе фонетических особенностей подросткового социолекта в основном используется прием компенсации через лексическую замену. На лексическом уровне социолект подростков передается при помощи использование экспрессивной и эмотивной лексики, переноса образа, калькирования и нейтрализации.

Список использованных источников

1. Грин Д. В поисках Аляски / Д. Грин; перевод с английского Ю. Л. Федорова. – Москва: РИПОЛ классик, 2012. – 320 с.
2. Кораблева Н. Ю. Фонетический и грамматические особенности идиолекта литературных персонажей-подростков / Н. Ю. Кораблева // Известия юго-западного государственного университета. – 2015. – № 1. – С. 49–52.
3. Новицкая О. В. Ненормативная лексика как элемент речевой характеристики персонажа: диалектизмы, вульгаризмы, жаргонизмы в художественном переводе / О. В. Новицкая // Вестник МГЛУ. – 2017. – № 10. – С. 203–214.
4. Норец М. В. Публицистический дискурс начала 20 века: особенности анализа и перевода / М. В. Норец, Н. Н. Кислицына // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в свете глобальных трансформаций: международная научно-практическая конференция, Приднестровье, Тирасполь, 29.03.2024 г. – С. 111-116.
5. Хинтон С. Е. Изгой / С. Е. Хинтон; перевод с английского А. Завозова. – Москва: Лайвбук, 2023. – 288 с.
6. Green J. Looking for Alaska / J. Green // Penguin Group. – 2005. – 219 p.

7. Hinton S. E. The Outsiders / S. E. Hinton // Speak. – 2008. – 180 p.

УДК 81`25

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ
ЛОКАЛИЗАЦИИ МУЛЬТФИЛЬМОВ: АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ
МУЛЬТФИЛЬМА «ДУША»**

М. Ю. Лукинова,

кандидат филологических наук, доцент,

М. И. Зайналова,

обучающаяся магистратуры,

*Институт филологии, Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. В данной статье рассматриваются теоретические основы локализации мультфильмов. Исследование направлено на выявление переводческих стратегий и трудностей в ходе локализации на примере мультфильма «Душа» («Soul»), выполненного студией Disney (2020). Также, формируются рекомендации для создания более адекватной локализации мультфильма.

Ключевые слова: локализация, доместикация, мультфильмы, аудиовизуальный перевод.

Abstract. This article addresses the theoretical foundations of animated film localization within the framework of audiovisual translation studies. The research focuses on identifying translation strategies and challenges arising in the process of localization, based on the case study of the animated film **Soul** (2020), produced by Disney. Furthermore, the article formulates recommendations aimed at achieving a more adequate and culturally appropriate localization of animated films.

Keywords: localization, domestication, carton, audio-visual translation.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что в условиях стремительной глобализации анимационной индустрии и экспансии стриминговых платформ локализация мультимедийного контента приобретает стратегическое значение как инструмент межкультурной коммуникации.

Целью исследования выступает разработка комплексной модели анализа локализационных практик на материале мультфильма «Душа», предполагающей последовательное решение трех задач: систематизация теоретических подходов к культурной адаптации аудиовизуальных произведений; сравнительный анализ лингвистических и экстралингвистических стратегий перевода; выявление дисбалансов в передаче авторского замысла через призму восприятия целевой аудитории.

Как отмечает К. Н. Баранов, «локализация включает в себя не только перевод текста, но и адаптацию культурных и социальных аспектов, что делает её более сложной задачей» [1, с. 45]. Процесс локализации предполагает трансформацию исходного контента для достижения максимального соответствия восприятию зрителей другой лингвокультурной среды. Особую значимость это приобретает при работе с

мультипликационными фильмами, где сочетаются вербальные и невербальные элементы коммуникации.

Культурная адаптация выступает ключевым компонентом локализации, обеспечивающим адекватное восприятие аудиовизуального произведения в новой культурной среде. «Культурная адаптация требует внимательного анализа культурных кодов и символов, чтобы избежать недопонимания» [2, с. 78]. Этот процесс включает модификацию культурных отсылок, юмористических элементов и социальных контекстов с учетом специфики принимающей культуры. Эффективная культурная адаптация позволяет сохранить художественную целостность произведения при его переходе в иную лингвокультурное пространство. Особое значение данный аспект приобретает при локализации мультфильмов, где культурные особенности часто выражены через визуальные символы и диалоги персонажей.

Стратегии доместикации и форенизации представляют собой ключевые инструменты культурной адаптации в переводе. «Доместикация предполагает адаптацию исходного контента к культурным нормам целевой аудитории, тогда как форенизация сохраняет элементы исходной культуры для поддержания аутентичности» [3, с. 102]. Эти подходы отражают дилемму между приближением материала к зрителю и сохранением его культурной уникальности. В контексте локализации мультфильмов выбор стратегии определяется необходимостью балансировать между понятностью и сохранением авторского замысла.

Механизмы трансформации культурного контекста включают замену реалий, модификацию аллюзий и адаптацию юмористических элементов. «Сохранение оригинального контекста применяется, когда культурные отсылки обладают универсальной понятностью или несут значительную смысловую нагрузку» [4, с. 56]. При локализации мультфильмов с экзистенциальной тематикой, такой как «Душа», особое значение приобретает передача философских концепций без их культурного упрощения. Эффективная локализация требует анализа степени необходимости адаптации каждого элемента для достижения оптимального восприятия целевой аудиторией.

Лингвистические стратегии локализации аудиовизуального контента предполагают системное применение переводческих техник для адаптации вербальных компонентов. «Ключевыми приемами выступают транскрипция, калькирование, модуляция и смысловая компенсация, направленные на преодоление межъязыковых барьеров» [5, с. 34]. Особое значение приобретает адаптация юмора, идиоматических выражений и культурно-специфических референций через механизмы доместикации или форенизации. Данные методы обеспечивают сохранение прагматического воздействия оригинала при переносе в иную лингвокультурную среду.

Экстралингвистические стратегии охватывают адаптацию визуальных символов, музыкального сопровождения и звукового дизайна,

формирующих культурный контекст произведения. «Специализированная локализация графических элементов, цветовой палитры и типографики способствует адекватному восприятию визуальных метафор целевой аудиторией» [6, с. 89]. Синхронизация невербальных компонентов с лингвистическими преобразованиями создает целостное коммуникативное воздействие, что особенно значимо для мультимедийных форматов. В мультфильмах с экзистенциальной тематикой подобная интеграция приобретает ключевое значение для передачи философского подтекста.

При локализации диалогов мультфильма «Душа» переводчики столкнулись с необходимостью сохранения семантической точности оригинального текста. Например, в сцене, где Джо Гарднер говорит: «I'm not sure I'm ready to go back» [7] – «Я не уверен, что готов вернуться» [8], переводчики сохранили эмоциональную нагрузку, адаптировав фразу так, чтобы она звучала естественно для русскоязычной аудитории. Это позволило сохранить психологическую глубину персонажа без существенных смысловых потерь.

Особое внимание уделялось передаче философских концепций, связанных с поиском смысла жизни и предназначения человека. В сцене, где Джо говорит о своей мечте стать джазовым музыкантом: «I just want to play» [7], перевод был адаптирован как «Я просто хочу играть на сцене» [8], что добавляет контекст и делает фразу более понятной для русскоязычного зрителя.

Адаптация юмористических элементов потребовала учета культурных особенностей русскоязычной аудитории. Например, в сцене, где Джо и 22 обсуждают, что значит быть живым, 22 говорит: «You can't just sit around and wait for life to happen» [7]. В русском переводе это звучит как «Нельзя просто сидеть и ждать, когда жизнь сама тебя найдет» [8], что делает шутку более доступной и понятной для русскоязычного зрителя.

Музыкальная адаптация в локализации мультфильма «Душа» играет ключевую роль в сохранении эмоционального контекста оригинального произведения. Саундтрек, созданный Трентом Резнором и Аттикусом Россом, выполняет нарративную функцию, передавая метафизические аспекты сюжета через джазовые импровизации и электронные композиции. При локализации для русскоязычной аудитории сохранялась аутентичность музыкальных тем, так как их универсальный характер минимизировал необходимость культурной адаптации.

Звуковой дизайн мультфильма подвергся точечным модификациям для соответствия восприятию целевой аудитории без искажения авторского замысла. Например, в сцене, где Джо попадает в мир душ, звуковые эффекты, такие как эхо и резонирующие ноты, были адаптированы для создания более глубокого погружения. Это обеспечило сохранение целостности аудиовизуального повествования при учете психоакустических особенностей восприятия русскоязычных зрителей.

Локализация визуальных элементов в мультфильме «Душа»

потребовала применения различных стратегий для преодоления культурных барьеров. Например, в сцене, где Джо и 22 проходят мимо вывески с надписью «Jazz Club» [7], в русском варианте это было адаптировано как «Джазовый клуб» [8], что делает сцену более понятной для зрителей.

Графические символы, связанные с нью-йоркской урбанистической культурой, такие как вывески магазинов или архитектурные детали, были частично модифицированы для повышения узнаваемости. В сценах, изображающих загробный мир, визуальные метафоры духовного перехода сохранили универсальный характер, что минимизировало необходимость адаптации. Например, визуальные образы, такие как «The Great Before» [7], были переведены как «Великий До» [8], что сохраняет оригинальный смысл и делает его доступным для русскоязычной аудитории.

Анализ трансформации культурных отсылок выявил систематическую адаптацию контента под особенности русской лингвокультурной среды. Специфические американские реалии, такие как система школьного образования или локальные традиции, получили дополнительные контекстуальные пояснения через диалоги. Например, в сцене, где Джо говорит о своем опыте в школе, фраза «I was always the kid who played music» [7] была адаптирована как «Я всегда был тем, кто играл на пианино» [8], что делает контекст более близким для русскоязычного зрителя.

Локализация мультфильма «Душа» столкнулась с проблемой неполной передачи философской глубины оригинального сценария. Экзистенциальные понятия, такие как «искра» (spark) как метафора жизненного предназначения, требовали семантической адаптации без потери концептуальной целостности. Сложность заключалась в сохранении тональных нюансов, где тонкие диалоги о смысле жизни рисковали трансформироваться в дидактические утверждения. Это создавало риск упрощения авторского замысла, ориентированного на многогранное восприятие.

Культурные и коммуникативные препятствия проявились в адаптации специфических реалий нью-йоркской джазовой субкультуры, малознакомой русскоязычной аудитории. Идиоматические выражения типа «in the zone» [7] требовали выбора между буквальным переводом и поиском культурных аналогов. Ситуативный юмор, основанный на социальных стереотипах американского общества, не всегда находил эквиваленты в принимающей культуре. Локализаторам приходилось балансировать между сохранением аутентичности и необходимостью смысловой адаптации.

Оценка дубляжа мультфильма «Душа» выявила высокую степень соответствия голосов актёров образам персонажей. Анализ интонационно-эмоциональной палитры подтвердил сохранение оригинальной экспрессии в русскоязычной версии, что способствовало аутентичному восприятию характеров. Качество синхронизации речи с артикуляцией и мимикой персонажей обеспечило естественность визуально-акустического

восприятия. Данные решения минимизировали культурный диссонанс при сохранении художественной целостности произведения.

Сопоставительный анализ переводческих стратегий продемонстрировал дифференцированный подход к локализации диалогов. В сценах с философскими монологами преобладала буквальная передача смысла для сохранения концептуальной глубины, тогда как юмористические диалоги подверглись адаптивной трансформации с учётом российской лингвокультурной специфики. Такое сочетание подходов обеспечило баланс между адекватностью перевода и эмоциональной доступностью для целевой аудитории. Ритмико-интонационная организация речи в локализованной версии соответствовала оригинальным паттернам речевого поведения персонажей.

Ключевым методологическим аспектом локализации экзистенциального контента является предварительный семантико-концептуальный анализ сценария, позволяющий выявить философские категории и культурные коды оригинала. Разработка тематических глоссариев обеспечивает терминологическую согласованность при передаче сложных абстракций вроде «искры» или «потока» из мультфильма «Душа». Привлечение профильных экспертов – философов для верификации концепций и музыковедов для анализа саундтрека – минимизирует риски смысловых искажений в процессе адаптации.

Практическая реализация локализации требует применения функциональной эквивалентности для перевода метафор, как это продемонстрировано в адаптации концепции «ментаторов» через понятие «ментальные наставники». Целенаправленная трансформация юмора с заменой англоязычных каламбуров на русскоязычные аналоги сохраняет коммуникативный эффект без нарушения нарративной целостности. Синхронизация голосового исполнения с эмоциональной динамикой персонажей и разработка стандартов локализации музыкально-культурных терминов, таких как «джазовый клуб», завершают процесс культурной адаптации.

В ходе исследования мы подтвердили, что локализация мультфильмов с экзистенциальной тематикой, таких как «Душа», требует интеграции лингвистических стратегий и культурной адаптации в виде сочетания таких стратегий, как доместикация и форенизация для передачи философской глубины оригинала. Адаптация культурных кодов в «Душе» основывалась на стратегии избирательной доместикации. Метафоры джазовой импровизации сохранили оригинальную форму, тогда как бытовой юмор подвергся контекстуальной трансформации, сохраняя узнаваемость культурных архетипов без нарушения эмоциональной целостности повествования для русскоязычной аудитории. Ключевой сложностью локализации осталась передача поликодовой природы анимации, где музыкальные лейтмотивы и визуальные аллюзии образуют смысловое единство. Анализ выявил случаи частичной потери семантической связи

между саундтреком и визуальными метафорами. Это подтверждает необходимость привлечения специалистов смежных областей на этапе предпереводческого анализа. Разработанные рекомендации по синхронизации лингвистических и экстралингвистических аспектов адаптации имеют практическое значение для современной индустрии дубляжа. Предложенная модель анализа культурно-специфических элементов может стать основой для стандартизации локализации мультимедийного контента, отвечающей вызовам глобализированного медиaprостранства.

Список использованных источников

1. Баранов К. Н. Локализация: теория и практика / К. Н. Баранов. – Москва: Издательство, – 2020.
2. Иванова А. П. Культурная адаптация в переводе / А. П. Иванова – СПб.: Научный мир, – 2019.
3. Смирнова Е. В. Стратегии перевода: доместикация и форенизация / Е. В. Смирнова – Екатеринбург: Урал. ун-т, – 2021.
4. Петрова Н. С. Механизмы культурной адаптации / Н. С. Петрова – Казань: Казанский университет, – 2022.
5. Федоров В. А. Лингвистические стратегии локализации / В. А. Федоров – Новосибирск: Сибирское издательство, – 2021.
6. Кузнецова Л. И. Экстралингвистические аспекты локализации / Л. И. Кузнецов – Ростов-на-Дону: Ростовский университет, – 2020.
7. Норец М. В. Аудиовизуальный перевод и локализация видеоигры «Метро 2033» / М. В. Норец, А. Р. Азизова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. – Т. 9, № 3. – С. 129-140. – EDN LRAYSF.
8. «Душа» («Soul» реж. Пит Доктер, 2020).
9. «Душа» («Soul» реж. Пит Доктер, пер. Студия Disney, 2020).

УДК 81'25

КОНЦЕПТ – РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ – ИДИОСТИЛЬ

М. Ю. Лукинова,

кандидат филологических наук, доцент,

Н. А. Карбань,

обучающийся магистратуры,

*Институт филологии, Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена исследованию взаимосвязи трёх ключевых категорий современной лингвистики: концепта, речевого портрета и идиостиля. Также работа рассматривает передачу авторского стиля при переводе на русский язык. В условиях терминологической многозначности и активного развития изучения авторской индивидуальности, актуальным остаётся утонение границ и точек соприкосновения вышеперечисленных терминов. Цель работы – показать, что идиостиль, понимаемый как уникальная система авторских языковых шаблонов, объективирует творческие концепты, а речевой портрет – комплексный метод его воссоздания. В статье демонстрируется, что идиостиль – динамическая модель, связывающая психологические

авторские концепты с их языковым воплощением, что открывает новые перспективы для анализа художественных произведений и их переводов.

Ключевые слова: идиостиль, концепт, речевой портрет.

Abstract. The article studies the relation between three key categories of modern linguistics: concept, linguistic portrait and idiostyle. In the context of terminological ambiguity and the active research into authorial individuality, clarifying the boundaries and points of contact between these terms remains relevant. The aim of the study is to demonstrate that idiostyle, known as a unique system of the author's linguistic patterns, objectifies creative concepts, while a linguistic portrait is a comprehensive method for its reconstructing. The study reveals idiostyle as a dynamic model linking the author's psychological concepts with their linguistic embodiment, opening new perspectives for analysis of literary works.

Keywords: idiostyle, concept, linguistic portrait.

В современной лингвистике, влияние научного прогресса на индивидуальные особенности личности привёл к активной разработке таких терминов, как идиостиль (индивидуальный авторский стиль), концепт и речевой портрет. Однако, их терминологическая синонимия и частое смешение в одну категорию создают проблему для чёткого методологического анализа, в частности в рамках исследований индивидуального стиля художественного текста и его передачи на ПЯ.

Традиционные научные подходы изучения идиостиля, сформированные в XX веке делали акцент на систематизации языковых и стилистических особенностей автора, в то время как современные подходы характеризуются смещением фокуса в сторону когнитивных и коммуникативных особенностей идиостиля. Это позволяет преодолеть ограничения структурных описаний и выйти на уровень понимания авторского стиля как динамичной модели, опосредующей связь между творческим сознанием, культурными кодами и языковой «материей».

Термин идиостиль, несмотря на свою давнюю историю продолжает подвергаться анализу и переосмыслению. В современном отечественном языкознании распространено понимание идиостиля как индивидуального использования языка или его стиля в конкретном тексте или системе текстов, в отличие от идиолекта как индивидуального использования всего языка в целом. Разграничение этих терминов играет ключевую роль, поскольку оно отделяет стилистически маркированную, целенаправленную художественную практику от всего спектра речевой деятельности личности. Елена Корниенко, систематизируя аспекты изучения идиостиля, указывает на его многомерность, включающую культурно-исторический, жанровый, психолингвистический, когнитивный, аксиологический (ценностный) и другие параметры [4]. Особое значение в современной трактовке идиостиля приобретает коммуникативно-стилистический (прагматический) параметр, связывающий языковые выборы с интенцией автора и коммуникативной ситуацией. Таким образом, идиостиль – не просто набор лексико-стилистических приёмов, а целенаправленная текстовая деятельность, ключевая характеристика языковой индивидуальности, которая отображается в устойчивых, осознанно созданных системах и способах

организации творческого произведения и решения эстетических и коммуникативных задач.

Неразрывно с идиостилем также связан термин «концепт». Если идиостиль – способ творческого выражения своей картины мира, то концепт – единица содержания, ментальное образование, которое отражает опыт и картину мира личности. Художественный концепт, в отличие от общенаучного, насыщен субъективными, эмоциональными и образными компонентами. Идиостиль можно рассматривать как систему логико-семантических способов репрезентации авторской картины мира. Именно через призмы ключевых повторяющихся в разных произведениях концептов (одиночество, город, тьма, искусство и т.д.) раскрывается глубинная тематика и проблематика творчества писателя. Эти концепты выбирают не просто так, они «оживают» через сложные сети ассоциативно-смысловых полей, активизируемых в рамках авторского сознания и художественного текста. Таким образом, идиостиль выполняет функцию языковой объективации и структурирования индивидуальной концептосферы. Он трансформирует личный опыт и переживания писателя в публичную, эстетически и прагматически организованную систему. Этот процесс носит динамичный характер: определённые концепты актуализируются посредством метафор, аллегорий, лейтмотивов и формируют уникальные авторские модели, которые и становятся авторским стилем.

Методологическим инструментом, позволяющим проводить изучение взаимосвязи индивидуального стиля и концепта, является речевой портрет. В современной лингвистике он трактуется двояко:

- 1) как система речевых единиц, регулярно используемых личностью;
- 2) как комплексный метод изучения речевой деятельности, которая включает в себя анализ единиц всех языковых уровней, в т.ч. прагматических средств [6].

Как отмечает В. Б. Сальников, речевой портрет является прежде всего методом исследования в антропоцентрической парадигме, в то время как идиолект и идиостиль – объекты исследования [5]. Кроме того, речевой портрет шире по объёму, т.к. включает в себя социокультурные и прагматические характеристики пишущего/говорящего [5]. Применительно к анализу художественного текста, построение речевого портрета автора предполагает не только систематизацию лексико-грамматических и стилистических особенностей, но и реконструкцию стоящих за ними авторских интенций, ценностей и способов отображения картины мира. Речевой портрет становится связующим элементом между внешними наблюдаемыми проявлениями идиостиля и внутренней концептуальной его основой. Что касается сферы перевода, то построение речевого портрета и идиостиля приобретает особую научную и прагматическую важность: он служит детальной картой смысловых и стилистических доминант оригинального текста, без которой невозможна выработка подходящей переводческой стратегии. Главный вызов для переводчика – воссоздание

целостной эстетико-прагматической системы, в которой концептуальное ядро неотделимо от уникальной формы авторского языкового выражения.

В качестве примера можно привести идиостиль Энтони Бёрджесса и его роман «Заводной апельсин». Ключевой концепт данного произведения – отображение свободы воли в её разрушительном проявлении, которая стала центральным предметом своеобразного исследования в романе: «ультранасилие», выход за пределы общепринятого понятия о зле и возведение его в форму извращённого удовольствия или философии, это осознанный выбор или возможность, а человек – механизм, который можно исправить. [7]

Этот концепт находит своё прямое языковое воплощение в речевом портрете антигероя Алекса, сконцентрированном вокруг авторского новояза: т.н. аргю «надсат». Это не просто набор жаргонизмов, а гибрид русских слов со сленгом кокни, который играет роль барьера между миром антигероя и подростков, и языковым миром взрослых и общества: *bezootny* (безумный), *droog* (друг), *horrorshow* (хорошо), *cutter* (деньги) [9].

Авторский «надсат» становится маркером групповой идентичности, противостояния устоявшейся общественной системы и демонстрации мнимого превосходства над другими.

Таким образом, идиостиль Э. Бёрджесса – создание универсальной модели мира, в которой вопрос о свободе воли становится с радикальной остротой, а язык создаёт эффект отчуждения и искусственности языка и самой личности. Передача идиостиля и новояза автора на русский язык – сложная задача: сохранить изначальную форму, как это делал В. Бошняк («У Тёма вокруг пояса была дважды обернута увесистая *tsepp*, он размотал её и принялся *shurovatt* ею недругов перед глазами. У Пита с Джорджиком были замечательные острые *nozhi*, я же, в свою очередь, не расставался со своей любимой старой очень-очень опасной *britvoi...*») [1, с. 23], или создать новую форму аргю с эквивалентным эффектом, как у Е. Синельщикова («Мы подгребаем к нашему профессору, и я очень так вежливо говорю: “Икскьюз ми, сэр”.

Очнувшись от своих умных мыслей, он пугливо луке эт ас четверых, тихих, вежливых, улыбающихся...») [2, с. 15–16].

Также можно привести в пример антиутопический рассказ-притчу «Улыбка» американского писателя-фантаста Рэя Брэдбери. В данном произведении идиостиль отображает авторские гуманистические концепты, главными из которых являются улыбка Мона Лизы и ненависть общества к прошлому. «Ненависть к прошлому» изображает дегуманизацию общества, для которого история, искусство и просвещение – объекты напоминания о прошлом, которое «сгубило» человечество и своеобразная мишень для выплеска негатива. Этому концепту противостоит концепт «улыбка Мона Лизы». Для толпы, это объект ритуального надругательства над прошлым, а для мальчика Тома – откровение прекрасного, которое он спасает, тем самым превращая фрагмент картины в сокровенную святыню и символ

надежды.

Речевой пласт Григсби, представителя одичавшей толпы, в рассказе служит языковым воплощением ключевого концепта дегуманизации общества, презирающего прошлое и всё, что с ним связано, включая искусство. Этот речевой пласт характеризуется простой и агрессивной лексикой: выкрики-приказы («Tom, Spit!», «Get on, Tom! Move!») [8]; подражание звукам разрушения («Wham!», «Crash!») и простые конструкции («It has to do with hate. Hate for everything in the Past») [8]. Портрету Григсби противопоставляется речевой портрет мальчика Тома: его короткие изречения («There's hardly nobody or nothing we don't hate», «...the Smile, the lovely Smile») [8], внутренние переживания и финальное описание фрагмента под лунным светом знаменует рождение нового, эстетически ориентированного идиолекта, способного сохранить спасённую реликвию.

В переводе Льва Жданова передача ключевых концептов и речевых пластов, формирующих идиостиль Р. Брэдбери решается через стилистическую адаптацию, с сохранением лексических и синтаксических особенностей оригинального произведения, а также символической конфронтации варварства и красоты искусства. Переводчик передаёт примитивный и агрессивный речевой пласт Григсби, используя просторечия: «А Биллу Гендерсону досталось мотор раздолбать. Эх, и лихо же он это сработал, прямо мастерски. Бамм!» [3, с. 197] и идиоматические конструкции, наполненные цинизмом «Тут все дело в ненависти, ненависти ко всему, что связано с Прошлым» [3, с. 196]. В противоположность этому, передача речевого пласта мальчика Тома, представленного в виде внутренних переживаний, выполнена с помощью экспрессивных образных средств: «А есть ли хоть кто-нибудь или что-нибудь, чего бы мы не ненавидели?» [3, с. 196].

Таким образом, идиостиль Р. Брэдбери заключается в контрастном сопоставлении и символизме. Он строится на резком чередовании коротких фраз, передающих действия и образы, и детальных описаний, фиксирующих мгновения красоты и прозрения. Ключевые символические образы формируют единую модель авторской картины мира. Также стоит упомянуть притчеобразный характер, который является одной из главных особенностей авторского идиостиля, где конкретный образ, персонажи и предметы становятся универсальной задумкой о вечном противостоянии разрушительного варварства и надежды на духовное возрождение через индивидуальное, неподвластное агрессивной толпе, восприятие силы искусства.

В заключение необходимо отметить, что рассмотрение идиостиля в неразрывной связи с концептом и речевым портретом представляет собой сложный и многогранный синтез когнитивного и коммуникативно-деятельностного подходов современной лингвистики. Идиостиль перестаёт быть пустым «слепок» языковых особенностей, а предстаёт как гибкая,

прагматическая система, которая с одной стороны формируется в сознании автора; а с другой – целенаправленно конструируется в коммуникативном акте с читателем, посредством перевода. Концепт выступает содержательным ядром системы, а речевой портрет – инструмент для её комплексного описания и анализа. Это в свою очередь позволяет увидеть за языковыми, стилистическими и прагматическими выборами уникальные авторские модели картины мира.

Список использованных источников

1. Бёрджесс Э. Заводной апельсин / Э. Бёрджесс; перевод с английского Е. Синельщикова // Юность. – 1991. – №3. – С. 15–27.
2. Бёрджесс, Э. Заводной апельсин / Э. Бёрджесс; перевод с английского В. Бошняка. – Москва: АСТ, 2022 – 252 с.
3. Брэдбери Р. Лекарство от меланхолии: сборник / Р. Брэдбери; перевод с английского Н. Галь., В. Гольдича, Л. Жданова [и др.]. – Москва: Эксмо, 2020. – 320 с.
4. Корниенко Е. Р. Идиолект и идиостиль: к вопросу о соотношении понятий [Электронный ресурс] // Филология: научные исследования. – 2019. – №1. – <https://cyberleninka.ru/article/n/idiolekt-i-idiostil-k-voprosu-o-sootnesenii-ponyatiy> (дата обращения: 29.12.2026).
5. Сальников В. Б. Методологические подходы к разграничению понятий «идиолект / идиостиль» и «речевой портрет» в исследовании индивидуальной речи [Электронный ресурс] // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук. – 2025. – https://phsreda.com/cv/article/116029/discussion_platform?ysclid=mkcc5d17oh694284431 (дата обращения: 28.12.2026).
6. Сальников В. Б. Соотношений понятий «идиолект / идиостиль» и «речевой портрет» в современном отечественном языкознании [Электронный ресурс] // Вестник Бурятского Государственного Университета. – 2025. – №1. – <https://sciup.org/sootnoshenie-ponyatij-idiolekt-idiostil-i-rechevoj-portret-v-148331028> (дата обращения: 29.12.2026).
7. Ультранасилие заводных апельсинов [Электронный ресурс] // Дилетант. – URL: <https://diletant.media/articles/45329346/> (дата обращения: 29.12.2026).
8. Bradbury R. The Smile [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <https://raybradbury.ru/library/story/52/9/0/> (дата обращения 03.01.2026)
9. Clockwork Orange – Glossary of Nadsat Language [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <https://www.artofeuropa.com/kubrick/nadsat.htm>. (дата обращения: 03.01.2026)

УДК 811.111

МИНУСЫ И ПЛЮСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТУДЕНТАМИ ИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

А. В. Лучникова,

ст. преподаватель кафедры иностранных языков для специальных целей факультета Филологии и коммуникации ПГНИУ, Пермь

Аннотация: В статье изучаются положительные и отрицательные стороны использования ресурсов искусственного интеллекта на занятиях по английскому языку в неязыковом вузе. Рассматривается работа преподавателя английского языка и студентов на контрольном мероприятии, определяются особенности работы и заданий

для контрольных точек. Описываются эксперименты, проводимые в условиях использования студентами ресурсов искусственного интеллекта, даны рекомендации для повышения педагогического взаимодействия и чистоты проведения контрольных мероприятий в ситуациях с использованием интернет-ресурсов на экзаменах и зачётах по английскому языку.

Ключевые слова: английский язык, ИИ, преподавание, КТ (контрольная точка), контрольное мероприятие, профессиональная компетенция.

Summary: The article examines the positive and negative aspects of using artificial intelligence resources in English classes at a non-linguistic university. The work of the English teacher and students at the control event is considered, the features of the work and tasks for the control points are determined. Experiments conducted in the conditions of students' use of artificial intelligence resources are described, recommendations are given to increase pedagogical interaction and cleanliness of control measures in situations using Internet resources in exams and tests in English.

Key words: English, AI, teaching, CT (checkpoint), control event, professional competence.

Владение иностранным языком в наше время является неотъемлемой частью образования современного человека. И это очевидная вещь. Знание любого иностранного языка предполагает наличие у человека эрудиции, кругозора, наличие критического мышления, мотивации к постоянному самостоятельному развитию, повышению образованности.

Важно ли, как человек изучает иностранные языки? С преподавателем в школе и вузе, с репетитором, в языковом центре или пытается делать это самостоятельно? Все возможные способы хороши. Человек выбирает для себя путь самостоятельно. Часто бывает, что, проучась в вузе, бывший студент приходит в языковой центр, чтобы «заново» освоить, например, английский язык. Это тоже нормально. Раньше он считал, что язык ему не так уж нужен, потом понял, что нужен. Мы считаем, что любые попытки изучить язык хороши. Мотивация – двигатель всего. Вернемся к этапу, когда важность и значение изучения языка студенту неочевидны. Это начало пути. Мы можем много говорить о необходимости знания хотя бы одного языка, но студент воспринимает чаще всего английский язык как часть академической программы. Все, что он понимает на этапе 1 курса, – это необходимость сдачи дисциплины для получения стипендии. (Конечно, есть студенты с осознанием важности нашего предмета, но здесь мы рассмотрим немотивированного студента младших курсов неязыковых специальностей). Преподаватели высшей школы постоянно повышают свою квалификацию на различных курсах, тренингах и семинарах. Они ясно понимают, что опираться на только традиционные методы преподавания иностранного языка в мире интернета и технологии – недопустимо. Изменение формата преподавания, изменение роли студента и преподавателя, изменение самого диалога «преподаватель-студент» – это аксиома современного подхода к преподаванию иностранного языка в вузе.

Наши студенты выросли с мышкой в одной руке и телефоном во второй. Это первое, что надо принять во внимание. Они едят с телефоном, спят с ним, гуляют, учатся. Последний пункт – наша проблема во всех

смыслах этого слова. На парах студенты пользуются телефоном как главной инстанцией. Для них Интернет – важный источник информации, это наставник, учитель, помощник. А где же место преподавателю? Не вернётся ли педагог к уровню командира, требующего чёткие ответы на свои вопросы? Интернет против учителя – проблема. «Если не можешь решить проблему, сделай вид, что её не существует.» Жан-Кристоф Гранже [8]. Так и поступают многие родители. Это их право. Считаем, что мы, преподаватели всех учебных заведений, должны подходить к этому вопросу грамотно с методической точки зрения. «Признание проблемы – половина успеха в её разрешении» Зигмунд Фрейд [9]. Итак, мы признаем проблему. Это шаг вперед. «Если не можешь решить проблему – начни ею руководить» Роберт Шуллер [10]. Вдохновимся этой идеей. В этой связи необходимо перестраивать образовательную среду в направлении её большего соответствия принципам организации привычной для современных студентов виртуальной информационной среды. Традиционная система образования, в которой они пассивно усваивают набор сведений, транслируемых учителем, рассматривается как несоответствующая потребностям и мышлению представителей «сетевых» поколения [1]. И хотя уважаемые коллеги писали это про языковые специальности, мы считаем, что на неязыковых факультетах дело обстоит печальнее. Если продолжать так, мы утратим не только уважение своих студентов, но и углубим пропасть между нами, превратясь в два лагеря с разными целями и политиками.

Что используют студенты на занятиях, какие интернет-ресурсы? Помимо сайтов с готовой информацией революционным открытием нашего века стали всевозможные ресурсы, опирающиеся на искусственный интеллект (ИИ). Он предлагает возможности для персонализации обучения, адаптации к индивидуальному темпу и стилю обучения, предлагает немедленную обратную связь. И, что самое главное, по мнению студента, даёт мгновенный ответ. И это решает все!

Несомненные **плюсы** использования ИИ на занятиях и дома:

1) Персонализация обучения – адаптация учебного материала под нужды обучаемого. ИИ не выйдет за рамки вопроса, даст короткий, понятный ответ в отличии от преподавателя, который пожелает дать развёрнутый ответ с примерами для более, по его замыслу, полного представления о предмете. Интернет-ресурсы – средство, которые подразумевают частое использование, а значит, что учащийся может всегда вернуться к заданию, которое не понял или выполнил плохо, прочитать, чтобы напомнить себе нужные моменты [2].

2) Доступность – почти все ресурсы бесплатные. При наличии трафика могут пользоваться все желающие.

3) Экономия времени – быстрый ответ за секунды. ИИ-инструменты могут быть доступны в любое время и в любом месте, что делает обучение более гибким и удобным.

4) Искусственный интеллект дает мгновенную обратную связь по произношению, грамматике и лексике, что помогает исправлять ошибки.

Минусы использования ИИ на занятиях очевидны ровно так же, как и плюсы. И это не может не настораживать. Итак:

1. Не все ИИ-системы обладают достаточной точностью и надёжностью.

2. Искусственный интеллект пока не способен заменить преподавателя в плане эмоционального интеллекта, мотивации и поддержки. ИИ не может адекватно реагировать на эмоциональное состояние студента, если тот расстроен или испытывает трудности [6].

3. Последний пункт вызывает особую тревогу преподавателей. Использование ИИ на парах ставит под сомнение реальный прогресс студента в изучении иностранного языка. На сколько обучаемый в реальности продвинулся в нашей дисциплине, его ли это результаты?

Использование ИИ повсеместно может поставить вопрос о целесообразности изучения иностранного языка в вузе, так как достаточно одного клика, и ответ будет получен с помощью ИИ. Целью преподавателя является доказать студенту, что ИИ – это не панацея, ИИ – это ассистент, инструмент получения данных, не более того. Перекладывая свою работу на эту программу, человек лишает себя возможности самому научиться, открывать для себя новое, познавать мир. В результате в нашей дисциплине, например, не вырабатывается навык работы с лексическим минимумом, грамматическими структурами, характерными для того или иного языка, работы по определению нужного именно в этом контексте значения. Что же касается очень важного аспекта языка для развития способности осуществлять коммуникацию – говорения, требующего спонтанной реакции и гибкости, то искусственный интеллект не обладает этим качеством из-за отсутствия важной предпосылки: когнитивного сознания.

По мнению Е. В. Котельниковой, ИИ «обладает увеличивающимися потенциальными ресурсами и возрастающим риском их неэффективного применения» [4, с. 108].

Кроме того, студенты реально не могут оценивать правильность предоставляемых ответов от ИИ. Полностью полагаясь на программу, студент перестаёт мыслить. Достаточно переслать задание в любой чат GPT. Не нужен анализ, умение добывать факты, исследовать материалы просто с использованием интернета. Основным недостатком использования чат-ботов в учебном процессе является **угроза академического мошенничества**. Кондрахина Н. Г. считает, что «чрезмерное и недобросовестное использование ИИ ослабляет навыки студентов по самостоятельному написанию текста и критическому осмыслению информации, глушит оригинальность творческого мышления, тем более что “уникальная” письменная работа нужного объёма генерируется чат-ботом практически моментально» [3, с. 362]. В связи с появлением ИИ нежелательно давать в качестве домашнего задания эссе, перевод текста,

составление письменных диалогов и монологов, так как оценка таких работ не будет справедливой.

Как же бороться с чрезмерным использованием нейросетей при преподавании иностранного языка в вузе? Есть техническая возможность – например, использование глушилок. Хотя бы во время контрольных точек. Но мы уверены, что создание новых гаджетов легко обойдёт эту технологию.

Мы провели эксперимент на студентах 2 курса биологического, геологического и химического факультетах университета.

Цель – исследовать влияние неправильно сформулированных заданий (промптов) на качество выполнения учебной задачи студентами.

Задачи эксперимента:

1. Оценить уровень понимания задания учащимися при устном объяснении преподавателем задачи и получении неправильно сформулированных письменных промптов.

2. Определить степень ошибок, возникающих в результате неправильно воспринятой инструкции и выявить возможные трудности вследствие неверно поставленных задач.

3. Изучить степень осознания самими студентами ситуации неверно выполненного задания из-за неверно поставленной задачи.

4. Исследовать ситуацию совместно со студентами, чтобы определить степень доверия к ресурсам ИИ и степень доверия к устному объяснению педагога перед контрольной.

5. Повысить мотивацию студентов к самостоятельному выполнению тестов.

Исходя из того, что студенты просто фотографируют контрольные задания и отправляют их в ИИ, взяли за отправной пункт, что задание, представленное в КТ, и есть промпт для ИИ. Неправильный промпт для ИИ это как «неправильный мёд» для Винни-Пуха. Мы изменили по одному слову в задании, но сути задания не поменяли.

Тема – *Сравнительная и Превосходная степень имён прилагательных в английском языке*. Перед тестом преподаватель чётко поставил задачу - Выполнить задания по теме Сравнительная и Превосходная степень имён прилагательных на английском языке. Чётко объяснил способ выполнения каждого отдельного задания. Разрешил в случае затруднения обратиться к нему лично. В работе несколько заданий. Два варианта имели задания, подобные этим:

Comparisons in English

1. Open brackets and complete the sentences with a Comparative Adjective.

1) The film just got _____ (silly)

2) This area is becoming _____ (popular)

Вариант 3 имел отличное от этих задание.

Comparisons in English

1. Open brackets and complete the sentences with a Comparative Adjective in French, but let the sentence be in English. Only the adjective should be in French.

1) The weather is getting _____ (cold)

2) This area is becoming _____ (popular)

№ 3 вариант был выдан студентам, по мнению преподавателя, которые чаще других пользовались ИИ на парах. В результате студенты, более осмысленно подходящие к вопросу написания КТ, обратились к педагогу за разъяснением по выполнению заданий. Треть от студентов, не задумываясь, отправила задания с неверным промптом в сеть. Получила соответствующие ответы. На вопрос педагога – Какой же это язык? – студенты сначала бодро отвечали, что английский, потом начинали осмысливать происходящее. Оценки у них колебались от 0 до 5 баллов (из 25). Естественно, что им пришлось переписывать КТ уже без использования интернета, после самостоятельной подготовки. При обсуждении результатов использования ИИ во время КТ часть студентов выразила сожаление о бездумной вере в ИИ. На вопрос преподавателя, зачем же использовать ресурс бездумно, один студент ответил: «Это очень заманчиво».

Следующий эксперимент был поставлен так – контрольная точка была распечатана вообще без заданий. Значит, промпта просто нет.

Цель – оценка эффективности устного объяснения преподавателем содержания теста и проверка уровня владения языком исключительно через устную коммуникацию без письменных заданий.

Задачи:

1. Проверить способность студентов воспринимать и усваивать учебный материал посредством устного изложения.

2. Исследовать эффективность передачи информации преподавателем в устной форме и определить зависимость результатов тестирования от умения учителя ясно и доступно объяснить содержание теста.

3. Оценить коммуникативные способности студентов и преподавателей в условиях отсутствия письменной фиксации заданий.

4. Обобщить полученные данные и разработать методические рекомендации по улучшению взаимодействия преподавателя и студента в процессе подготовки и проведения экзаменов по английскому языку на неязыковых специальностях в университете.

Естественно, педагог перед КТ чётко ставил задачу для каждого задания и разрешил обращаться за помощью в случае трудности. Это уже шаг вперед – написать промпт к контрольному мероприятию по английскому языку – означает хотя бы понимать тему, задачи и осознавать, какой результат мы все хотим получить. Оценки за данную контрольную колебались от 11 до 16 баллов из 25 (то есть, от «удовлетворительно» до «хорошо»). Кстати, в обоих случаях ни один студент не посчитал, что

преподаватель был неправ, или, что сам студент был обманут неверными инструкциями. Это говорит о том, что осознание студентами своих обманных попыток сдать контрольную точку без подготовки дома и, как результат, провал, – достаточно высоко. Считаем, что повышение мотивации к домашней подготовке и к самостоятельному выполнению и других КТ – успешное завершение экспериментов. Топор сам не построит дом, нужен человек. ИИ, как и топор, – это только инструмент для работы.

Полным решением данной проблемы мы все же считаем иной вариант – возврат к экзаменам и зачётам в устной форме. То есть, оставляем письменную часть КТ в виде теста на 11 баллов из 25. Это «удовлетворительно». Ещё 14 баллов студент может дополучить, при желании, устно, сдавая материал в виде презентации, диалога, монологического высказывания, интервью с преподавателем и пр. По нашему мнению, ИИ рано называть мощной педагогической технологией. Ею можно и нужно пользоваться, но заменить преподавателя она не может. Кравцова А. Г. пишет, что «нейросеть на данный момент не способна составить конкуренцию реальным преподавателям, поскольку не может обеспечить такой же уровень личного взаимодействия и подстроиться под определённый культурный контекст» [5, с. 35].

Бодрийяр Жан в своей работе «Прозрачность зла. 7. Ксерокс и бесконечность» сказал: «Если люди придумывают или создают «умные» машины, то делают это потому, что в тайне разочаровались в своём уме или изнемогают под тяжестью чудовищного и беспомощного интеллекта; тогда они загоняют его в машины, чтобы иметь возможность играть с ним (...) и насмехаться над ним. Доверить свой интеллект машине – значит освободиться от всякой претензии на знание...» [7].

Поэтому появление ресурсов такого рода явилось вызовом, высветившим необходимость изменений в привычном образовательном процессе. Оптимальным решением будет не введение запретов, соблюдение которых будет невозможно проконтролировать, и не молчаливое согласие с её неправильным использованием, но адаптацию к новой действительности, и поиск решений по оптимальному внедрению сервиса в сфере образования.

Список использованных источников

1. Архипова М.В., Жерновая О.Р. Организация смешанного обучения английскому языку в развитии коммуникативных навыков студентов языковых специальностей // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20731> (дата обращения: 02.01.2026)

2. Архипова М.В., Жерновая О.Р., Шутова Н.В., Мешкова Г.А. Особенности использования Интернет-ресурсов в обучении иностранному языку // Мир науки. Педагогика и психология. – 2021. – №4. <https://mir-nauki.com/PDF/01PDMN421.pdf> (доступ свободный).

3. Кондрахина Н. Г., Петрова О. Н. Использование возможностей искусственного интеллекта для преподавания иностранных языков: новая реальность // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 1 (104). – С. 360–363.

4. Котельникова Е. В. Когнитивные аспекты осмысления смешанной речемыслительной деятельности межкультурной коммуникации / Е. В. Котельникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. – № 7 (18). – С. 108-110.
5. Кравцова А.Г. ChatGPT-3: перспективы использования в обучении иностранному языку. Мир науки, культуры, образования. 2023. – № 3 (100). – С. 33–35.
6. file:///C:/Users/the_s/Desktop/%D0%9C%D0%9C%20%D0%97%D0%B0%D0%B3%D1%80%D1%83%D0%B7%D0%BA%D0%B8/potensial-i-riski-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-vysshey-shkole-pri-obuchenii-inostrannomu-yazyku-v-professionalnoy-sfere.pdf (Дата обращения: 02.01.2026)
7. Рябкова Е.С., Балакина О.А. Использование ИИ в обучении английскому языку // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. – 2025. – № 02 (103). Режим доступа: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/ispolzovanie-ii-v-obuchenii-anglijskomu-yazyku.html> (Дата обращения: 02.01.2026)
8. Baudrillard, Jean. La Transparence du Mal. 1990. Бодрийяр, Жан. Прозрачность зла. Перевод на русский язык: Л. Любарская, Е. Марковская. – М., 2000. / URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3413/3420> (Дата обращения: 02.01.2026)
9. <https://www.livelib.ru/quote/1065120-kajken-zhankristof-granzhe?ysclid=mjwstxpcjd968630923> (Дата обращения: 02.01.2026)
10. <https://www.psychologies.ru/articles/11-citat-zigmunda-freida-kotorye-vstryakhnut-vas-i-pomogut-izmenit-zhizn/?ysclid=mjwta38nv7110542880> (Дата обращения: 02.01.2026)
11. <https://citaty.info/quote/125734> (Дата обращения: 02.01.2026)

УДК 811.111'42

**ЭЛЕМЕНТЫ НАУЧНОГО ДИСКУРСА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ТЕКСТЕ (на материале произведений современных англоязычных
писателей)**

Г. И. Лушникова,

*доктор филологических наук, профессор, Гуманитарно-педагогическая
академия (филиал), Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского, Ялта*

Т. Ю. Осадчая,

*кандидат педагогических наук, доцент, Севастопольский
государственный университет, Севастополь*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению текстов художественной литературы, в которых наличествуют такие элементы научного дискурса, как термины, околотерминологическая лексика, прецедентные имена науки, знаки искусственных языков, формулы, рассуждения на темы специальных наук и некоторые другие. Материалом для исследования послужили произведения современных англоязычных авторов: Д. Симмонса, Д. Брауна, А. Вергезе, Н. Хилла, А. Байетт. Изучение взаимодействия двух дискурсов позволило заключить, что элементы науки выполняют в художественном тексте ряд существенных функций, ведущими из которых являются создание достоверности описываемого мира и образов персонажей, прогнозирование тенденций развития научно-технического прогресса и его возможного влияния на жизнь человечества.

Ключевые слова: художественный текст, научный дискурс, интеграция дискурсов, современная англоязычная литература.

Summary. This article examines fiction texts that contain elements of scientific

discourse, such as terms, terminological vocabulary, scientific precedents, symbols of artificial languages, formulas, discussions on topics of specialized sciences, and others. The research draws on the works of contemporary English-language authors: D. Simmons, D. Brown, A. Verghese, N. Hill, and A.S. Byatt. The analysis of interaction between these two discourses allows us to conclude that scientific elements perform a number of essential functions in fiction, the most important of which are as follows: creating the authenticity of the described world and character images, and forecasting trends in the development of scientific and technological progress and its possible impact on human life.

Key words: literary text, scientific discourse, integration of discourses, contemporary English-language literature.

Известно, что художественный текст открыт для элементов разных дискурсов, которые могут использоваться в нем по-разному: иметь разные формы, выполнять различные функции, подвергаться разнообразным модификациям: «... исследователи единодушны в своей оценке художественного текста как пространства взаимодействия, пересечения, интеграции нескольких дискурсов» [5, с. 75]. По мнению ряда ученых (В. А. Андреева, Е. В. Белоглазова, В. Е. Чернявская, З. М. Чемодурова, Д. А. Кожанов), художественному тексту присуща семиотическая и концептуальная гетерогенность, другими словами, «... любой литературно-художественный текст представляет собой полидискурсивное образование» [6, с. 75].

Дискурсом-донором для художественного текста часто является научный дискурс, наиболее яркими особенностями которого обычно называют «...использование специальной научной терминологии, логичность построения и объективность изложения» [1, с. 3820].

Цель данной статьи – определить ключевые функции включения элементов научного дискурса в художественные произведения современных англоязычных писателей.

Основная функция взаимодействия дискурсов довольно очевидна – придание тексту максимальной достоверности: «использование в тексте художественного произведения элементов научного дискурса, к которым относятся термины, околотерминологическая лексика, прецедентные имена науки, знаки искусственных языков (математические, физические, химические и т.п. формулы), синтаксические конструкции и т.п., позволяет автору создать убедительную и непротиворечивую картину описываемого в художественном произведении мира» [3, с. 768]. Важно отметить, что «характер инодискурсивных включений определяется жанрово-стилевой принадлежностью художественного текста. Так, для произведений в жанре научной фантастики характерна высокая плотность элементов научного дискурса, в первую очередь, научных терминов» [3, с. 768]. В самом названии жанра научная фантастика (английский термин *science fiction* – научный вымысел, научный художественный текст) содержится указание на соединение научного и художественного дискурсов.

Читая классические и современные произведения жанра научной фантастики, мы часто сталкиваемся с подробными рассуждениями на

научные темы, причем иногда грань между описанием реальных достижений науки и нереальными, фантастическими положениями размыта, трудно определяема. Как указывают исследователи, «... прогнозы современных англоязычных писателей зачастую представлены как серьезные научные разработки, свидетельствующие о высоком профессиональном уровне авторов и требующие от читателя владения определенным объемом специальных научных знаний» [4, с. 163]. Только специалисты в соответствующих областях могут сделать заключение о достоверности и реализуемости описываемых теорий в действительности или о их полной научной несостоятельности.

Известно много примеров, когда кажущиеся невероятными прогнозы, концепции, идеи и гипотезы писателей фантастов впоследствии воплощаются в жизнь, что позволяет сделать вывод о влиянии художественного дискурса на научный. Существует вполне обоснованное мнение, что жанр научной фантастики переживает в настоящее время кризис как раз по причине его научности, на смену ему приходит и завоевывает все более прочные позиции жанр фэнтези, в котором научность отступает на второй план или вообще отсутствует.

В произведениях научной фантастики имеют место разные способы соединения элементов художественного и научного дискурсов. Так, в романах американского писателя Дэна Симмонса в одной и той же фразе могут прослеживаться характерные черты научного и художественного стилей. В качестве примера приведем фрагмент из романа «Эндимион»: «несколько тысяч кораблей-деревьев, каждый в полкилометра длиной, будто исполняли затейливый танец в плоскости эклиптики – танцоры, удерживаемые вместе силами притяжения, постепенно менялись местами, листья были постоянно обращены к солнцу, звезде класса G, ветви беспрерывно перемещались, выбирая наилучшее положение для листвы, а корни жадно поглощали влагу и питательные вещества, которыми их снабжали фермы-кометы, сновавшие среди деревьев подобно гигантским грязно-серым снежным комкам» [5, с. 44]. В данном примере, как и в ряде других, встречающихся у Д. Симмонса, наличествует сочетание научных терминов (плоскость эклиптики, сила притяжения, солнце, звезда класса G, питательные вещества), цифровых данных (несколько тысяч, полкилометра длиной) и выразительных стилистических средств (образное сравнение: «будто исполняли затейливый танец», «фермы-кометы, сновавшие среди деревьев подобно гигантским грязно-серым снежным комкам»; развернутые олицетворения: «танцоры, удерживаемые вместе силами притяжения, постепенно менялись местами»; «ветви беспрерывно перемещались, выбирая наилучшее положение для листвы»).

В этом же произведении встречаются аллюзии на художественные произведения (например, «О дивный новый мир» О. Хаксли), цитаты из поэтических произведений Дж. Китса, Р. Фроста, рассуждения о поэзии, живописи, упоминания имен известных художников прошлого и их

произведений. Данные приемы являются характерными для художественного дискурса, причем строки стихотворений Дж. Китса приводятся автором в сильной позиции конца книги, что усиливает их значимость. Подобное контрастное соединение элементов разных дискурсов используется для усиления экспрессивности повествования и является одной из ведущих особенностей стиля Д. Симмонса.

Однако включение научного дискурса в художественный присутствуют во многих произведениях и других жанров и их разновидностей, что вызывает особый интерес читателей и литературоведов, рождает дискуссии по поводу их роли и уместности.

Автобиографические и мемуарные произведения американского писателя и врача А. Вергезе, такие, как «Моя страна: «История доктора» (1994 г.), «Партнер по теннису» (1998 г.), «Завет воды» (2023 г.) содержат элементы медицинского дискурса, которые создают атмосферу достоверности описываемого мира и углубляют образы персонажей.

Детективные романы американского автора Д. Брауна – «Код Да Винчи» (2003 г.), «Утраченный символ» (2009 г.), «Инферно» (2013 г.), «Происхождение» (2017 г.), «Тайна из тайн» (2025 г.) и другие – демонстрируют включение в художественный текст научных положений из истории, искусствоведения, символики, лингвистики, что способствует удачной реализации идей автора. В частности, автор считает, что научные знания и методы исследования могут успешно использоваться для раскрытия преступлений и, более того, для решения разнообразных социальных проблем, таких, например, как борьба с преступностью.

В семейно-бытовом романе американского писателя Н. Хилла «Велнесс» (2023 г.) персонажи обдумывают и обсуждают современные положения нескольких наук – психологии, социологии, медицины, медиалингвистики – в рамках решения личных экзистенциальных проблем и преодоления трудностей межличностного общения.

В романах английской писательницы А. Байетт прослеживаются достаточно глубокие рассуждения на филологические темы, автор ставит новые проблемы, которые актуальны для специалистов в этой области и небезынтересны для рядовых читателей. Наиболее ярким в этом отношении представляется ее роман «Обладать» (1990 г.).

Список примеров мог бы быть продолжен, что свидетельствует об устойчивой тенденции соединения художественного и научного дискурсов в современной литературе.

Следует отметить, что восприятие такого типа контаминированных текстов может варьироваться от положительного до резко отрицательного. Ряд читателей, критиков и литературоведов высказываются с пиететом о богатой эрудиции авторов, их широком кругозоре и глубоких знаниях. Другие считают включение элементов научного дискурса излишним, считая, что произведение только выиграло бы, если из него убрать фрагменты, содержащие научные измышления. Даже специалисты в

области той или иной науки заявляют, что задачи художественной литературы заключаются в развлечении, отвлечении от профессиональных проблем. Третьи выступают с критическими замечаниями в адрес писателей по поводу ошибочности научных фактов, называя такие произведения псевдонаучными, недостоверными и потому оказывающими негативное воздействие на читателя, поскольку вводят его в заблуждение по поводу истинного положения вещей. В ряде случаев редакторы изданий составляют комментарии, в которых дают информацию о допущенных автором неточностях научного плана. Несмотря на неоднозначное отношение к художественным произведениям, содержащим элементы научного дискурса, надо признать, что они прочно вошли в фонд мировой литературы, вызывают неослабевающий исследовательский интерес и имеют своих поклонников среди читателей.

Таким образом, можно утверждать, что включение элементов научного дискурса в текст дискурса художественного может выполнять следующие ключевые функции: 1) усиление достоверности описываемого мира; 2) создание особой атмосферы поиска истины с опорой на научные принципы исследования; 3) предсказывание и прогнозирование тенденций развития и перспективных векторов научно-технического прогресса и его возможного влияния на жизнь человечества; 4) повышение экспрессивности повествования; 5) изображение важности научных исследований для решения социально значимых проблем, например, проблемы борьбы с преступностью; 6) создание психологически достоверных образов персонажей, которые ищут ответы на экзистенциальные вопросы в теориях современной науки; 7) постановка новых и обсуждение существующих проблем в рамках какой-либо области научного знания.

Список использованных источников

1. Воробьева Е. Н. Современные тенденции в исследовании научного дискурса в отечественной лингвистике: систематический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17. – № 10. – С. 3819–3829.
2. Норец М.В., Норец Н.К. Гностические «евангелия» и «фатумная» жизнь Иисуса в романе Д. Брауна Код Да Винчи / М.В. Норец, Н.К. Норец // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Том 7 (73) № 4. – С. 56-68.
3. Кожанов Д. А. Экспрессивный потенциал элементов научного дискурса в художественном тексте // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2018. – № 5. – С. 768–774.
4. Кожанов Д. А. Когнитивно-прогностический потенциал терминов в художественном дискурсе // Филология и человек. – 2024. – № 3. – С. 159–168.
5. Симмонс Д. Эндимион. – М.: АСТ, 2020. – 672 с.
6. Чемодурова З. М. Игровой «монтаж» дискурсов различных типов в постмодернистском художественном тексте // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2013. – № 1. – Т. 2. – С. 74–78.

УДК 81'255.4

ТРАНСКРЕАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ЗНАКОВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Г. И. Лушникова,

доктор филологических наук, профессор,

К. А. Полтавченко,

обучающаяся,

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Ялта

Аннотация. В статье рассматриваются определения и особенности понятия «транскреация», а также разновидности переводческих трансформаций, используемых при транскреации. Проанализированы тексты переводов русских народных сказок «Репка», «Теремок», «Лисица и журавль» на английский язык, рассмотрено, как приемы транскреации способствуют передаче культурно-знаковых элементов сказок.

Ключевые слова: транскреация; культурно-знаковые элементы; переводческие трансформации; русские народные сказки.

Summary. The article reveals the definitions and peculiarities of “transcreation” and the types of translation transformations used in the process of transcreation. The texts of translations of the Russian folk tales “Turnip”, “The little house”, “The fox and the crane” into English are analyzed. It is demonstrated how methods of transcreation are used in rendering culturally marked elements of Russian tales.

Key words: transcreation; culturally marked elements; translation transformations; Russian folk tales.

Русские народные сказки представляют собой большой культурный пласт, в котором нашли отражение реалии русского языка, разговорные выражения, крылатые фразы, имена собственные, получившие широкую известность или даже ставшие нарицательными, междометия, изобразительно-выразительные средства, а также слова, образованные различными способами словообразования, характерными для русского языка, такими как контаминация, деривация, аффиксация, словосложение. Иными словами, народные сказки богаты культурно-маркированными элементами. Вследствие этого при переводе русских народных сказок на английский язык необходимо учитывать данные лингвокультурные особенности языка и адаптировать их для языка перевода с сохранением культурных феноменов и наиболее полным приближением к стилю текста оригинала сказки. Одним из видов перевода, позволяющим передать лингвокультурологические особенности текста оригинала, является транскреация.

Транскреация (от англ. “translation” – перевод и “creation” – создание или “recreation” – пересоздание) представляет собой вид перевода, предполагающий адаптацию исходного текста с одного языка на другой с сохранением смысла, стиля и контекста, что достигается путём подбора подходящих лексических и грамматических средств языка. Транскреация позволяет не только адаптировать культурные особенности (в частности, имена собственные) к восприятию иноязычной аудитории, но и достичь

наиболее полного эмоционального отклика у аудитории.

Согласно определению Е. Д. Маленовой, «при стратегии транскреации происходит творческое переосмысление сегмента текста оригинала, в результате образуется новый текст средствами языка перевода, при этом учитываются полимодальность и культурная специфика контекста, коммуникативная ситуация и ее характеристики, технические и правовые ограничения, а также возможная реакция реципиента текста» [2, с. 53–55]. Если в исходном тексте присутствуют лингвокультурологические элементы, то в данном случае мы можем говорить о творческом переосмыслении текста оригинала с поиском общего варианта для двух культур: исходной и культуры целевой аудитории.

Транскреация не только является способом перевода текста оригинала, но и подразумевает его интерпретацию с учетом особенностей восприятия целевой аудитории (в данном случае – читателей народных сказок в переводе на английский язык).

Согласно Е. Ю. Мощанской, транскреация представляет собой особый вид перевода, который формирует у читателя те же ассоциации, что возникают и у носителя исходного языка при знакомстве с текстом (в данном случае со сказкой) [3].

Основными приемами транскреации, позволяющими передать культурные особенности сказки и адаптировать их для иностранного читателя, являются калькирование, транскрипция, транслитерация, лексико-семантическая замена, конкретизация, генерализация, модуляция, экспликация.

Материалом для рассмотрения перечисленных приемов транскреации послужили тексты таких русских народных сказок, как «Репка», «Теремок», «Лисица и журавль».

Сказка «Репка». Начало сказки адаптировано для детей, которые будут знакомиться с данной сказкой, поскольку объясняется, откуда взялась репка и почему дедушка решил ее выкопать: «*The grandfather has a garden. Many vegetables grow here. The grandfather wants to eat the turnip*». Русский вариант сказки представляет собой менее распространённое описание: «*посадил дед репку, выросла репка...*», потому в английском варианте представлен приём генерализации (расширения) и приём модуляции (изменение перевода с целью построения логической цепочки). Лексический повтор «*большая-пребольшая*», подчеркивающий величину репки, заменяется в переводе на нейтральное слово «*big*», однако усиление эффекта достигается за счёт слова «*very*»: «*it is very big*». Слова, образованные путём аффиксации и редупликации «*тянет-потянет*» при переводе заменяются на «*pull and pull*», что представляет собой лексический повтор, который имеет место и в оригинале. Слова «*дед*», «*бабка*», являющиеся разговорными, в переводе передаются нейтральными вариантами: «*grandfather, grandmother*». В русскоязычном варианте сказки нет информации о том, кто такая Жучка, известно лишь, что внучка позвала

Жучку, однако русскому читателю становится понятно, что Жучка – это собака, поскольку Жучка – распространённая кличка дворовой собаки; в английском же варианте возникает необходимость лексико-семантической замены, потому слово «Жучка» заменяется на нейтральное слово «dog».

Сказка «Теремок». Перевод названия сказки содержит в себе такой приём транскреации, как генерализация, поскольку в переводе мы видим слово более широкого значения: «house», а уменьшительно-ласкательный суффикс «ок» передаётся через прилагательное «little» – «the little house». Каждый герой сказки имеет в своём имени описательное слово, которое его характеризует: мышка-норушка, лягушка-квакушка, зайчик-побегайчик, лисичка-сестричка, волчок-серый бочок, косопалый медведь. При переводе данные описательные конструкции заменяются нейтральными названиями животных, используется приём лексико-семантической замены: a mouse, a frog, a hare, a fox, a wolf, a bear. Междометия «прыг, скок» заменяются на нейтральные слова «jump», «run», что также является примером генерализации. Междометие «трах», используемое в русскоязычном варианте сказки для обозначения поломки теремка, а также лексический повтор «кто кто в теремке живет» при переводе упускаются. Разговорное слово «уселся» заменено в англоязычном варианте на нейтральное «sit down». В переводе сказки «Теремок» наиболее распространённым приемом транскреации является лексико-семантическая замена русских слов на нейтральную лексику английского языка.

Сказка «Лисица и журавль». В данной сказке наличествует большое количество разговорной лексики и междометий. «Куманёк, голубчик», используемые в русской культуре как ласковое обращение к мужчине, в переводе звучат как «godfather, friend», при этом происходит расширение значения слова – генерализация. Словосочетание «званный пир» заменяется словосочетанием «dinner party», что является конкретизацией. Устаревшее слово «потчевать» заменяется на слово «to urge», за счёт чего происходит сужение значения слова и его упрощение. Разговорное слово «стряпала» в переводе представлено нейтральным глаголом «cooked». Междометие «стук-стук» перешло при переводе в разряд существительных «peck-peck», то есть имеет место транспозиция. Слово «окрошка» относится к безэквивалентной лексике, при переводе используется описание данного супа: «cold soup», что является примером описательного перевода. Для перевода слов «кума», «кумушка», независимо от формы использовано слово «godmother». Разговорное выражение «так и этак» при переводе заменяется на нейтральные выражения «in one way, then another». Типично русский оборот «взяла лису досада» при переводе теряется, будучи заменен на выражение «the fox was annoyed». Крылатое выражение «несолоно хлебавши» заменяется на нейтральное выражение «to have got nothing». Крылатое выражение «как аукнулось, так и откликнулось» заменено на английскую идиому «tit for tat».

Таким образом, транскреация представляет собой принцип перевода

текста на иностранный язык, который при помощи различных приемов, таких как калькирование, транскрипция, транслитерация, конкретизация, генерализация, модуляция, транспозиция, позволяет адаптировать текст оригинала для понимания целевой аудитории, передавая при этом культурные особенности и сохранив эмоциональный посыл и образность. Транскреация русских народных сказок позволяет передать иностранному читателю особенности русского фольклора.

Список использованных источников

1. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки в трех томах. – Москва: Наука. – 1984–1985. – 383 с.
2. Малёнова Е. Д. Креативные практики в переводе // Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние: тезисы Третьей Междунар. науч. кон-ции. Вологда: ВоГУ ; Нижний Новгород: НГЛУ.– 2018. – 53–55 с.
3. Мощанская Е. Ю. Современные проблемы перевода: «Homo Loquens. Вопросы лингвистики и транслатологии» / Е. Ю. Мощанская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-perevoda-homo-loquens-voprosy-lingvistiki-i-translyatologii-rets-na-kn-homo-loquens-tekst-voprosy-lingvistiki-i>
4. Норец М. В. Жанр и перевод: современный взгляд / М. В. Норец // Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация: Материалы VII международной междисциплинарной научной конференции, Симферополь, 25–26 ноября 2022 г. – С. 539-546. – EDN RSRHYR.
5. Afanasiev A. N. Russian Folk Tales. – Moscow Progress. – 1998. – 250p.
6. Naumova N. A. Russian Folk Tales translated from the Russian. – Moscow. – 2025. – 200p.

УДК 811,11

ГРАММАТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

М. С. Медведева,

кандидат филологических наук, доцент, Ростовский юридический институт, Ростов-на-Дону

Аннотация. Данная статья посвящена грамматическим и стилистическим особенностям и трудностям перевода экологической терминологии. Проблема экологии является достаточно острой в наши дни и исследовательский интерес к экологическому дискурсу обусловлен ухудшением окружающей среды. Экологический дискурс является объектом исследования одного из новых направлений языкознания – эколингвистики, которое формирует общие законы и принципы, как для экологии, так и для языка, и с помощью языка выявляет и решает экологические проблемы.

Ключевые слова: перевод, экологическая терминология, грамматические и стилистические особенности, калькирование, буквальный перевод, добавление, инверсия.

Summary. This article is devoted to the grammatical and stylistic features and difficulties of translating environmental terminology. The problem of ecology is quite acute nowadays, and research interest in environmental discourse is caused by environmental degradation. Ecological discourse is the object of research in one of the new areas of linguistics,

ecolinguistics, which forms general laws and principles for both ecology and language, and uses language to identify and solve environmental problems.

Key words: translation, environmental terminology, grammatical and stylistic features, calculus, literal translation, addition, inversion.

Современная экология стремительно развивается и переводоведы сталкиваются с большими сложностями при переводе терминов, так как неправильный перевод термина может привести к ложному толкованию и нарушению смысла. В процессе перевода с русского на английский или наоборот появляется проблема недостатка информации, а именно специализированных терминологических словарей, чтобы адекватно перевести термин, не нарушая смысловую и стилистическую структуру.

Терминология представляет собой совокупность терминов, активно функционирует в языке и тесно связана с профессиональной деятельностью людей. В процессе развития науки, техники формируются новые понятия, которые нужно выразить с помощью языковых средств. Поэтому научный прогресс тесно связан с терминами. Общеупотребительные слова не могут четко передать смысл понятия, нужно точное определение с фиксированным значением. Так, язык науки обогащается и развивается при помощи терминов: формируются научные теории, законы, создаются новые названия специальных предметов, явлений [2, с. 152].

Термины играют важную роль в языке, роль открытия нового знания. Чтобы создать новый механизм требуются специальные средства, научные приборы, так происходит и в языке. Язык – это средство научной деятельности, а термины – научные приборы, при помощи которых создается языковая действительность. Поэтому, мы с точностью можем утверждать, что термины участвуют в открытии научного познания и новых истин. Так, например, Жюль Верн, еще задолго для создания подводной лодки уже использовал этот термин в своих трудах [5, с. 109].

Итак, терминология занимает большую часть лексического состава любого языка. Это источник передачи и получения информации, при помощи которого происходит развитие науки и техники, систематизация обмена информацией, взаимопонимание и международное сотрудничество.

Выбор способа перевода экологических терминов зависит от особенностей языка, менталитета его носителей. Часто выбор определенного способа перевода термина зависит от частоты его употребления. К примеру, термин *repeated test method* стал единственным эквивалентом метода круговых испытаний.

При переводе часто используется метод буквального перевода и калькирования при передаче интернациональных терминов с разной семантической и стилистической структурой. Например, *emission* – эмиссия, *ecocentrism* – экоцентризм, стабилизация – *stabilization*, *biocenosis* – биоценоз, *ecosystem* – экосистема, эфемер – *ephemer* и др.; на уровне словосочетания: *human ecology* – экология человека, экологическое прогнозирование – *ecological prognostication*, *greenhouse effect* – парниковый эффект, *factor of*

risk – фактор риска, aerial scanning – воздушное сканирование, fertility of soil – плодородие почв, living organisms – живые организмы, nature protection – охрана природы [6].

К функциональному переводу экотерминов относятся:

1) описательный метод (в случаях невозможности передачи значения термина из-за отсутствия эквивалентов). Например, recycling – повторное использование, taxidermy – набивка, изготовление чучел, visual pollution – визуальное загрязнение окружающей среды, обезображивание природы плакатами, надписями; снижение эстетической ценности ландшафта.

2) эквивалентная замена (замена единицы оригинала имеющей полное соответствие в переводимом языке): sound basis – прочная основа, choropleth map – картограмма, fossil fuel – ископаемое топливо, истощение – depletion.

Что касается грамматических трансформаций наиболее часто используется:

1) инверсия (изменение порядка слов): quality control – контроль качества, air pollution – загрязнение воздуха, animal ecology – экология животных.

2) изменение падежа: environment (Им.п.) facility – экологический (Р.п.) фонд, ozone (Им.п.) layer – озоновый (Р.п.) слой, animal behaviour – поведение животных.

3) перевод с добавлением предлога (для установления связи между словами): geographical name – подпись на карте, storm evacuation map – карта эвакуации при шторме;

Что касается лексических трансформаций, переводчики используют лексические добавления (использование дополнительных слов, которые передают недостаток смысла): data analysis – анализ полученных данных, herbivore – травоядное животное, carnivore – плотоядное животное; конкретизацию (использование при переводе слова с более узким предметно-логическим значением, чем в исходном языке): flood – разлив реки, list of endangered species – красная книга; генерализацию – disaster preparedness – готовность к чрезвычайным ситуациям, potable abstraction – забор воды для питьевых нужд [3, с. 110].

Итак, при переводе интернациональных терминов экологии, используется метод калькирования и буквальный перевод. Если в переводящем языке не утвердился термин для обозначения нового понятия, используют способ описания. В случаях невозможности передачи значения термина из-за отсутствия эквивалентов используется метод описания, а если термин имеет полное соответствие в переводимом языке, используем эквивалентную замену. Часто при переводе используют лексические трансформации (добавления, конкретизацию, генерализацию) и грамматические (инверсия, изменение падежа, добавление предлога).

Говоря, о грамматических трансформациях, то они используются при переводе названий ураганов (грамматическая инверсия). Например: Catherine hurrican – ураган Катрин, Wilma Hurricane – ураган «Вильма»,

Sandy hurrican – ураган Сэнди, в некоторых случаях возможна модуляция: the Indian Ocean Tsunami – Цунами в Индийском океане и др. [1].

Наиболее употребительными являются комплексные трансформации, например, сочетание грамматических и лексико-семантических: dual-use biological equipment – биологическое оборудование двойного назначения. Здесь переводчики применили грамматическую инверсию или замену порядка слов и буквальный перевод [6].

А в примере *Bacillus thuringiensis preparation* – препарат *Bacillus thuringiensis*, переводчики использовали замену порядка слов и передали точное контекстуальное значение оригинала.

Перевод термина-словосочетания *ecological (ед.ч) problems* – экологические (мн.ч) проблемы и термина-слова *economics (мн.ч)* – рус. экономика (ед.ч) осуществлен при помощи грамматической трансформации (вместо единственного числа прилагательного употреблено множественное или наоборот) и др.

Как уже говорилось, при переводе часто используется грамматическая инверсия: *animal ecology* – экология животных; *cellular breakdown* – разрушение клеток.

При переводе экотерминов, грамматическая категория может заменяться, например, *the greenhouse effect* – парниковый эффект. В данном примере, *greenhouse* – это существительное, а *парниковый* – прилагательное. *animal (Им.п.) behaviour* – поведение животных (Р.п.), *vegetation (Им.п.) distribution* – распределение растительности (Р.п.).

При переводе экологических терминов, нужно конкретно и точно передать содержание и форму термина, его смысл и стилистическое своеобразие. Поэтому, при переводе экотерминов используются стилистические трансформации, которые помогают сохранить и идентифицировать исходную эстетическую информацию [4, с. 284].

Так, к примеру, в переводе мы должны сохранить образность, поэтому правильный перевод метафор, направленный на сопоставление уподобление объектов друг другу с целью выявления сущностного сходства, играет важную роль в языке. Например,

«According to local Palestinian farmers, when bulldozers started to clear the new busy road that slices through the town they would pass through prime agricultural land and thereby have a negative impact on the farmers' livelihood». Глагол *slice* здесь имеет метафоричное значение, поэтому при его переводе использовался описательный метод:

«По оценкам местных палестинских крестьян, когда бульдозеры начнут расчищать новую оживлённую трассу, разделяющую город, они пройдут сквозь главные сельскохозяйственные угодья и тем самым нанесут ущерб их благосостоянию» [6].

Метонимическое словоупотребление представляет собой определенную сложность при переводе с учетом степени распределения метонимизации в исходном и переводном языках: “To a large extent, the

Marine Protected Areas have worked to preserve cultural heritage”, на русском это предложение будет звучать так: «В значительной степени работа над Морскими Охраняемыми районами велась для сохранения культурного наследия» [6].

При переводе важно сохранить эмоционально содержание, которое хотел донести до нас автор. К примеру, в предложении: “Further work is needed on the applications of global modelling for projections of future trends, the analysis of potential policy impacts and long-term strategic planning to allow people safely and easily age in place” при дословном переводе смысл и эмоциональная окраска просто теряются, поэтому переводчик обязан сохранить эмоциональную окраску: «Необходимо продолжать работу над применением методов глобального моделирования для целей прогнозирования будущих тенденций, анализа потенциальной результативности политики и долгосрочного стратегического планирования чтобы люди могли безопасно и без проблем состариться в своём собственном доме» [6].

Итак, как мы видим перевод экотерминов имеет свои грамматические и стилистические особенности и трудности. В сфере экологического дискурса используются грамматические трансформации (грамматическая инверсия, изменение падежа, числа, части речи при переводе), менее употребительными являются стилистические трансформации (сохранение эмоциональности и образности, перевод метафоры и метонимии).

Список использованных источников

1. Википедия: официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 21.01.2026).
2. Жолос Л.М., Шевченко М.С. Терминологические и нетерминологические особенности перевода военно-правовой документации / Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 6. – С. 152–162.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк. – 1990. – 253 с.
4. Медведева М.С. Лексические особенности перевода экологических терминов / В сборнике: Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации. материалы XI Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону. – 2024. – С. 284–287.
5. Мякшин К.А. Разнообразие подходов к определению понятия «термин» // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота. – 2009. – № 8 (27): в 2 ч. Ч. II. – С. 109–111.
6. Мультитран словарь: официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.multitrans.ru/> (дата обращения 20.01.2026).

УДК: 378.14

ИГРОВЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ ДЕЛОВОМУ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ РОССИЙСКИХ ГУМАНИТАРНЫХ ВУЗОВ

Му Цзянмин,

аспирант кафедры теории и практики иностранных языков, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва

Аннотация. В статье рассмотрены основные игровые методы, используемые при обучении российских студентов деловому китайскому языку. Актуальность темы обусловлена ростом популярности китайского языка в России и необходимостью поиска эффективных методов при преподавании профессиональной лексики. Цель исследования – определение эффективных игровых методов обучения деловому китайскому языку.

Ключевые слова: китайский язык, игровые методы, российские студенты, геймификация, деловые игры.

The article discusses the main game methods used in teaching business Chinese to Russian students. The relevance of the topic is due to the growing popularity of the Chinese language in Russia, and the need to find effective methods for teaching professional vocabulary. The purpose of the study is to determine effective game methods for teaching business Chinese.

Keywords: Chinese language, gaming methods, Russian students, gamification, business games

Идеи использования различных игровых методов в процессе обучения, как школьников, так и студентов были предложены еще в середине XX в. такими «классиками педагогики», как К. Д. Ушинский и В. А. Сухомлинский. В начале XXI в. программист Н. Пеллинг предложил для внедрения игровых методов в обучение использовать термин «геймификация». С 2010 г. данный термин получил свое современное значение и трактуется, как «внедрение и адаптация элементов игры к неигровым событиям» [2, с. 35].

В последние годы игровые методы обучения все активнее применяются педагогами при обучении китайскому языку. Это связано с тем, что китайский язык достаточно сложен для восприятия российскими студентами. Отличная от европейской письменность, грамматика, лексика, принципы построения фраз и предложений, произношение, вызывают достаточно большое количество трудностей у российских студентов. Для преодоления этих трудностей требуется время, достаточно большие физические и умственные усилия [4, с. 15-20]. В связи с этим у многих студентов снижается мотивация и интерес к изучению китайского языка, в особенности при переходе к изучению специфической профессиональной лексики.

Многие специалисты, например, Ц. Му считают, что для повышения мотивации и эффективности процесса обучения, российским вузам необходимо предлагать своим студентам новые разнообразные, в том числе и игровые методики, способствующие совершенствованию учебного процесса. Игры выполняют важную роль при обучении китайскому языку, так как позволяют стимулировать память и критическое мышление, позволяют тренировать практику принятия самостоятельных решений, а

также повышать уровень владения языком за счет практики в виртуальной среде [8, с. 315–320].

За последние десятилетия специалистами в области геймификации образования создан целый ряд моделей обучения при помощи различных игровых методов. Они могут содержать как простые игровые элементы, например, беседы, карточки, презентации и т.д. Так и сложные проекты, представляющие настоящий игровой мир. Среди наиболее популярных, используемых в российских вузах можно отметить следующие модели: PBL – созданные Е. О. Акчеловым и Е. В. Галаниной; «Octalysis Framework» – разработанная Ю-Кай Чоу; специализированная модель для электронного обучения иностранным языкам [1, с. 118–119].

Различные игры являются одной из основных частей процесса геймификации образования. Игровые методы могут подразделять на разные вида: дидактические, ролевые, имитационные (деловые), соревнования и викторины. Использование таких методов позволяет добиться ряда результатов, в том числе:

- развить понимание и осознание особенностей грамматики и лексики;
- улучшить произношение и другие языковые навыки;
- получить практические навыки общения на китайском языке;
- «вникать» в реальные жизненные ситуации и принимать самостоятельные решения;
- повысить мотивацию студентов [6, с. 411].

Китайские специалисты, такие как Л. Цань и Ю. Сяоин, отмечают, что в современных вузах, в том числе и в российских, существуют определенные проблемы, связанные с курсами преподавания делового китайского языка. Широкие требования студентов, разнообразный и сложный материал, требует глубокого и тщательного изучения и анализа. При этом существующие в настоящее время учебные материалы не соответствуют потребностям студентов. Курсы делового китайского языка должны быть направлены на практическую деятельность, фактическое освоение реальных действий, формирования определенного опыта и готовых решений в сложных деловых ситуациях на китайском языке. Данные авторы отмечают, что одними из наиболее эффективных являются игровые методы с использованием различных программ, платформ и сервисов. Создание полноценного игрового курса помогает студентам быстрее и эффективнее осваивать деловой мир на изучаемом китайском языке [9, с. 25–31].

При этом необходимо отметить, что современные учебные программы в российских гуманитарных вузах разработаны без учета полноценного перехода на игровые модели. Несмотря на то, что элементы геймификации активно внедряются педагогами многих современных вузов, в большинстве из них использование является частичным и не прописанным в официальных методических пособиях [3, с. 279–280].

Анализ опыта работы современных российских педагогов показывает,

что в процессе обучения китайскому языку используются различные игры без использования технологических элементов. Например, ролевые игры, в которых предлагается заказать еду в ресторане, найти дорогу до определенного исторического объекта и др. Игры на соревнование, где предлагается чтение, письмо или перевод на скорость. «Контекстные» игры, например, «Мимика», в которых язык заменяется жестами, но анализируется применение различных слов в разных ситуациях.

Для внедрения игровых методов и элементов педагогами могут использоваться различные современные средства и технологии. Наиболее популярными в российских вузах являются такие сервисы, как LearningApps (проектирование педагогических заданий) [4, с. 11]; Chinese Writer by Trainchinese (обучение написанию иероглифов) [7, с. 139]; Online Test Pad (конструирование тестов, опросов, кроссвордов и т.д.) [4, с. 18]; Wordwall (разработка разнообразных многоуровневых заданий) [4, с. 18]; AnkiApp (виртуальные карточки с иероглифами) [7, с. 140].

Данные сервисы позволяют разнообразить обучение на всех этапах изучения и повысить эффективность освоения китайского языка. При этом такие платформы, как AnkiApp и Chinese Writer by Trainchinese более эффективны на начальных этапах обучения и не дают достаточных результатов при изучении делового китайского языка.

По мнению ряда специалистов, в том числе М. Б. Земш, З. М. Кинжемуратовой, Е. Д. Кралиной и др., одним из наиболее эффективных методов в процессе обучения профессиональному китайскому языку является деловая игра. Данный метод позволяет «прожить» заданную ситуацию в режиме реального времени и освоить все необходимые действия [5, с. 59].

Деловые игры, в отличие от ряда других методов, позволяют:

- формировать представление о выбранной профессии;
- приобретать предметно-профессиональный и социальный опыт;
- развивать профессиональное мышление;
- формировать профессиональную мотивацию за счет познавательной.

Тематика деловой игры должна максимально соответствовать профилю будущей профессии и быть знакомой студентам. Каждый участник получает свою роль и исполняет ее на протяжении всей игры. Деловая игра может быть как короткой, рассчитанной на одно занятие или даже одну беседу, или продолжаться на протяжении какого-либо времени, например, семестра [6, с. 410].

Деловая игра может быть разработана просто на бумаге с использованием печатных носителей или с применением современных технологий и сервисов. В зависимости от стоящих перед педагогом задач, могут быть использованы как перечисленные выше специализированные сервисы, так и различные электронные журналы, виртуальные карты, чат-боты и т.д. [7, с. 147].

Анализ опыта современных российских и китайских педагогов

показывает, что в настоящее время существует достаточно много игровых методов, способствующих эффективному обучению китайскому языку. При этом многие из них наиболее эффективны лишь на ранних стадиях обучения. Но ряд методов может быть использован и при изучении профессиональной терминологии. Учитывая сложность особенности китайского языка, специалистам, стремящимся работать в Китайской народной республике, необходимо точно знать и полноценно понимать какие фразы, и в каких ситуациях можно и нужно использовать.

На основании существующих игровых методов была создана игра, способствующая повышению уровня владения деловым китайским языком. Игра «Устройство на работу» предполагает демонстрацию ряда профессиональных качеств студентов, желающих после обучения устроиться на престижную должность в китайской компании. Игра проходит в 2 этапа:

1 – добраться до места проведения собеседования: используется виртуальная карта на компьютере или планшете, на которой в ряде мест по пути следования располагаются подсказки на китайском языке, способствующие быстрому поиску адреса;

2 – прохождение собеседования: студенты делятся на пары: «работодатель» и «соискатель», первому участнику предлагается список вопросов для собеседования, его задача определить насколько соискатель подходит на предлагаемую должность; второй участник должен доказать свои профессиональные качества, знание области деятельности и наличие определенных деловых качеств.

В ходе деловой игры студенты общаются исключительно на китайском языке под наблюдением преподавателя. Использование виртуальной карты помогает лучше изучать китайские города и «осваиваться на местности». А прохождение собеседования помогает не только лучше осваиваться с произношением профессиональной терминологии, логично и точно выстраивать фразы, но и готовит студентов к последующему процессу трудоустройства в Китае.

Для подтверждения эффективности использования деловой игры на занятиях по китайскому языку был проведен опрос студентов. В ходе опроса 84% опрошенных (42 чел.) сообщили, что в процессе «живого общения» быстрее и эффективнее усваиваются особенности произношения профессиональной лексики, ускоряется мышление в отношении представления собственных профессиональных качеств, а также проходит страх общения и прохождения собеседования. Деловая игра «Устройство на работу» помогает лучше сформулировать свои сильные стороны, определить проблемные моменты, подготовиться к последующему поиску места работы и прохождению собеседования.

Подобные деловые игры и другие игровые методы обучения могут быть использованы преподавателем на занятиях по деловому китайскому языку без особого изменения учебной программы. Они могут внедряться

как на этапе изучения новой темы, так и для закрепления пройденного материала.

Деловые игры при изучении профессионального языка могут проводиться как в рамках аудитории в режиме реального времени с «живым общением» между студентами, так и с использованием современных технологий в виде виртуального мира, позволяющего осваивать различные моменты выбранной профессии. Первые не требуют больших трудовых и технологических затрат со стороны педагога и вуза, но являются не менее эффективными.

Деловые игры позволяют быстрее осваивать на практике необходимую профессиональную лексику, снимают психологический барьер страха живого общения, повышают мотивацию к более глубокому изучению китайского языка в профессиональной сфере. Таким образом, они являются наиболее эффективными из игровых методов при обучении деловому китайскому языку.

Список использованных источников

1. Акчелов Е. О. Новый подход к геймификации в образовании // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2019. – № 1 (32). – С. 117–132.
2. Артамонова В. В. Развитие концепции геймификации в XXI веке // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – Т. 10. – № 2-2. – С. 37–43.
3. Банных Г. А. Геймификация в университетском образовании: сравнительный анализ практик // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы III Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 21-22 апреля 2017 г.: в 2-х т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. – 2017. – Т. 1. – С. 277–280.
4. Баркова Т. И. Геймификация как средство формирования мотивации к изучению китайского языка // Научные горизонты. – 2021. – № 9(49). – С. 10–21.
5. Земш М. Б. Новые технологии организации деловой игры. Орехово-Зуево: МГОПИ. – 2008. – 59 с.
6. Кинжемуратова З. М. Роль деловой игры при изучении китайского языка // Молодой ученый. – 2020. – № 24 (314). – С. 409–411.
7. Кралина Е. Д. Игровые методы обучения китайскому языку студентов вузов // Преподаватель XXI век. – 2020. – №2-1. – С. 137–147.
8. Му Ц. Реализация игровых методов обучения китайскому языку в российских гуманитарных вузах // Технологии обучения русскому языку как иностранному и диагностика речевого развития: материалы XXIII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3 окт. 2024 г. / под ред. Т. Н. Мельниковой (отв. ред.) [и др.] Минск. – 2024. – С. 317–320.
9. 刘倩, 于晓盈. 游戏化课程设计及新型教学法在商务汉语中的综合应用 // International Journal of Chinese Language Teaching. Vol. 3, no. 1. pp. 24–35 (Цань Л., Сяоин Ю. Комплексное применение дизайна курсов геймификации и новых методов преподавания делового китайского языка // International Journal of Chinese Language Teaching. – Т. 3. – №1. – С. 24–35).

УДК 821.111

МОТИВНЫЙ АНАЛИЗ РОМАНА Д. БРАУНА «КОД ДА ВИНЧИ»

М. В. Норец,

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье анализируется система ключевых мотивов в романе Дэна Брауна «Код да Винчи», образующая концептуальное единство произведения. Основное внимание уделяется мотиву фатума, предопределяющего жизненные пути главных героев – Софи Невё и Роберта Лэнгдона. Рассматриваются также связанные с ним мотивы путешествия-поиска, испытания, веры, загадки и преобразования. Делается вывод, что взаимосвязь этих мотивов раскрывает центральную тему романа – поиск истины, бросающий вызов устоявшимся догмам, и определяет развитие персонажей через серию судьбоносных испытаний.

Ключевые слова: мотив, символы, фатум, мотивный анализ, «Код Да Винчи».

Summary. The article analyzes the system of key motifs in Dan Brown's novel "The Da Vinci Code", which forms the conceptual unity of the work. The main focus is on the fate motif, which determines the life paths of the main characters – Sophie Neveu and Robert Langdon. The related motives of the journey are also considered-search, trial, faith, mystery and transformation. It is concluded that the interrelation of these motives reveals the central theme of the novel – the search for truth, challenging established dogmas, and determines the development of the characters through a series of fateful trials.

Key words: motive, symbols, fate, motive analysis, the Da Vinci Code.

В произведениях Дэна Брауна легко найти богатую систему повторяющихся мотивов. Именно система мотивов образует цельную основу и выражает концептуальное единство созданной автором картины мира, без анализа которого трудно понять многие проблемы и аспекты творчества.

Текст романа «Код да Винчи» как бы аккумулирует поиски писателя, концентрирует все важные для Брауна смыслополагающие мотивы фатума, истины, веры, зла, власти, порядка, памяти о прошлом, знания, путешествия и многие другие.

Тема судьбы как жизненного пути личности так или иначе звучит в произведениях подавляющего большинства писателей. Однако нередко в литературе встречается и несколько иное понимание судьбы, рока, предначертания, за пределы которого человек едва ли способен вырваться. Именно так понимали судьбу древние. Несмотря на это, их верования и представления занимали и занимают умы мастеров и мыслителей позднейших эпох. Мотив фатума, предстающей в различных ипостасях – испытания, рока, жизненного пути – является одной из значимых тем в творчестве Д. Брауна.

Проследим роль фатума на примере жизненного пути героини романа Софи Невё. Первым судьбоносным событием в ее жизни была автокатастрофа, произошедшая много лет назад с ее семьей. По воле судьбы она осталась жива, в то время как ее родители и брат погибли. Вырастил ее Жак Соньер, представившись ее дедом. Он растил ее так, будто с самого

детства готовил к чему-то великому. Но, мы видим, что судьба опять вносит свои коррективы в ее судьбу, разлучая их с Соньером. По воле случая, однажды Софи возвращается домой ранее и обнаруживает дедушку за выполнением ритуала – это разлучает Софи с Соньером на долгие годы. Их «встреча» оказывается шоком для Софи, ведь Соньера уже нет в живых, но он оставил ей знаки, которые она должна была разгадать с помощью талантливого профессора Роберта Лэнгдона.

И так, появляется новый персонаж – профессор религиозной символогии из Гарвардского университета Роберт Лэнгдон. Говоря о фатуме, нельзя сказать, что все, что происходит в нашей жизни – предопределено, ведь человек все же принимает решения. Мы не можем с точностью сказать, как Роберт Лэнгдон оказался в Париже, но он там оказался именно в тот момент, когда произошло убийство Жака Соньера. Все действия, которые мы наблюдаем в книге, крепко связаны между собой, одно действие влечет за собой другое, точно так же как и в жизни.

Возвращаясь к героине, нужно отметить, что читатель, узнав конец романа, должен осознать то, что ее жизнь с самого рождения была предопределена, и все, что с ней происходило на протяжении всей жизни, привело ее к осознанию истины своего происхождения.

Говоря о Лэнгдоне, кажется, что никто, и даже он, подумать не могли о том, что в будущем его ждет великая миссия, но это было предопределено заранее, и события его жизни способствовали этому.

Мотив путешествия – один из самых распространенных и древних в мировой литературе. Разумеется, это не случайно. В древности, когда еще не было современных средств коммуникации и связи, путешествие было одним из немногих способов расширить свой кругозор. В то же время военные походы и торговые караваны также подразумевали путешествие по суше или по морю. Однако существует еще одно измерение путешествия – символическое, философское. Человеческая жизнь – это тоже своего рода путешествие. А внимание авторов художественных произведений всегда было направлено на человеческую судьбу, на развитие личности и событий, влияющих на нее. Пестрая смена фона, оторванность героя от привычного образа жизни, драматичность ситуаций, заставляющих то и дело совершать выбор – все это представляет благодатное поле деятельности для тех, кто стремится показать личность в развитии, что мы и видим в романе Д. Брауна «Код Да Винчи» [7, с. 84].

Нетрудно заметить, что в большинстве случаев путешествие героя – это не бессмысленное блуждание, а целенаправленное движение. Однако цель и причины путешествия могут быть различными. Так, главные герои «Кода Да Винчи» Д. Брауна путешествуют не по своей воле, находясь в опасности, они пытаются раскрыть тайны, которые должны спасти им жизнь.

В литературной традиции весьма распространена и другая разновидность путешествия – поиск. Впрочем, и путешествие Роберта

Лэнгдона и Софи Невё своего рода поиск – они искали ответы на поставленные перед ними загадки. Героям приходится отыскивать то, о чем они знают лишь понаслышке. Гиперболизированным выражением подобной ситуации является сказочная формула «пойди туда, не знаю куда». Однако даже если направление поиска и его цель более или менее определены, героям предстоит пройти через череду испытаний.

Можно привести и другой пример путешествия–служения. Это легенды о поисках Святого Грааля. Следует обратить внимание на различие между обычным поиском какого-либо значимого объекта с целью завладения им и поисками Святого Грааля. В последнем случае владение объектом невозможно, и самый достойный может быть лишь его хранителем. Благом, целью путешествия-поиска является зрелище чудес Грааля, которого удостоивается не просто тот, кто отважен и хорошо владеет оружием (чего зачастую достаточно для того, чтобы завладеть каким-либо предметом), но тот, кто добродетелен [3, с. 67].

Мотив испытания, который присутствует в любом путешествии, наиболее сильно звучит в романе Дэна Брауна «Код Да Винчи». Роберт Лэнгдон и Софи Невё проходят через огромное количество испытаний (побег из Лувра, преследования Безу Фаша, одержимый идеей Сайлас и помешанный на Святом Граале Лью Тибинг и т.д.), для того чтобы отыскать истину.

Одним из доминантных мотивов является образ дороги, ведущей к пониманию, искуплению и награде для познавших суть истины и осознавших суть. Этот мотив, возникнув в самом начале повествования, проходит через весь роман, трансформируясь во многие образы и символы: в конце повествования, он становится создающим и одновременно завершающим элементом в спиральной композиции романа.

Мотив веры также имеет место быть. Дэн Браун отказывается смириться с мыслью, что вера в Бога основана в неведении истины. Согласно идее романа «Код Да Винчи» церковь не знает о существовании потомков Иисуса. Хотя в одной точке в романе Лэнгдон говорит, что, возможно, тайна Грааля должна быть сохранена для того, чтобы позволить людям хранить свою веру, он также считает, что люди, которые искренне верят в Бога, смогут принять идею того, что Библия полна метафор, а не буквальных истин. Вера людей, иными словами, может не выдержать правду [8, с. 40].

Мотив превращения, который хорошо прослеживается в «Код Да Винчи», где кто-то показывает себя лишь с одной стороны, и по мере развития сюжета открывается его истинное лицо. Этот мотив проявляется не только в героях, но и в объектах, и все эти изменения происходят на протяжении всего романа.

Наиболее распространенным проявлением этого мотива является рассмотрение Грааля. С начала истории истинная сущность Грааля скрывалась от читателя, и была известна лишь некоторым персонажам

романа. Большинство читателей воспринимали Грааль как чашу, из которой Иисус Христос пил во время тайной вечери. Но, в ходе развития сюжета читатель узнает истинную сущность Грааля, которая заключается в том, что она представляет собой сборник документов, который бы мог поставить церковь перед непростым выбором.

Другое проявление этого мотива отображается в Ли Тибинге. Когда мы впервые знакомимся с ним, он нам кажется эксцентричной личностью, энтузиастом. В начале романа мы считаем, что он на стороне Лэнгдона и Софи. Но, в конце, мы узнаем, что он был Учителем, и использовал Софи и Лэнгдона только для того, чтобы добраться до Грааля. Хотя эти факты довольно легко обнаружить, но они все же хорошо были скрыты до этого момента.

Этот мотив встречается почти в каждом персонаже. Например, Верне, банкир помогавший Софи и Лэнгдону, узнав, что их обвиняют не только в смерти Соньера, но еще трех человек, угрожая пистолетом хотел забрать шкатулку. Или Фаш, превратившийся из обезумевшего искателя «преступников» в того, кто просто, как он думал, выполнял свою работу.

Мотив загадок проходит через весь сюжет произведения. С самых ранних лет Соньер тренировал Софи, оставляя ей анаграммы для расшифровки, даря ей криптекс либо заставляя находить подарки по подсказкам. И даже его смерть стала для нее загадкой. В то время как сюжет начинает набирать обороты, Невё и Лэнгдон постоянно сталкиваются с загадками, будь то послание Соньера, ключ с эмблемой «Приората Сиона», код, потребовавшийся в банке, расшифровка криптекса и т.д. Таким образом, мы видим, что загадки существуют везде, нужны лишь знания и воображение для их разгадки.

Мотив священного женского начала практически лежит в основе романа Д. Брауна «Код Да Винчи». Во время первой встречи Ли Тибинг рассказал Софи о подлинной личности Марии Магдалины, о том, что на самом деле она была вовсе не блудницей, а женой Иисуса Христа: «Я ведь уже говорил, брак Иисуса и Марин Магдалины зафиксирован в исторических хрониках...». Еще одним упоминанием послужило то, что Христос, чувствуя, что его вскоре схватят и распнут на кресте, наказывает Марии как править церковью: «Согласно всем этим изначальным Евангелиям, Христос давал указания о том, как строить Церковь, вовсе не Петру. А Марии Магдалине». Следовательно, и церковь должна была быть построена Марией Магдалиной.

Список использованных источников

1. Банжент М. Священная кровь и Священный Грааль / М. Банжент, Р. Лей, Г. Линкольн. – М. Всемирная литература. – 1982. – 186 с.
2. Бем А. Л. Мотив и сюжет. / А. Л. Бем. – Новосибирск.: Наука. – 1999. – 149 с.
3. Бок Д. Раскрывая код да Винчи / Д. Бок. – М.: Феникс. – 2005. – 273 с.
4. Браун Д. Код да Винчи / Д. Браун. – М.: АСТ. – 2004. – 314 с.
5. Жанровая палитра зарубежной литературы / К. М. Баранова, Л. Г. Викулова, С. А. Герасимова [и др.]. – Москва: Языки Народов Мира, 2025. – 265 с. – ISBN 978-5-

605-30344-2. – EDN NYSUTY.

6. Норец М. В. Мотив покаяния в романной прозе Ф. М. Достоевского: монография / М. В. Норец. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ». – 2021. – 232 с.

7. Норец М. В., Норец Н. К. Гностические «евангелия» и «фатумная» жизнь Иисуса в романе Д. Брауна Код Да Винчи / М. В. Норец, Н. К. Норец // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Том 7 (73) № 4. – С. 56–68.

8. Норец М. В., Цирульник В. И. Религиозно-философская идентификация романа Д. Брауна «Код Да Винчи» / М. В. Норец, В. И. Цирульник // материалы VII Международной научно-методической конференции «Филологические открытия». – Уссурийск, 23 мая 2019 г.

9. Рудзитис Р. Братство Грааля / Р. Рудзитис. – М.: АСТ. – 1994. – 149 с.

УДК 37:1174

THE ROLE OF DIGITAL LITERACY IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES TO CHILDREN

F. A. Ospanova,

candidate of Philological Sciences, senior teacher of the Foreign Language

Department

A. Sh. Baltynova,

PhD, associate professor

L. N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan, Astana

Аннотация. В статье анализируется цифровая грамотность как набор умений и навыков работы с цифровыми технологиями, необходимых для эффективного получения, обработки и использования информации. Особое внимание обращается на использование цифровых инструментов, онлайн-платформ, образовательных приложений и интерактивных ресурсов на уроках иностранных языков в начальной и средней школе. Подчеркивается, что развитие цифровой грамотности способствует повышению мотивации учащихся, развитию коммуникативных навыков и индивидуализации обучения. Также рассматриваются педагогические возможности и трудности внедрения цифровых технологий, включая необходимость методической подготовки учителя и учет возрастных особенностей детей. Делается вывод, что интеграция цифровой грамотности в обучение иностранным языкам является важным аспектом повышения качества языкового образования и формирования ключевых компетенций учащихся в цифровом обществе.

Ключевые слова: интерактивность, доступность, мотивация, технологии, инновации, гибкость, креативность, цифровая грамотность, интерактивные средства, организаторы

Summary. The article highlights digital literacy as essential skills for using digital technologies to access and process information. It stresses the importance of digital tools and interactive resources in foreign language lessons for primary and secondary schools. By enhancing digital literacy, students' motivation and communication skills improve, and learning becomes personalized. The article also addresses the educational benefits and challenges of digital technologies, such as the need for teacher training and consideration of children's age. It concludes that integrating digital literacy into language teaching is vital for improving education quality and developing key skills in a digital society.

Key words: interactivity, accessibility, motivation, technology, innovation, flexibility, creativity, digital literacy, interactive means, facilitators

With the strengthening of international relations and the need for qualified specialists who know foreign languages, the interest in early foreign language teaching has grown not only among methodologists, educators, and psychologists but also within society. The foundational approach to teaching foreign languages, which involves innate and hands-on learning from infancy until school age, emerged as a specialized field of education in the 19th century. By then, teaching children foreign languages from an early age had become popular in Russia. According to some sources, in 19th-century Russia, it was possible to meet children who could speak not just one but three foreign languages: English, French, and German. The problem of early foreign language teaching came to the head of pedagogical publications, being widely debated in the reports of Russian journals, and work of pedagogical, psychological, and methodological orientation of such leading methodologists as K. D. Ushinsky, E. Vodovozova, and E. I. Tikhieva. Preschool age is considered to be a very favourable age for learning a foreign language because children of this age possess the capability of easily absorbing linguistic phenomena [1, p.15]. The article aims at the formation of a stable interest in learning a foreign language at an early age, through country studies materials, and at creating conditions for the intellectual development of children. Theoretical analysis of psychological, pedagogical, and methodological literature on the problem of research; study and generalization of schools and higher educational institutions' experience; questioning; pedagogical observation; and performing practical-experimental work in accordance with the goals of the educational process. Nowadays, one of the urgent problems is the teaching of foreign languages, especially English, at an early age. This is explained by the further development of the country's political, economic, social, and cultural relations with foreign countries.

It is well known that adolescents have plenty of physiological and psychological opportunities for learning English at an early age. Most elementary school students are very interested in this new subject of English [2, p. 58]. If they can communicate orally, make a difference from the beginning, and make better progress than other subjects, they will achieve spiritual fulfilment [3, p. 17]. Reforms in the country, new strategic programs of economic development, the rapid process of informatization, and dynamic societal development have qualitatively changed the demands on the education sector in the 21st century. Currently, a new education system is being developed in the country, which is oriented toward integration into the world educational space. Information technologies have given an impulse to develop distance learning in education. First, it allows the student to independently choose the time and place for their studies. Second, this is the very opportunity to receive education from those who, under various circumstances, were deprived. As a rule, electronic textbooks are used in distance learning formats. In our opinion, the effectiveness of these textbooks is in their mobility and, secondly, in the ability to be used anywhere due

to the development of computer networks. The creation of electronic textbooks gives room for constant updating of educational materials. These textbooks include a wide variety of exercises and examples. Besides, electronic textbooks give the possibility of knowledge assessment with computer-based testing. A multimedia computer is not only a new tool for information delivery; it is also a device that demonstrates the "face-to-face" model. Furthermore, it highlights the individualization characteristic of information-reference systems, which is unique to computers [4, p.14]. What is an electronic textbook, and how does it differ from a traditional textbook? An electronic textbook generally involves educational, testing, modelling, and other programs and the core content of academic subjects on computer disks. An electronic textbook usually supplements a traditional textbook and is most effective in the following situations: Studying without assessment: The student learns the material without being tested. Studying with assessment: At the end of every topic (or paragraph), the student is asked several questions to check whether he or she has mastered the material.

Knowledge is checked by testing. It is well known that the ability to work in a certain field requires theoretical knowledge and practical experience in performing work in it, i.e., in solving typical problems. And all this is connected with the capability of creating mathematical models of processes and phenomena, the development of algorithms of solutions and their implementation in program form. A series of model-based programs has been integrated into the electronic textbook, which graphically illustrates structures and the operation of algorithms. This not only provides students with more comprehensible material but also contributes to the development of their cognitive and sensory activities.

The result of such work is an electronic textbook prepared in two versions: one for use on a computer network and another for classroom teaching. It meets the demands of modern computer-based teaching tools. Firstly, it includes modern multimedia methods of information access as part of the educational program. Secondly, it includes interactive means of knowledge assessment and self-assessment. Thirdly, considering the current shortage of textbooks, it can be stored on a disk for use at home on a computer. If placed on a server, its accessibility is unlimited.

In recent years, there has been widely discussed the question of using new information technologies. Such technologies are not only new technical tools and new forms but also new methods of teaching and a different attitude to the very process of education. The development and perfecting of the students' communicative competence is the main objective. Teaching foreign languages will provide them with an opportunity for the practical use of a foreign language. The teacher's task is to create conditions for each student to master the foreign language in practice, and to choose teaching methods that allow students to express their creativity and activity. The stimulating function of a teacher is to stimulate students' cognitive activities in the process of foreign language learning. The usage of modern pedagogical technologies, such as the project method, the use of new information technologies, and internet resources, is guaranteed to

ensure an individual approach to teaching. Traditional approaches to language teaching, which often depend on rote memorization and repetitive exercises, can quickly diminish the natural curiosity of young children. On the other hand, technology turns learning into an engaging and interactive experience. Educational apps and platforms are crafted with vibrant visuals, playful characters, and game-like features. For example, a child may earn points for accurately identifying colors in the target language or unlock new levels after mastering a group of vocabulary words. This aspect of "gamification" appeals to children's inherent desire for play and success, making the challenging process of learning a new language seem enjoyable and effortless [3, p.10]. The immediate positive feedback from these digital tools reinforces correct usage and boosts confidence, promoting ongoing exploration. Each child learns at their own pace and has distinct strengths and weaknesses. In a conventional classroom, it can be difficult for one teacher to accommodate the individual learning paths of 20 or 30 students. Adaptive learning technologies specifically tackle this challenge. Advanced software can analyze a student's responses in real-time, pinpointing areas where they struggle and automatically adjusting the difficulty of future tasks. A student who excels in vocabulary but has difficulty with sentence structure can be guided through tailored exercises that offer additional practice where it is needed most. This approach ensures that no child falls behind due to the group's pace, and no child becomes disengaged with material they have already mastered.

Moreover, technology grants learners a level of autonomy, enabling them to revisit lessons, practice pronunciation privately with speech recognition tools, and delve into topics that pique their interest, fostering a more ownership-driven learning experience. In summary, the impact of Information Technology on early foreign language education is revolutionary. By harnessing its potential to engage through gamification, create immersive experiences, and provide personalized feedback, educators can cultivate an environment that is not only more effective but also aligns better with the natural learning tendencies of young children. When implemented thoughtfully, IT complements the role of the teacher, becoming an invaluable partner in developing true linguistic skills and a lifelong passion for languages.

As a result, possibilities of using internet resources are extensive. The use of new information technologies in the process of teaching English can activate the cognitive activities of the students in acquiring new linguistic material and increase their interest in the subject. Moreover, information technology tools provide opportunities to use the presented material as highly visual aids, broaden the range of exercises included in the teaching process, and ensure the revitalisation of the learning process through continuous interaction. All this contributes to forming a positive attitude among students toward the material being taught. In conclusion, the objectives of improvement, during the process of learning English, in children, include improved development of thinking, feelings, attention, imagination, will, memory, and speech. Also, due to studying the

English language at school, children become more cognizant about the phenomena of their mother tongue. The children learn how to communicate with each other and to work independently and monitor other students' work.

The integration of digital literacy into teaching foreign languages to children is now essential. It's more than just using flashy apps or digital worksheets; it's a shift in how we view language learning. Instead of memorizing, language becomes a tool for global connection, creativity, and critical thinking.

Digital literacy allows children to go beyond the traditional classroom. It offers real-world contexts where language is used to explore virtual worlds, work on international projects, create digital stories, and access cultural materials. This approach not only enhances language skills-listening, speaking, reading, and writing-but also builds cultural awareness through digital platforms. Children become active participants, navigating and creating content in the target language [5, p. 67–68].

Teachers play a crucial role as facilitators and mentors. They help students navigate the digital world safely and ethically, differentiate between reliable information and misinformation, engage respectfully online, and protect their digital presence. Digital literacy in language learning is about responsible citizenship and communication.

In today's world, tablets are as common as picture books for children, and foreign language teaching is changing a lot. Digital literacy-knowing how to use and understand digital tools – is now a key part of education. It offers great benefits in teaching languages to young learners but also has some challenges. Balancing these is crucial for real language and cultural learning today. Digital literacy has many advantages. It makes learning languages more real. Apps can adjust difficulty, give instant feedback, and suit different learning styles. A child struggling with French verbs can get extra practice, while another can move to harder topics, helping them succeed [6, p.18].

A big benefit is moving from passive learning to active creation and communication. Digital literacy allows kids to be creators. They can make digital stories, record videos, work on online projects with peers abroad, or have simple conversations in a new language in a safe virtual space. This hands-on approach is like natural language learning and builds important skills. However, there are challenges. One is the gap between using technology and using it well for learning. A child might use a tablet but not know how to find reliable information or use tools for deep learning instead of just fun. Teachers must guide students in digital citizenship, teaching them to think critically about the digital world.

Another challenge is cognitive overload and scattered attention. Interactive apps can engage but also overwhelm. An app full of games might focus on points rather than grammar, leading to passive clicking instead of active understanding. This can shorten attention spans, making it harder to focus on complex tasks. Educators and parents need to choose digital content carefully, focusing on quality, not just screen time. There's also the issue of unequal access to technology. Not everyone has reliable devices or fast internet, which can widen

educational gaps. Some teachers may not be comfortable with digital tools, leading to avoiding useful tools or using them poorly. Professional development is essential to bridge this gap. In conclusion, digital literacy in teaching foreign languages to children has both opportunities and challenges. It offers authentic, personalized, and engaging experiences but requires careful handling of critical thinking, cognitive load, and equal access. The key is to balance traditional and digital methods. By equipping teachers and students with the skills to use technology wisely and creatively, we prepare them to speak new languages and navigate the digital world confidently.

References

1. Stupina S. Technologies of interactive learning in Higher Education: a teaching aid / S. B. Stupina. – Saratov: Science. – 2009. – 52p.
2. Suvorova N. Interactive Learning: New Approaches. Moscow. – 2011. – 167 p.
3. Polat E. S. Internet in foreign language lessons [Internet na urokakh inostrannogo yazyka] // FLS – № 2,3. – 2001. – P.14-19.
4. Gladilina I. P. Some methods of working at the lesson of the English language//Foreign languages at school – №3. – 2003. – P.25.
5. Gorina E. V. The Formation of Students' Digital Literacy in Foreign Language Lessons: Problems and Solutions. *Pedagogical Education in Russia*, (5). – 2020. – P.70.
6. Solovova E. N. Methods of Teaching Foreign Languages: A Basic Course. M.: AST.– 2018.

УДК 81'25

ON THE ISSUE OF «TRANSLATOR'S FALSE FRIENDS» IN BUSINESS AND BUSINESS-RELATED TEXTS

E. Pavlenko,

*PhD, senior lecturer of the Faculty of Philology, St.Petersburg University,
St.Petersburg*

Summary. This paper deals with the issue of «translator's false friends» in business and business-related texts. The analysis has shown that paying attention to the context and nuances in meaning is essential while dealing with false equivalents. Translation of business and related texts requires substantial background knowledge and the translator's ability to keep pace with constantly changing vocabulary. Among the most popular translation techniques are equivalence and specification.

Key words: equivalence, «false friends», translation techniques, business-related texts

Аннотация. В настоящей статье рассматривается проблема «ложных друзей переводчика» в деловом тексте. Проведенный анализ показал, что при работе с «ложными эквивалентами» требуется уделять особое внимание контексту и оттенкам значения лексических единиц. Перевод делового текста требует от переводчика наличия значительных фоновых знаний и способности следить за изменениями в словарном составе. Среди выявленных приемов перевода «ложных друзей» можно отметить перевод с помощью существующего эквивалента и конкретизацию.

Ключевые слова: эквивалентность, «ложные друзья переводчика», приемы перевода, деловой текст

A false equivalent is a word that is partially or completely close or similar in sound form to a foreign language unit but has a different meaning. This can

also be called a delusion that arises when a person claims that two or more things are equivalent only because they have some similar characteristics, despite the fact that at the same time there are noticeable differences between them [1, c. 570–571]. A. Fedorov [4, c. 158] was one of the first to warn translators on the source of frequent mistakes in translation which he called «false equivalents» (false friends). Under the false equivalent the scholar understood a word that coincides in sound or graphic form with a foreign word but has a different meaning given their certain semantic proximity due to one common field of use. The concept of false equivalents introduced by A. Fedorov has inspired interest among linguists and translators and resulted in an array of works on the issue [2; 3; 7]. In this paper we will adhere to the concept of equivalence proposed by Mona Baker [6, c. 10]. According to her, an equivalent is a word in the target language which expresses the same meaning as the source language word. However, since equivalence is influenced by a variety of linguistic and cultural factors it is therefore always relative. M. Baker puts special emphasis on the issue of non-equivalence [6, c. 16], which is one of the major problems for translators in any sphere. Besides, similarly to A. Fedorov, she calls translators to be careful using loan words in the light of false friends (*faux amis*), which she defines as words or expressions which have the same form in two or more languages but convey different meanings.

However, whatever the differences in scholars' opinions as to what a false equivalent is or how this phenomenon should be called and classified, false equivalents remain one of the translation problems. This issue is relevant in business texts, given the ongoing business expansion and companies entering new markets. This business development leads to growing amount of documents, and since English remains the language of international business cooperation a demand for translation of business texts remains steady.

Let us study several examples. The term «productivity» is used in the sphere of management and economics to refer to the rate at which a company or a country produces goods or services (Cambridge Dictionary: productivity). It can be wrongly translated as «продуктивность» into Russian because of certain similarity in form and meaning. However, while «продуктивность» refers to a somewhat similar concept to «productivity», i.e. the quality or state of being capable to create value and being productive, there is a nuance – rather than being used in relation to the businesses or state economy it is applicable in cases when it is necessary to describe a quality of a hard-working person who is highly efficient at what they are doing. Therefore, it is advisable to pay special attention to the aforementioned nuances in translation process and to use an equivalent 'производительность' instead within business-related contexts.

1. English: «In all countries, failure to make sufficient progress on implementing structural reforms (for example, related to state-owned enterprises, governance, privatization, energy subsidies, and trade restrictions) to overcome long-standing structural deficiencies (such as persistently high unemployment rates, weak productivity growth, a large state footprint, and a heavy reliance on commodities) risks jeopardizing medium-term growth prospects» (IMF Regional

Economic Outlook, 2024, с. 12).

Russian: «В странах региона, которые полагаются на монетарное финансирование через центральный банк для финансирования своего бюджетного дефицита (Ирак, Тунис), может возникнуть новая волна инфляции. Во всех странах неспособность добиться достаточного прогресса в проведении структурных реформ (например, связанных с государственными предприятиями, управлением, приватизацией, энергетическими субсидиями и торговыми ограничениями) для преодоления застарелых структурных недостатков (таких как устойчиво высокий уровень безработицы, слабый рост производительности, значительная роль государства в экономике и сильная зависимость от сырьевых товаров) может поставить под угрозу среднесрочные перспективы роста».

The next example deals with the word «holding».

2. Although dollar depreciation may reduce the value of emerging market residents' holdings of dollar assets, it has also alleviated pressures on emerging markets' asset and funding markets (IMF Global Financial Stability Report, October 2025)

In order to communicate the meaning of the source text, rather than «холдинг» – which is an assonant to «holding» and hence would naturally be the first option on translator's mind, – this term is to be translated as «портфель», which is a collection of shares or other investments owned by a particular organization (Cambridge Dictionary: portfolio).

«Selection» is yet another term that has a false equivalent in Russian («селекция»). When speaking of recruitment process, the term «selection» means a specific stage at which the decision is made on which candidate screened for an opening at some company should be hired. Meanwhile, the term «селекция» in Russian belongs to the agricultural sector and is used to refer to the artificial process by which certain organisms are reproduced and perpetuated in the species in preference to others (Collins English Dictionary: selection). Therefore, it would be wrong to render this way the term «selection» within a text in the sphere of human resources and recruitment. Instead, we would recommend to resort to the translation technique of specification and translate this term as «отбор персонала».

3. English: «Selection is that part of the recruitment process concerned with deciding which applicants or candidates should be appointed to jobs» [5, с. 299].

Russian: «Отбор персонала является частью этого процесса, которая заключается в принятии решения относительно того, каких соискателей или кандидатов следует принять на работу».

The term «reference» might become a source of misinterpretations as well. This is attributable to the fact that in Russian there is an assonant term «референс» which has nothing to do with human resources. While in the source text by 'reference' the author meant a letter written by a previous employer or a colleague to describe a person and conclude whether they are suitable for a job (Cambridge

Dictionary: reference), in Russian the term «референс» is mainly used by artists when referring to a photo or an artwork on which the art created is based and which thus serves as an inspiration or a model for a new artist. However, the translator seems to have taken that into account and resorted to an equivalent as a translation solution choosing «рекомендации» as a more suitable option.

4. English: «The main purpose of a reference is to obtain in confidence factual information about a prospective employee» [5, с. 322].

Russian: «Цель рекомендаций – конфиденциально получить фактическую информацию о предполагаемом работнике, мнения о его или ее характере и соответствии должности».

Having studied the examples above, which were taken from business and related texts, we may conclude that «false friends» pose a real and quite frequent challenge for both translators and interpreters. The analysis conducted shows that paying attention to the context and nuances in lexical units' meanings is crucial while dealing with false equivalents. This task also requires substantial background knowledge and the translator's ability to keep pace with constantly changing vocabulary taking into account the fact that new concepts arise and require special attention in translation. Several ways to handle their translations in economic texts have been identified, namely equivalence and specification.

Список использованных источников

1. Апетян М. К. Ложные друзья переводчика в английском языке / М. К. Апетян // Молодой ученый. – 2014. – № 14 (73). – с. 533–603
2. Будагов Р. А. Ложные друзья переводчика // Человек и его язык. М.: Изд-во Моск. ун-та – 1976. – 362 с.
3. Пивоварова Е. В. Потенциальные "ложные друзья" переводчика во фразеологии немецкого и русского языков: сопоставительный аспект: автореферат дис. ... кандидата филол. наук [Дальневост. фед. ун-т]. Владивосток, 2021. – 27 с.
4. Федоров А. В. (2002[1953]). Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. пособие. – 5-е изд. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ» – 2002. – 416 с.
5. Armstrong M., Taylor S. Handbook of Human Resource Management Practice, 15th edition. KoganPage, London, United Kingdom, 2020 – 766 p.
6. Baker M. In Other Words: a Coursebook on Translation. London:Routledge, 2018 – 369 p
7. Cybova I. A. "Faux amis" en langues romanes = "Ложные друзья переводчика" в романских языках: petit dictionnaire, aide au traducteur – Mode of access: URL: https://primo.nlr.ru/permalink/f/df0lai/07NLR_LMS012074582 (дата обращения: 10.12.2024)

УДК 821.111(73).09

ТЕМА ДЕТСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СТИВЕНА КИНГА

*Е. В. Парацкий*²⁰,

обучающийся, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Ялта

Аннотация. В статье анализируются образ ребёнка и концепция детства в произведениях Стивена Кинга в контексте современной американской литературы. С этой целью образ ребёнка в произведениях Стивена Кинга исследуется в мифологическом, психоаналитическом и социокультурном аспектах.

Ключевые слова: тема детства, образ ребёнка, инфантильная регрессия, С. Кинг.

Summary. This article analyzes the image of the child and the concept of childhood in Stephen King's stories in the context of contemporary American literature. For this purpose, the figure of the child is investigated diachronically and synchronically and the child characters in S. King's major stories are examined in mythological, psychoanalytic and sociocultural aspects.

Key words: topic of childhood, child's image, infantile regression, Stephen King.

Цель исследования – интерпретировать концепцию детства и образы детей в творчестве С. Кинга в связи с культурными и литературными традициями США. В статье ставятся следующие задачи:

- проанализировать мифологический и психоаналитический аспект детского образа в произведениях Стивена Кинга;
- исследовать концепцию детства в рассказах Стивена Кинга.

Актуальность исследования заключается в изучении детской тематики и трактовке образа ребёнка в произведениях Кинга. Научная новизна статьи заключается в рассмотрении концепции детства в контексте литературы ужасов и произведений Стивена Кинга с разных точек зрения, таких как мифологическая, психоаналитическая и социокультурная.

Очевидно, что тема детства является одной из важнейших в мировой литературе. В течение многих лет образ ребёнка и восприятие детства были обязательными во всем мире, и, несмотря на это, отношение к образу ребёнка кардинально изменилось. Появление «нового литературного ребёнка» было тесно связано с революцией в восприятии так называемого «романтического возрождения» [3, с. 29]. В отличие от других стран, в Америке ребёнок был более свободен в выборе своей судьбы. В контексте знаменитой «американской мечты» ребёнок стал главной фигурой общества. Романтическая идея интуитивного, чистого восприятия мира ребёнком имела особое значение для американской литературы.

Образ ребёнка в английском и американском романтизме был вдохновлён идеями Ж. Ж. Руссо, одного из выдающихся философов эпохи Просвещения. Он обратился к теме отношения общества к ребёнку и рассматривал её как парадигму невинности, утверждая, что дети от природы чисты, и их чистоту необходимо защищать от соблазнительного влияния общества. В то время как художественная литература XVIII века игнорировала ценность фигуры ребёнка и рассматривала его как «взрослого

²⁰ Научный руководитель: д.филол.н., профессор Г.И. Лушникова

в миниатюре», романтизм подчёркивал основные качества ребёнка и детства. Дети воплощают в себе высшие идеалы романтизма, такие как невинность, красота, гармония, бессознательность и поэзия, и поэтому писатели-романтики рассматривали детей как атрибуты идеального мира и идеальный инструмент для выражения своих идей.

В XIX веке ребенок изображался как существо, близкое к природе и Богу и противопоставлялся испорченному миру взрослых. Образ ребёнка развивался в поэзии У. Вордсворта, в лирике Г. Гейне, в произведениях Ч. Диккенса (Оливер Твист) и М. Твена («Приключения Тома Сойера» и «Приключения Гекльберри Финна») и др. Детство в литературе периода XIX века характеризовалось социальной проблематикой, реалистичными психологическими образами и идеализацией невинности и чистоты.

В истории начала XX века особый вклад в развитие образа ребенка внесли представители английской литературы Дж. Джойс, К. Мэнсфилд, Д. Х. Лоуренс и В. Вульф. «Жестокость, тирания, садизм, лицемерие составляют в их произведениях часть натуры ребёнка наряду с человечностью, бескорыстием, готовностью к самопожертвованию и воображением – такое завораживающее разнообразие черт, которое можно объяснить осознанием писателями иррациональной составляющей детской натуры, производящей эффект очень реалистичной картины» [10, с. 54].

Ребёнок почитается как чистый образец нравственного человека, и следующая цитата подтверждает сказанное: «если ты не изменишься и не преобразишься, как маленький ребёнок, ты никогда не попадёшь на Небеса» [11, с. 42]. В разные времена Джордж Боас («Культ детства»), Александр Ф. Чемберлен («Ребёнок и детство в народном мышлении»), Михаил Бахтин, Карл Юнг и другие учёные ссылались на представление о ребёнке и детстве по-разному.

Одним из современных американских писателей, который использует образ ребёнка в своих произведениях, является Стивен Кинг. Тематика детства занимает в творчестве Стивена Кинга большое место. Он поднимает такие темы, как отношение детей и родителей, отношения между друзьями и их внутренний мир. «Девочка, которая любила Тома Гордона», «Кэрри», «Кладбище домашних животных», «Сияние», «Мертвая зона», «Тело», «Дети кукурузы», «Иногда они возвращаются», «Детки в клетке», «Возвратившийся Каин», «Обезьяна» – некоторые из его работ, которые освещают образ ребёнка и детство в целом.

Мы считаем, что тема детства в произведениях Стивена Кинга может быть исследована с мифологической и психоаналитической точек зрения.

Рассмотрим мифологический аспект. Повесть под названием «Тело» состоит из 27 глав и отличается от многих других произведений С. Кинга. Полуавтобиографическое произведение содержит ещё «авантюрный сюжет» и повествует о 12-летнем мальчике по имени Гордон, который проходит через несколько испытаний и, наконец, осознает, что он взрослый и настоящий писатель. Одним летним днём группа из четырёх мальчиков

(всем по 13 лет) узнает о гибели подростка в лесу и не может устоять перед искушением пойти поискать его тело. Во время своего путешествия они сталкиваются с разными странными вещами и опасностями, которые становятся поворотными моментами в их жизни, и ребята оказываются на пороге во взрослую жизнь. Вскоре Гордон узнает о смерти трёх своих друзей. Он не позволяет себе опустить руки, но и не может забыть того, что чувствовал, а вскоре решает написать обо всех своих переживаниях в книге. Канонический путь «мифологического приключения» героя представлен в порядке прохождения: расставание – посвящение – возвращение [12, 10]. Гордон – это мифологический герой, который уходит из повседневной жизни в область сверхъестественного, где сталкивается с магическими силами и побеждает их.

Подзаголовок главы повести – «Утрата невинности» перекликается с поэтическим циклом Уильяма Блейка. Герои книги переживают нечто знаменующее их собственную зрелость. Кинг не случайно выбрал для своего рассказа конец лета и начало осени: это время созревания плодов и сбора урожая. Мальчики, в переносном смысле, тоже будут собирать свой урожай, и то, что они узнают во время этой экспедиции, изменит их жизнь. Они вот-вот вступят в новый этап своей жизни в академическом смысле: их ждёт средняя школа, и им придётся решить, пойти на подготовительные курсы к колледжу или придерживаться курсов, ориентированных на торговлю в магазинах.

В этой истории С. Кинг представляет довольно мрачный взгляд на общество. Взрослые в этом обществе подлые, лицемерные и слабые. Они не оказывают своим детям моральной и эмоциональной поддержки, в которой те нуждаются. Опасное путешествие друзей уводит их далеко от дома. Для этих подростков дом – это не место любви и идеального детства, а место, где пьяные отцы, слабые матери и агрессивные братья и сестры угрожают их повседневному существованию.

Артур У. Биддл рассматривает приключения этих мальчиков как типичный пример мифического путешествия, в котором герой должен пройти через различные испытания, чтобы вернуться новым человеком. Архетип путешествия лежит в основе серии сказок и мифологических сюжетов, где герой отправляется во внешний мир, подвергается испытанию, сталкивается с определёнными трудностями и затем возвращается [2, с. 83-97].

В рассказе «Плот» из сборника «Команда скелетов» Стивен Кинг раскрывает жизнь главных героев с помощью мотивов детской регрессии и подавления, чему посвящены некоторые работы Зигмунда Фрейда. Основная идея рассказа – влияние детства на взрослую жизнь.

Желая насладиться последним днём лета и отпраздновать окончание своего детства, четверо студентов колледжа отправляются искупаться в озере. Студенты настолько счастливы и жизнерадостны, что им не хочется думать о своём будущем. Их переполняют эмоции, они пытаются подавить

свои детские чувства и решают забраться на плот. После того, как они забираются на плот, происходят неожиданные события: в воде появляется таинственное существо, похожее на масляное пятно. Это существо воздействует на студентов и позволяет им впасть в гипнотическое состояние. Контакт с этим существом небезопасен, и, в конце концов, чудовище хватается всех, кто находится на плоту, и убивает их [Там же, с. 10-11]. Это существо символизирует иррациональные силы детства; взрослые больше не в состоянии бороться за них, и ребёнок должен сам выживать в любых испытаниях.

С психоаналитической точки зрения и в соответствии с основными принципами жанра ужасов Стивен Кинг использует образы детства, чтобы продемонстрировать пагубность регрессий в инфантильной стадии детского развития («Плот», «Иногда они возвращаются», «Библиотечная полиция»). Другой фрейдистской методикой, определяющей суть концепции детства Стивена Кинга, является лечение неврозов путём вытеснения неприятных детских воспоминаний и их дальнейшего влияния на эволюцию личности («Игра Джеральда», «Библиотечная полиция», «Обезьяна», «Слепой Уилли»).

Кроме того, в рассказе «Иногда они возвращаются» из сборника «Ночная смена» (1978), «Обезьяна» (1980) и в романе «Игра Джеральда» (1992) Стивен Кинг упоминал и ссылался на современные методы психоаналитиков, чтобы осветить особенности психологического мира детей.

В заключение мы можем сказать, что анализ детского образа в произведениях Стивена Кинга позволяет увидеть, как автор использует архетипические мотивы и глубокие психоаналитические концепции для создания пугающих и запоминающихся персонажей. Дети, как невинные и уязвимые существа, часто выступают в роли проводников между мирами, обладающими экстрасенсорными способностями и способными видеть то, что скрыто от взрослых. Детство, как период формирования личности и подавления инстинктов, часто становится центральной темой произведений Кинга.

Анализ рассказов Стивена Кинга даёт все основания полагать, что они ярко и убедительно отражают острые проблемы современного американского общества и западной цивилизации в целом. Автор целенаправленно использует фигуру ребёнка как символ целостности, проявления сознания и бессознательности, рассуждения о перерождении и смерти, стабильности между опытом и невинностью, ответственностью и независимостью, слабостью и силой и в то же время как болезненный переход во взрослую жизнь.

Список использованных источников

1. Alegre S. M. Nightmares of childhood: The child and the monster in four novels by Stephen King // Atlantis. 2001. № 1. P. 105-114.

2. Biddle A. W. The Mythic Journey in “The Body” // Dark Descent / ed. T. Magistrale. Westport: Greenwood Press, 1992. P. 83-97.
3. Coveney P. The Image of Childhood. L.: Penguin Books, 1967. 362 p.
4. Csetényi K. Fall from Innocence: Stephen King’s “The Body” [Электронный ресурс] // AMERICANA. 2009. Vol. V. № 2. Special Issue: Proceedings of the 2008 HAAS Conference. URL: <https://americanajournal.hu/vol5no2/csetenyi> (дата обращения: 10.10.2025).
5. King S. Different Seasons. N. Y.: Viking Press, 1983. 507 p.
6. King S. Skeleton Crew. N. Y.: Warner Books, 2017. 784 p.
7. McClelland M. Emerson and the Vision of the Child [Электронный ресурс]: PhD dissertation. Saint Louis, Missouri, 2011. URL: <https://openscholarship.wustl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1613&context=etd> (дата обращения: 21.01.2026).
8. Nenilin A. Stephen King and the Theme of Childhood in the Anglo-American Literary Tradition [Электронный ресурс]. URL: <https://studylib.ru/doc/2234763/stephen-king-and-the-theme-of-childhood-in-the-anglo> (дата обращения: 17.01.2026).
9. Parkhill C. The Prometheus of Paedophilia: Sexual Violence and Queer-Making in Stephen King’s “The Library Policeman” [Электронный ресурс] // Crossroads. 2009. Vol. III. Iss. II. Special issue – 2008 Rhizomes Conference. P. 99-109. URL: [http://www.uq.edu.au/crossroads/Archives/Vol 3/Issue 2 2009/Vol3Iss209 - 14.Parkhill \(p.99-109\).pdf](http://www.uq.edu.au/crossroads/Archives/Vol%203/Issue%202%202009/Vol3Iss209%20-%2014.Parkhill%20(p.99-109).pdf) (дата обращения: 21.01.2026).
10. Rivera A. The History of Children’s Literature: 19th Century to Today [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.bookstellyouwhy.com/the-history-of-childrens-literature-part-2> (дата обращения: 14.01.2026).
11. Tomalin M. Teacher’s notes. The Body by Stephen King [Электронный ресурс]. URL: https://www.pearsonelt.ch/download/media/9780582418172_fs.pdf (дата обращения: 10.12.2025).
12. Vasu S. Characteristics of a Childlike Heart [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sermoncentral.com/sermons/characteristics-of-a-childlike-heart-dr-stanley-vasu-sermon-on-character-91510> (дата обращения: 03.01.2026)

УДК 81’25

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ТРЕБОВАНИЯХ К КАЧЕСТВУ ПЕРЕВОДА

О. В. Петрова,

кандидат филологических наук, начальник Международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения», профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород

Аннотация. Использование машинного перевода и разнообразие услуг, предлагаемых на переводческом рынке, вызывают необходимость регламентировать использование машинного перевода и требования к качеству предоставляемых услуг. Необходимо распространить на размещаемые в публичном пространстве переводы требования к соответствию нормам русского языка, действующие в отношении ряда других видов публикуемых текстов. Представляется недопустимым размещение в

публичном пространстве машинных переводов без их предварительного редактирования. При подготовке переводчиков у студентов необходимо формировать понимание того, что программа машинного перевода – это не переводчик, а лишь инструмент, создающий нуждающийся в доработке полуфабрикат. У студентов нужно формировать все необходимые переводчику профессиональные компетенции, дополняя, а не подменяя их формированием навыков постредактирования.

Ключевые слова: переводческие услуги, машинный перевод, качество перевода, нормы переводящего языка, профессиональные компетенции переводчика, постредактирование, коммуникативно полноценный перевод, адекватный перевод.

Summary. The widespread use of machine translation and the diversity of services in the translation market make it necessary to regulate the use of machine translation and the quality requirements for the services provided. Translations displayed in the public domain should be subject to the same linguistic standards and norms of the Russian language that apply to other types of published texts. It is deemed unacceptable to publish machine translations without preliminary editing. In translator training, it is essential to instill in students the understanding that a machine translation program is not a translator, but merely a tool that produces a semi-finished product requiring further refinement. Students must develop a full range of professional translation competencies, which should be supplemented but not replaced by post-editing skills.

Key words: translation services, machine translation, translation quality, target language norms, professional translation competencies, post-editing, communicatively successful translation, adequate translation.

Появление машинного перевода и изменения, происходящие на рынке переводческих услуг, ставят множество вопросов как перед переводоведами, так и перед преподавателями перевода. С одной стороны, признание машинного перевода именно переводом заставляет пересмотреть многие казавшиеся устоявшимися представления о переводе, о его психофизической сущности, о переводе как о творческой интеллектуальной деятельности, о роли личности переводчика и многое другое (подробнее об этом см. у Петровой [5]). С другой стороны, все большее распространение использования машинного перевода на рынке переводческих услуг – и с глубоким, и с легким постредактированием, и даже в определенных ситуациях вообще без постредактирования – по-новому ставит вопрос о критериях оценки качества перевода.

Пересмотра подхода к оценке качества перевода требует и расширяющийся спектр переводческих услуг, предлагаемых сегодня переводческими агентствами. Если до недавнего времени все то, что В. Н. Комиссаров называл видами адаптивного транскодирования, рассматривалось как «не совсем перевод» (сам В. Н. Комиссаров говорил об их «парапереводческом характере» [4, с.48]), то сегодня агентства предлагают большой набор видов так называемого неполного перевода. Это и ознакомительный/сигнальный перевод, и сокращенный/конспектный, и выборочный/фрагментарный, и аспектный, и аннотационный перевод, и ряд других. Совершенно очевидно, что требования к качеству и каждого из них, и неполного перевода как такового не могут быть описаны в терминах классической теории перевода. Все это приводит к необходимости не просто обновления нашей отечественной теории, но, по сути, создания новой, с

новыми базовыми понятиями и новыми категориями.

Несомненно, со временем такая теория, охватывающая и человеческий перевод, и машинный, и все виды переводческой деятельности в целом, будет создана. Но фундаментальные теории складываются даже не годами, а десятилетиями. А как-то определять требования к переводам и регламентировать использование машинного перевода нужно уже сегодня. И, что не менее важно, сегодня, в этой новой ситуации нужно учить студентов, формируя у них общее понимание сути их будущей профессии и умение соотносить свои профессиональные действия с определенными требованиями к качеству получаемого результата.

Автору этих строк однажды пришлось столкнуться с ситуацией, когда у студента возник в буквальном смысле когнитивный диссонанс при попытке понять, почему перевод, выполненный по заказу некоего переводческого агентства, был принят заказчиком без замечаний и опубликован практически без какой-либо редакторской правки, а в университете был оценен преподавателем как неудовлетворительный. При этом сам студент понимал, что его перевод далеко не в полной мере соответствует традиционным требованиям полноты и точности, содержит большое количество лексических и даже грамматических погрешностей и в целом вряд ли может быть назван адекватным. Он не оспаривал отмеченные ошибки. Он пытался понять, почему перевод, который был признан приемлемым в агентстве, не был признан таковым преподавателем.

По мере того, как машинный перевод все активнее внедряется в нашу информационную среду и как расширяется сфера его использования, увеличивается разрыв между основанными на теории перевода критериями оценки качества и фактическими требованиями (точнее – фактическим уровнем приемлемости перевода), с которыми мы сталкиваемся на практике.

Нейросетевой перевод, перевод с использованием больших языковых моделей развивается и совершенствуется очень быстро. Тем более странно выглядит появление в информационном пространстве переводов, не просто не отвечающих требованию соответствия нормам и узусу переводящего языка, но и вообще, по сути, не являющихся текстами. Примером может служить размещенная на сайте OZON реклама измельчителя для сухих продуктов [Электромельница для зерна]. Приведем только первую часть описания свойств этого изделия:

Электромельница для зерна

1. Он имеет преимущества красивых особенностей фрезы типа качания: Новый пульверизатор с поворотной скоростью использует высокоскоростной однофазный двигатель в качестве мощности, может быстро дробить все виды мягких и твердых материалов, общая медичина всего за полминуты может быть раздавлена на 50-300 сетку, он надавливаются на 300 объективную тонкость всего за минуту, жемчуг измельчается в муку всего за две минуты, Как униформа, так и без потери.

Современная медицина является настоящим (аптека) незаменимым инструментом вместо традиционной медицины, миномета, эффективность работы в 50 раз, чем у ручной медицины, по желанию пользователя и похвалы!

Можно обсуждать причины появления такого перевода, уровень использованной программы, причины отсутствия постредактирования. Но можно всего этого и не обсуждать. В мире на всех языках без всякого перевода пишется огромное количество малограмотных и даже просто безграмотных текстов. Но существуют определенные правила, ограничивающие использование таких текстов в публичном информационном пространстве. Например, как пишет Е. С. Кара-Мурза, «русский язык в рекламе регулируется законодательно. Во-первых, Законом «О рекламе», императивы которого в ряде случаев говорят о языковом составе рекламных текстов непосредственно... Во-вторых, литературный узус в законодательно определенных сферах общения, включая рекламу, регулируется законом «О государственном языке Российской Федерации» [3, с. 345]. Более того, соблюдение норм русского языка в рекламе и при трансляции информационных ТВ-программ отнесено к задачам государственной политики в РФ [6]. Можно обсуждать правомерность или неправомерность отдельных лингвистических требований и степень обязательности выполнения каждого из них [2], но в любом случае бесспорным останется одно: в публичном пространстве не должны использоваться тексты, не написанные или не отредактированные в соответствии с существующими нормами русского языка. Это должно распространяться и на перевод рекламы (в том числе на описание свойств рекламируемых продуктов), и на перевод публицистических и научно-популярных текстов, и на перевод любых информационных сообщений.

Если руководствоваться этими принципами, то в публичном пространстве не должны использоваться машинные переводы, не подвергшиеся хотя бы легкому постредактированию, т.е. не приведенные по форме в соответствие с нормами и узусом переводящего языка.

Что касается тех или иных видов неполного перевода, то они, как правило, выполняются по индивидуальным заказам, предназначены для узкой, специализированной группы получателей, которым достаточно оговоренной в заказе информации, и редко размещаются в публичном пространстве. Характеризуя на своем сайте адаптивное транскодирование, Бюро Переводов МГТУ им. Н. Э. Баумана определяет его именно как индивидуальное языковое посредничество и отмечает наличие определенных правил изложения материала [Адаптивное транскодирование]. Оценка его качества – это вопрос частных отношений заказчика и исполнителя. На публикацию же (т.е. размещение в публичном информационном пространстве) любых видов полного перевода должны распространяться те же требования, что и на все прочие тексты.

Машинный перевод – это не более чем инструмент, обеспечивающий

быстрое получение чернового материала, полуфабриката, из которого переводчику предстоит сделать собственно перевод. И использование этого полуфабриката в качестве готового продукта недопустимо. Классические требования к качеству полного перевода в любом случае должны оставаться неизменными. Никакая автоматизация процесса перевода не может отменить требования адекватности. И именно такому переводу необходимо учить студентов, объясняя при этом две вещи.

Первое и, казалось бы, очевидное, что должен усвоить студент: программа машинного перевода создает не перевод, а полуфабрикат, обязательно нуждающийся даже не просто в постредактировании, а в доработке, в поиске более точных и уместных вариантов передачи того, что сказано в оригинале. Отсутствие грамматических ошибок – еще не показатель верности перевода. И простое исправление лексических ошибок тоже не гарантирует получения связного, целостного текста перевода, воспроизводящего смысл и логику оригинала.

Происходящая сегодня в некоторых вузах подмена обучения переводу обучением постредактированию приводит к тому, что студенты не приобретают необходимых переводчику профессиональных компетенций, не учатся воспринимать и воссоздавать текст как единое структурно-семантическое и коммуникативное целое, во всей полноте его внутритекстовых связей, а сосредоточивают свое внимание на отдельных предложениях, не воспринимая ни широкого лингвистического, ни имплицитного, ни – тем более – экстралингвистического контекста. Т.е. не учатся тому, что должно отличать человеческий перевод от машинного.

И второе, чрезвычайно важное для понимания будущим переводчиком процессов, происходящих на рынке переводческих услуг: индивидуальные требования работодателя к переводу конкретного текста в конкретной ситуации не означают, что эти требования применимы к переводу как таковому. Ни наличие машинного перевода, ни разнообразие требований к качеству перевода на рынке никак не влияют на базовое понимание перевода как создания на ПЯ текста, адекватного оригиналу. Студентам можно и нужно рассказывать о том, какие требования к переводу в различных ситуациях могут предъявлять и переводческие агентства, и индивидуальные заказчики. Но при этом необходимо учить их коммуникативно полноценному, адекватному переводу.

Список использованных источников

1. Адаптивное транскодирование. Электронный ресурс. <https://mtc.bmstu.ru/ru-adaptivnoe-transkodirowanie-chto-eto-takoe/> (дата обращения 17.01.2026)
2. Григорьев Д. Соблюдение норм русского языка в рекламе. Электронный ресурс. https://zakon.ru/blog/2017/07/05/soblyudenie_norm_russkogo_yazyka_v_reklame (дата обращения 16.01.2026).
3. Кара–Мурза Е. С. Русский язык в рекламе: возможности законодательного регулирования // Вопросы культуры речи – X / Отв. ред. А. Д. Шмелев. – М., АСТ-ПРЕСС КНИГА. – 2011. – С. 340–345.
4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. – М.:

ЭТС. – 2002. – 424 с.

5. Петрова О. В. Теория и практика перевода на новом этапе: дидактический аспект // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение: сборник научных трудов IX Международной научно-практической конференции. – Орёл: ОГУ имени И. С. Тургенева. – 2025. – С. 100–104.

6. Указ № 474 от 11.07.2025, утверждающий Основы государственной языковой политики РФ. Электронный ресурс. <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507110017> (дата обращения 16.01.2026).

7. Электромельница для зерна. Электронный ресурс <https://am.ozon.com/product/moshchnyy-izmelchitel-dlya-suhih-produktov-elektricheskaya-melnitsa-dlya-spetsiy-zerna-soli-muki-1469733014/> (дата обращения 10.01.2026).

УДК 811.112.2

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Е. П. Привалова,

кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет;

ст. преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва

Аннотация. Настоящая статья содержит анализ фразеологических единиц на материале немецкоязычной художественной литературы для младшего школьного возраста и обсуждает вопрос о выработке стратегий перевода фразеологизмов с учетом специфики возраста читательской аудитории. Рассматриваются общепринятые стратегии перевода фразеологизмов и специфические факторы, требующие внимания при переводе детской литературы.

Ключевые слова: немецкая детская литература, фразеологизмы в художественной литературе, перевод фразеологизмов, перевод детской литературы.

Abstract. This article analyzes phraseological units in German-language fiction for primary school students and addresses the choice of phraseological translation strategies tailored to the specific age of the readership. It examines generally accepted phraseological translation strategies and specific factors requiring attention when translating children's literature.

Key words. German children's literature, phraseological units in fiction, translation of phraseological units, translation of children's literature.

В современном лингволитературоведении функционирование фразеологизмов в художественном тексте, их стилистический, лингвокреативный потенциал и роль в формировании идиостиля писателя вызывает интерес многих исследователей. Таким аспектам фразеологии посвящены диссертации Е. В. Комаровой, М. В. Попковой, И. А. Туркулеца, А. А. Митиной, Г. Е. Сафьянниковой и др.

Целью настоящей статьи является выявление фразеологических единиц разных типов в текстах немецкоязычной художественной литературы, созданных для детской аудитории, анализ особенностей их функционирования и описание факторов, влияющих на процесс перевода.

Многими авторами подчеркивается, что фразеологизмы являются наиболее сложными элементами при переводе [ср. 7, с. 100; 1, с. 179; 11, с. 231].

Стратегии перевода фразеологизмов

З. Е. Роганова отмечает, что при переводе устойчивых сочетаний «прежде всего необходимо точно воспроизвести их смысловую функцию и стилистическую окраску. При этом передача стилистического оттенка гораздо важнее, например, передачи типа фразеологического оборота» [7, с. 100]. Кроме того, З. Е. Роганова считает сохранение образной основы необязательным, объясняя это отсутствием семантической самостоятельности отдельных компонентов.

Перед переводчиком встает ответственность за поиск максимально адекватного эквивалента фразеологизма, что связано с выбором одной из возможных стратегий при переводе фразеологизмов:

– перевод путем подбора аналогичного фразеологизма в языке перевода, совпадающего по форме, содержанию и образу. Такое совпадение происходит редко, скорее, образ, лежащий в основе фразеологизма, в различных культурах не совпадает. Данный способ дает возможность сохранить устойчивость, афористичность конструкции, придает высказыванию эмоциональность, необходимую разговорность, позволяет максимально точно передать замысел автора, однако чаще всего происходит утрата уникального национально-культурного образа, лежащего в основе фразеологизма;

– перевод путем подбора фразеологизма, не совпадающего по форме, но передающего необходимый смысл;

– перевод путем подбора формулировки, не существующей в форме фразеологизма в языке перевода, но имеющей афористичный характер и формально напоминающий устойчивое выражение, если речь, например, о пословицах, поговорках, устойчивых разговорных формулах, образованных по определенной модели.

– перевод путем отказа от фразеологизма в пользу формулировки, передающий смысл исходного высказывания.

Данные стратегии соотносятся с фразеологическим и нефразеологическим способами перевода и их подвидами [ср. 1, с.183].

Особенности использования фразеологизмов в детской литературе, влияющие на выбор стратегии перевода

Выделим ряд особенностей фразеологических единиц, установленных в текстах детской литературы. В ходе исследования были проанализированы три немецкоязычных романа для школьников, входящих в серию «Die UNlangweiligste Schule der Welt» автора Сабрины Дж. Киршнер. Установленные особенности являются источником формирования художественности текста и одновременно представляют собой факторы, обуславливающие трудности в процессе перевода такого текста.

1. Тесная взаимосвязь фразеологизмов с контекстом и контекстопорождающая функция. Перевод фразеологизмов на тех отрезках текста, где возникает переключка с контекстом, соседними лексемами, именами персонажей бросает переводчику особый вызов. С одной стороны, представляется важным сохранить фразеологизм для воссоздания задумки автора, с другой стороны, подобрать эквивалент, который находился бы в такой же тесной связи с контекстом в языке перевода, как в исходном тексте, редко бывает возможно.

2. Национально-культурная специфика фразеологизмов. Сохранение национально-культурной специфики языковых единиц является одной из важнейших переводческих задач при переводе художественного текста. При этом художественный контекст зачастую практически не оставляет переводчику пространства для дополнительных пояснений и толкований, а при переводе фразеологизма на первый план выходит его смысловая и лингвопрагматическая функция. Перевод фразеологизмов в любом случае сопряжен с выбором в пользу акцентирования какого-либо одного компонента – образа, лежащего в основе фразеологизма; формульности фразеологизма; смысловой / стилистической функции. З. Е. Роганова подчёркивает, что для передачи национально-культурно окрашенного фразеологизма предпочтительно выбрать нейтральный вариант, при отсутствии нейтрального эквивалента следует выбрать для путь дословного перевода [7, с.107].

3. Специфика детского восприятия. При выборе эквивалента для перевода фразеологизма необходимо учитывать возраст читательской аудитории. Фразеологизм должен быть, с одной стороны, не слишком сложен и понятен юным читателям. С другой стороны, важно учитывать и дидактический потенциал любого текста, написанного для детей: столкновение с новым фразеологизмом обогатит языковой и культурный фон читателя.

4. Креативный потенциал фразеологизмов. Стратегии модификации фразеологизмов, в результате которых реализуется их креативный потенциал и происходит адаптация образов к дискурсу, подробно описаны в монографии И. В. Зыковой. Исследователь выделяет следующие модификации: встраивание компонентов в базовую форму фразеологизмов; приращение компонентного состава; разбиение базовой формы фразеологизма с заменой или опущением некоторых исходных компонентов; перекомпозиция, состоящая в намеренном изменении порядка следования компонентов в базовой форме ФЕ, и комбинирование, представляющее собой разного рода интегрирование двух и более фразеологизмов в одном сегменте дискурса [2].

Исследователи современной российской художественной литературы отмечают, что «сужение и расширение компонентного состава традиционных паремий привносит новые семантические и стилевые оттенки в известные изречения, актуализируя иные смыслы, не всегда

равнозначные исходным, и раскрывает прагматический и коммуникативный потенциал паремий» [3, с. 50].

В ходе нашего исследования было установлено, что в авторском употреблении, с учетом выбранного дискурса, стилистический потенциал фразеологизмов интенсифицируется в результате использования приема языковой игры. Происходит расширение или сужение состава фразеологизмов, а также замена их компонентов.

Сохранение языковой игры при переводе художественного текста важно для создания игровой интонации текста, при этом недопустимо нарушить логику и ритм повествования.

Анализ примеров использования фразеологизмов в немецкоязычной серии книг С. Дж. Куришнер „Die UNlangweiligste Schule der Welt“ и стратегий при переводе на русский язык.

Серия книг С. Дж. Куришнер „Die UNlangweiligste Schule der Welt“ / «Самая (не)скучная школа в мире» выходит в Германии с 2017 года, ориентирована на возраст 8-12 лет и насчитывает около 12 книг. Первые романы были экранизированы в 2023 году, фильм доступен в российском кинопрокате. В настоящей статье приводятся примеры из первых трёх книг серии.

Фразеологические единицы представлены в текстах довольно обширно. Наибольшую группу составляют фразеологические сочетания, имеющие устоявшиеся аналоги в русском языке:

Dann hätten die Penne und er richtig **dicke Freunde** werden können [12, с. 68] – в русском языке в качестве эквивалента подходит фразеологическое сочетание «закадычный друг»: Они с Пенне могли бы стать **закадычными друзьями!** [пер. здесь и далее – Е. П.]

Jedes Kind im Bergweg wusste, was mit denen geschah, die von Herrn Müller **auf frischer Tat ertappt wurden** [12, с.110]. При переводе используем устойчивое фразеологическое сращение «поймать с поличным»: Каждый ребёнок в переулке знал, что случилось с детьми, **пойманными** господином Мюллером **с поличным**.

Стилистический потенциал фразеологизма необходимо учитывать и передавать в переводе, например, при использовании автором разговорных фразеологических выражений. В следующем контексте разговорный характер и юмористический эффект фразеологизма усиливается за счет применения сравнения в первой части фразы:

Eine Sache jedoch ist klar wie Kloreiniger: Ohne Frieda Geratwol **hätte Agent Zack ganz schön dumm aus der Wäsche geguckt** [13, с. 231].

Одно прозрачно, как белизна для унитаза: без помощи Фриды Гератволь агент Цак **оказался бы в глупом положении**.

В данном контексте мы осуществляем подбор аналога, передающего смысл фразеологизма.

Фразеологизмы могут присутствовать в усеченном виде, в качестве намека, и чтобы подобрать эквивалент, необходимо их распознать.

Интересное явление представляют собой устойчивые выражения с фиксированной структурой, образованные по определенной модели и часто рифмованные, например:

Maxe **war** vollkommen **aus dem Häuschen. Augenringe hin oder her**, das war der beste Schultag seit ... immer! [12, с. 74].

Чтобы понять эту фразу, необходимо восстановить полную структуру фразеологизма. Данный фразеологизм встречается в тексте романа ранее и выражает угрозу, сформулированную в форме рифмованной структуры по определенному образцу. В данном контексте речь идет о следующем фразеологизме:

So langsam wurde die Sache ernst. Maxe **kannte diesen Blick. Er besagte: „Noch so ein Ding, Augenring.“** [12, с. 73].

В немецком языке по такой модели образован целый ряд выражений:

Noch so ein Spruch ... Kieferbruch !

Noch so ein Ton... Intensivstation! и т.п.

В русском языке угроза приобретает бóльшую экспрессию в ситуации намека, невысказанности, недоговоренности, при применении фигуры умолчания:

Дело начинало принимать серьёзный оборот. Этот взгляд Макс знал. Он означал следующее: «**Ещё слово, и...**».

Макс совершенно **потерял голову от восторга!**

Чем бы ни грозила госпожа Пенне, это был лучший день ... за всю школьную жизнь!

Приведем еще один похожий пример, при переводе которого необходимо подобрать фразеологизм, схожий по экспрессии, но при этом приходится отказаться от культурного образного компонента:

Denn eins ist klar: Sollte die Mission scheitern, heißt es **Ende, aus, Mickymaus** [14, с. 15]. Ясно одно: если миссия провалится, будет **конец и крышка всему классу!**

Среди фразеологизмов встречаются и «ложные друзья переводчика», когда похожий образ передает другой смысл:

Der geheimnisvolle Aktenschrank, dessen Fächer immer etwas Nützliches enthielten, **hatte ihnen** in letzter Zeit schon ein paarmal **die Haut gerettet** [14, с. 86].

Таинственный шкаф с документами, ящички которого всегда содержали что-нибудь полезное, в последнее время **не раз спасал им жизнь / выручал их из беды.**

Выбрать фразеологизм с использованием схожих образов «спасти» и «шкуру» не представляется возможным, так как в русском языке он используется только в сочетании с притяжательным местоимением «свой» и имеет следующий оттенок значения: «разг. презр. Трусливо уклоняться от опасности (предавая жизнь, интересы и т.п. других людей)»²¹.

²¹ <https://phraseology.academic.ru/12084>

Для иллюстрации случаев плотной вовлеченности фразеологизмов в контекст, их контекстопорождающего и креативного потенциала приведем примеры названий отдельных глав книги.

Ein Auftrag kommt selten allein представляет собой модифицированное фразеологическое выражение *Ein Unglück kommt selten allein*, для которого в русском языке существует соответствие *Бедя не приходит одна*. Однако текст главы не содержит трагических событий, поэтому ключевые смыслы, актуализированные в приведенном заголовке, связаны исключительно с тем, что задание распространялось не на одного героя романа, а на двоих. В связи с чем при переводе заголовка произошел отказ от использования фразеологизма в пользу смыслового содержания следующего текста: *Миссия на двоих*.

Похожий случай представляет собой заголовок другой главы *Mit Zack und Pack*, содержащий языковую игру на основе созвучности фамилии главного героя *Zack* с лексемой *Sack*, составляющей первый компонент устойчивого парного фразеологизма *mit Sack und Pack*. Исследователи подчеркивают типичность для германских языков бинарных фразем, представляющих собой «формульные, идиоматизированные сочетания, преимущественно рифмованные либо аллитерированные» [10, с.141], их высокую продуктивность и стабильность в силу структуры и особых семантических отношений между компонентами, с одной стороны, но одновременно тенденцию к их вариативности в результате расширения сферы применения, с другой стороны [там же]. И если в случае с заголовком другой главы *Wie Hund und Katze* легко подбирается фразеологизм, схожий и по форме, и по содержанию, и по образам (*Как кошка с собакой*), в данном случае языковая игра, скорее всего, будет потеряна, но может быть частично компенсирована за счёт использования другого фразеологизма (например, *все скопом*) или за счет парной формы (*Цак и компания*).

Заключительный пример будет связан со спецификой детского восприятия. В речи взрослого персонажа присутствует фразеологическое выражение *auf mehreren Hochzeiten tanzen*, которое подразумевает одновременное выполнение им нескольких задач: *Tanze gerade auf mehreren Hochzeiten gleichzeitig, habe es eilig...* [14, с. 77].

Содержание фразеологизма в случае дословного перевода представляется неактуальным для детской аудитории. Одновременно с этим аналоги в русском языке имеют особые нюансы значения. Например, пословица *за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь* указывает на неудачный исход, но может быть использована в модифицированном и усеченном виде, например: *Пытаюсь угнаться за двумя зайцами*. Также может быть использован фразеологизм *с корабля на бал*, но это выражение имеет особый оттенок значения, подразумевающий неожиданные, резкие перемены и, являясь цитатой из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, может быть непонятно младшими школьниками. Выбор в пользу этого устойчивого выражения, тем не менее, может быть сделан с дидактической целью

расширения кругозора читателя.

Анализ фразеологизмов в тексте детской литературы с целью выработки стратегии их перевода подтвердил, что фразеологизмы являются наиболее сложными для перевода элементами художественного текста. В целом, стратегии перевода фразеологизмов при работе с текстами для детей совпадают со выработанными общеприменимыми стратегиями. В процессе подбора эквивалента требуется уделять особое внимание роли фразеологизма в контексте, включая крупные отрезки текста, важности передачи образной основы и, по возможности, сохранению национально-культурного компонента образов, лингвокреативному потенциалу фразеологизмов и особенностям восприятия устойчивых выражений детской аудиторией.

Список использованных источников

1. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. М. – 1980.
2. Зыкова И. В. Концептосфера культуры и фразеология: теория и методы лингвокультурологического изучения. М.: ЛЕНАНД. – 2015. – 380 с.
3. Кольцова Л. М., Чугунова К. С. Преобразования фразеологических единиц в художественных текстах Д. Емца // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2016. – № 3. – С. 49–51.
4. Комарова Е. В. Фразеология прозы В. Астафьева, Ю. Бондарева, В. Гроссмана (сопоставительный аспект): автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Москва, 1992.
5. Митина А. А. Фразеологизмы в поэзии В.С. Высоцкого как фактор формирования языковой личности: автореферат диссертации... кандидата филологических наук. Тамбов, 2016.
6. Попкова М. В. Фразеология мемуарных текстов Георгия Иванова (структурно-семантический и функциональный аспекты): автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Омск, 2008.
7. Роганова Е. Д. Пособие по переводу с немецкого на русский язык. Издательство литературы на иностранных языках. Москва, 1961.
8. Сафьянникова Г. Е. Фразеологизмы как элементы идиостиля В. В. Крестовского: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Саранск, 2018.
9. Туркулец И. А. Фразеологизмы с компонентами-соматизмами в художественных текстах М. А. Шолохова: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Волгоград, 2015.
10. Цветаева Е. Н., Панкратьева Е. С. Формирование и развитие семантики бинарных фразем в немецком языке // Эмпирические исследования германских языков: Сборник статей по материалам VII Чтений памяти В. Н. Ярцевой, Москва, 09 ноября 2023 года. Москва: Языкознание. – 2024. – С. 142–152.
11. Чугунова Е. Д. Особенности перевода национально-маркированных фразеологических единиц // Языки. Культуры. Перевод. – 2013. – № 1. – С. 230–242.

Анализируемая литература:

12. Kirschner Sabrina J., Monika Parciak. Die UNlangweiligste Schule der Welt. Auf Klassenfahrt. Carlsen, 2017.
13. Kirschner Sabrina J., Monika Parciak. Die UNlangweiligste Schule der Welt. Das geheime Klassenzimmer. Carlsen, 2017.
14. Kirschner Sabrina J., Monika Parciak. Die UNlangweiligste Schule der Welt. Die entführte Lehrerin. Carlsen, 2018.

УДК 130.2

КУЛЬТУРНЫЙ ПЕРЕВОД В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ВОСТРЕБОВАННОСТЬ

*В. Е. Резеньков*²²,

*аспирант кафедры философии, Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург*

Аннотация. Современные процессы глобализации влияют практически на все народы и культуры. Активное межкультурное взаимодействие требует использования определенных инструментов коммуникации, к которым можно отнести и культурный перевод. Цель работы – изучить степень востребованности культурного перевода в современную глобальную эпоху и обстоятельства, на это влияющие. В работе использованы описательный и сравнительно-сопоставительный методы. Автор приходит к выводу, что востребованность культурного перевода ограничена в силу особенностей как самих процессов глобализации, так и специфики главных узлов глобализации, а именно глобальных городов-мегаполисов.

Ключевые слова: культурный перевод, глобализация, глобальный мир, глобальная эпоха, мегаполис

Summary. Contemporary processes of globalization exert an influence on virtually all peoples and cultures. Intensive intercultural interaction necessitates the use of specific communicative instruments, among which cultural translation may be regarded as a significant component. The aim of this study is to examine the extent to which cultural translation is in demand in the modern global era, as well as the factors affecting this demand. The research employs descriptive and comparative-analytical methods. The author concludes that the demand for cultural translation remains limited due to the characteristics of globalization processes themselves and the specific features of the principal nodes of globalization, namely global metropolitan cities.

Keywords: cultural translation, globalization, global world, global epoch, megapolis

Новая эпоха глобализации характеризуется интенсивным взаимодействием народов, которое усилено возможностями виртуального пространства, игнорирующего расстояние как фактор общения. Эта новая эпоха, как могло показаться, имела возможность стать временем активного развития и востребованности культурного перевода как одного из путей, способов коммуникации между представителями разных культур. Под культурным переводом мы понимаем «перенос смыслов, выраженных на одном языке культуры/на языке одной культуры, с использованием другого языка культуры/языка другой культуры, имеющий задачей вписывание переводимого в иной культурно-языковой и семиотический дискурс» [3, с.108].

Культурный перевод мог бы выступить эффективным инструментом построения нового глобального мира, равно как и нового глобального человека. Следует отметить, что культурный перевод априори является эффективным способом познания человека как уникального творения природы и культуры, подверженного так же самотворению и самопознанию, и при этом влияющего на других людей. Таким образом, поставленная сто лет назад одним из основоположников современной философской

²² Научный руководитель: д.фил.н., профессор О. Р. Демидова

антропологии Максом Шеллером задача познать человека не утратила своей актуальности и по сей день: «Если и есть философская задача, решения которой наша эпоха требует как никогда срочно, так это задача создания философской антропологии. Я имею в виду фундаментальную науку о сущности и сущностной структуре человека...» [7, с.70]. Процесс этого познания лишь дополняется новыми подходами.

Если мы говорим об идеальном человеке современности, гражданине мира новой глобальной эпохи, следует отметить, что такой человек не должен состоять из разных культурных традиций и привычек как коллаж. Новый антропологический тип глобального человека должен представлять собой и новую аксиологическую систему, новое мировоззрение. Сложиться такая новая система должна как синтез разных культурных начал, а не как случайный набор поведенческих практик и смыслов. Такой синтез был бы невозможен без уважения к изначальному «материалу», уже существующим культурам, которые, подобно блокам фундамента, стали бы надежной основой нового человека и нового общества.

Такое уважение или признание может быть выражено и зафиксировано разными способами. Можно поставить памятники выдающимся деятелям разных народов, включить праздники разных культур в общегосударственный календарь или же использовать множество других вариантов мест памяти. Главное, чтобы они сохраняли опечаток традиций и истории народов, были местом, где «память кристаллизуется и находит свое убежище» [6, с.17].

При этом этот отпечаток должен быть легко считываем другими членами глобального сообщества. Но такая доступность лишает место памяти необходимой сакральности, отнимает у него статус действительного хранителя иной идентичности и превращает его в источник стереотипов, упрощенное представление о чужом.

Можно сделать вывод, что в рамках глобализации при условии справедливого и уважительного отношения к культурам разных народов культурный перевод как инструмент коммуникации должен быть вечно актуализирующимся процессом, а не единожды свершившимся фактом. Сам глобальный человек и глобальное общество глобального мира должны обратиться в сплошной культурный перевод, стать субъектами коммуникации, наделенными колоссальным терпением, гибкостью и желанием понять другого. Таким образом, культурный перевод в эпоху глобализации должен окончательно утратить перспективу обретения формы «результата» и превратиться в «процесс», постоянный фактор жизни человека, его быта. Такое состояние межкультурной коммуникации и культурного перевода в глобальном или же только глобализующемся мире, разумеется, возможно только при идеальных обстоятельствах. Одним из самых трудно достижимых условий идеального, т.е. бесконечного культурного перевода, является состояние постоянной готовности к диалогу и пониманию среди сторон коммуникации.

Реальность сильно отличается от этой идеальной модели. Мы не только не наблюдаем вездесущего и глубокого межкультурного диалога, но и сама готовность вести такой диалог встречается довольно редко. В этом можно было бы обвинить саму несовершенную природу человека, падение нравов и т.д., но настоящая причина кроется в самой структуре глобализации, ориентированной на ограниченное число мегаполисов, выстроенных, во многом, по западному образцу: «Global cities serve as nodes in a global network with each node functioning as a cluster of transnational flows. A global city thus operates as the center of a complex network» [8, с.4].

Большие города глобальной эпохи, глобальные мегаполисы несут в себе «родовые» травмы города как такого, как сложного и уникального явления человеческой истории и культуры. Город является тем пространством, где на индивида оказывается колоссальное давление социума. Это связано как с огромной скученностью населения, так и с большим количеством контактов, в которые человек, житель большого города – мегаполиса – вынужден вступать. «Повышенная нервность жизни, происходящая от быстрой и непрерывной смены внешних и внутренних впечатлений...» [4, с.77] мешает жителю мегаполиса остановиться, осознать себя как субъекта. На понимание других уже не остается ни желания, ни сил, ни времени. В попытках защититься человек фактически сбегает еще глубже, внутрь себя и своей жизни от окружающих его незнакомцев, укрывается в небольшом, узком кругу знакомых и членов семьи, или вовсе остается наедине со своими увлечениями, интересами и страхами.

На эту весьма неспособствующую культурному переводу природу горожанина накладываются особенности современного глобального города. Современный глобальный город не просто стремится подчинить индивида социуму. Он стремится стереть его идентичность, его корни, сделать из него потребителя-космополита, одинаково хорошо и, в сущности, бессмысленно проживающего среди небоскребов Шанхая, Лондона, Нью-Йорка. В современном пространстве глобального города речь уже не идет о недостаточных для культурного перевода обстоятельствах. Сама природа коммуникации, инструментом которой и является культурный перевод, уничтожается как идея, от нее остается лишь симулякр диалога. Окружающий индивида глобальный город перестает быть территорией чужих. Чужие могут быть одушевлены. Но современный мегаполис – это витрина, огромный ретранслятор одноканального общения, чья задача сообщить горожанину лишь одно – что и когда он должен купить. Вариантов ответа у городского жителя только два – покупать или не покупать. В таком городе, конечно, остаётся место для представителей разных культур, для их самовыражения. Так, их культурные отличия, разумеется, могут быть использованы в рекламе в результате культурной апроприации. Или инородная, странная для глобального потребителя культура может быть ограничена одним кварталом в одной из частей города. Достаточно изолированным кварталом, чтобы не нарушать течение

городской жизни.

Таким образом, в современную глобальную эпоху, вопреки возможному, в чем-то идеалистичному развитию межкультурного диалога, в силу особенностей современной волны глобализации культурный перевод вместо важнейшего инструмента повседневной жизни часто оказывается не востребован вовсе.

Список использованных источников

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры; [пер. с фр. Е. А. Самарской]. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции; [пер. с фр. А. Качалова]. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ». – 2015. – 240 с.
3. Демидова О. Р. Экранизация как вариант культурного перевода: «Пиковая дама по-английски» // Филологические науки. Международный научный журнал. Май 2019. – № 3. – С. 108–118.
4. Зиммель Георг. Большие города и духовная жизнь / Пер. с немецкого Левинсон К. – М.: Strelka Press. – 2018. – 112 с.
5. Кастельс Мануэль. Галактика интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе; [пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитоновой]. – Екатеринбург: У-фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета). – 2004. – 328 с.
6. П. Нора. Проблематика мест памяти. Из Сборника П. Нора М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. Франция-Память / Пер. с фр. Д. Хапаевой. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. – 1999. – С. 17–50.
7. Шелер М. Избранные произведения: / Пер. с нем. Денежкина А. В., Малинкина А. Н., Филипова А. Ф.; Под ред. Денежкина А. В. – М.: Издательство - Гнозис. – 1994. – 490 с.
8. Pooch Melanie U. “Global Cities as Cultural Nodal Points.” DiverCity – Global Cities as a Literary Phenomenon: Toronto, New York, and Los Angeles in a Globalizing Age, transcript Verlag. – 2016. – pp. 27–36.

УДК 81'322.4

ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ VS АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА: КОГНИТИВНЫЕ ПРЕДЕЛЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. В. Рейнова,

*специалист, кафедра теории и практики перевода,
ассистент, кафедра основ российской государственности,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

Аннотация. В работе исследуется фундаментальное противоречие между лингвокреативностью как имманентным свойством человеческого переводческого сознания и алгоритмической обработкой, лежащей в основе систем нейронного машинного перевода (НМТ). Результаты показывают, что, хотя ИИ достиг высокого уровня в обработке стандартных языковых паттернов, его способности остаются ограниченными в сферах, требующих контекстуального прогнозирования и креативных переводческих решений для достижения коммуникативной цели. Делается вывод о

комплементарной, а не конкурентной модели взаимодействия, где ИИ оптимизирует процесс, а человек-переводчик сохраняет за собой роль стратега и креативного агента, ответственного за высшие уровни языковой и культурной медиации.

Ключевые слова: лингвокреативность, нейронный машинный перевод (*NMT*), когнитивные пределы ИИ, семантико-прагматическая адаптация, культурный код, переводческая компетенция, гибридная переводческая модель.

Summary. The article explores the fundamental contradiction between linguistic creativity (as an immanent property of human translational consciousness) and the algorithmic processing (underlying neural machine translation (*NMT*) systems). The results demonstrate that while AI has attained a high level of proficiency in processing standard linguistic patterns, its capabilities remain constrained in areas requiring contextual prediction and creative translation solutions to achieve communicative goals. The conclusion is drawn in favor of a complementary, rather than competitive, model of interaction, where AI optimizes the process, and the human translator retains the role of strategist and creative agent responsible for the higher levels of linguistic and cultural mediation.

Key words: translational creativity, neural machine translation (*NMT*), cognitive limits of AI, semantic and pragmatic adaptation, cultural code, translation competence, hybrid translation model.

На сегодняшний день «искусственный интеллект» (ИИ) рассматривается в качестве некоего механизма, способного с помощью программного или аппаратного моделирования выполнять функции по воссозданию тех видов человеческой деятельности, которые традиционно относятся к интеллектуальным» [3, с. 1]. Трансформация переводческой деятельности под влиянием технологий искусственного интеллекта, в частности, нейронного машинного перевода, стала объектом множества междисциплинарных исследований. Если первые поколения машинного перевода (статистического и на основе правил) демонстрировали очевидные ограничения, то современные *NMT*-системы, основанные на глубинном обучении и моделях-трансформерах, производят текст, зачастую неотличимый от «человеческого» на поверхностном синтаксическом уровне. Однако качественный перевод – это не только корректная подстановка лексических единиц, но и сложный когнитивный акт, включающий интерпретацию, деконструкцию смысла и его реконструкцию в иной лингвокультурной среде. Данный процесс опирается на лингвокреативность – способность переводчика к осознанному отклонению от буквальных соответствий, генерации новых языковых решений и стратегическому манипулированию текстом для достижения эквивалентного коммуникативного эффекта [4].

Целью данной работы является выявление и систематизация когнитивных пределов искусственного интеллекта (ИИ) в задачах, требующих семантико-прагматической трансформации, работы с имплицитными смыслами и культурным кодом. **Методология** основана на сравнительном анализе результатов перевода, выполненных профессиональными переводчиками и системами *NMT*, с фокусом на качественные критерии: адекватность, эквивалентность и прагматическую адаптацию. **Актуальность** исследования заключается в том, что в нем

затрагивается центральный конфликт современной цифровой эпохи на примере конкретной профессиональной области – перевода.

Лингвокреативность в переводе понимается как метакогнитивная способность, реализующаяся на трех взаимосвязанных уровнях:

1. *стратегический уровень*: выбор общей переводческой стратегии (доместикация или форенизация) на основе анализа коммуникативной цели текста, аудитории и культурного контекста;

2. *семантико-прагматический уровень*: решение задач по передаче имплицитных смыслов, идиоматики, юмора, игры слов, культурно-специфических реалий;

3. *стилистика-текстуальный уровень*: обеспечение когезии и когерентности текста перевода, работа с ритмом, стилем и авторским идиолектом, что часто предполагает креативные решения.

В отличие от этого, алгоритмическая обработка в *НМТ* представляет собой оптимизацию вероятностных распределений. Система обучается на огромных битекстовых (параллельных) корпусах, выявляя сложные, но в конечном счете статистические корреляции между последовательностями знаков [1]. Ее «решения» – это результат вычисления наиболее вероятной выходной последовательности, а не осмысленного выбора, основанного на понимании референции или коммуникативной ситуации. *НМТ*-системы не способны «на должном уровне выполнять когнитивную функцию при переводе, что обусловлено отсутствием у машины способности к личностному развитию, эстетического вкуса, человеческой экспрессивной природы и мировоззренческого корпуса» [2, с. 156].

Для демонстрации когнитивных пределов ИИ в переводе был проведен контрастивный анализ переводов фрагментов текстов различных жанров (публицистика, художественная литература, рекламные слоганы), выполненных профессиональными переводчиками и ведущими *НМТ*-системами (*DeepL, Google NMT*).

Результаты показывают, что для ИИ на данном этапе развития недоступно контекстуальное прогнозирование. Он не обладает знанием мира, а лишь его текстовыми репрезентациями. Задача на разрешение лексической многозначности, особенно в сложных метафорах, часто решается им некорректно, например:

Фраза «*The minister was facing a vote of no confidence, and the backbenchers were sharpening their knives*».

Перевод НМТ: «Министр столкнулся с вотумом недоверия, а заданескамеечники точили свои ножи» (Буквальный перевод идиомы и калька слова «*backbenchers*»).

Человек-переводчик: «Министру грозил вотум недоверия, и рядовые члены парламента готовились к атаке». (Идиома переведена с учетом политического контекста, слово «*backbenchers*» адаптировано).

Также ИИ не способен к инференции и работе с имплицитными смыслами. Он испытывает трудности с «чтением между строк», так как не

может строить сложные умозаключения, основанные на логике, например:

В художественном тексте: «*Er machte das Fenster auf. Der frische Geruch von Regen strömte herein. Er seufzte*».

НМТ: «Он открыл окно. Ворвался свежий запах дождя. Он вздохнул» (Констатация фактов).

Человек-переводчик: «Он распахнул окно. В комнату ворвался свежий запах прошедшего дождя. Он облегченно вздохнул» (Переводчик интерпретировал цепочку действий и добавил имплицитную эмоцию «облегченно», восстанавливая вероятную причинно-следственную связь).

Отметим отсутствие интенциональности и прагматической гибкости у ИИ. Способность менять переводческую стратегию в зависимости от цели коммуникации весьма важна для перевода рекламы, поэзии, локализации игр, например:

Игра слов в рекламе: «*The future of investing is clear*». (Слоган инвестиционной платформы, обыгрывающий «*clear*» как «ясный» и «прозрачный»).

НМТ: «Будущее инвестиций ясно». (Потерян прагматический эффект).

Человек-переводчик: «Инвестируйте на прозрачной основе. Будущее – ясно». (Креативное решение, попытка передать игру слов через развертывание).

Выявленные недостатки носят не технический, а принципиальный когнитивный характер. Современный ИИ является инструментом распознавания и генерации паттернов, но не обладает сознанием, эмоциями или жизненным опытом – тем, что составляет основу человеческого понимания и креативности. Это не умаляет ценности *НМТ*, но переопределяет его роль. ИИ становится мощным инструментом предварительной обработки, интерактивным помощником и средством контроля формальной согласованности. Он берет на себя рутинные, высокочастотные операции, освобождая когнитивные ресурсы переводчика для решения именно тех стратегических и креативных задач, где алгоритмы бессильны.

Таким образом, будущее переводческой деятельности видится не в конкуренции, а в симбиозе: переводчик выступает как редактор, стратег и культурный медиатор, который использует выходные данные ИИ как «черновик», подлежащий критической оценке, креативной доработке и прагматической настройке. Проведенное исследование позволяет утверждать, что когнитивные пределы искусственного интеллекта в переводе, связанные с отсутствием подлинной лингвокреативности, являются структурными и устойчивыми в рамках существующей парадигмы. Фундаментальная ограниченность алгоритмических систем проявляется в сферах, требующих глубокой семантико-прагматической интерпретации, работы с культурным подтекстом и стратегической адаптации. Следовательно, переводческая профессия не упраздняется, а

трансформируется. Востребованность переводчика-профессионала будет определяться его развитыми метакогнитивными навыками: способностью к критическому анализу машинного вывода, стратегическому мышлению, культурологическому анализу и, что важнее всего, управляемой лингвокреативности – умению находить нетривиальные и адекватные переводческие решения там, где алгоритм предлагает лишь статистически вероятный шаблон. Перспективы дальнейшего исследования видятся в разработке методологий эффективного внедрения гибридных моделей в переводческую деятельность и обучение будущих переводчиков.

Список использованных источников

1. Кожухов Д. А. Сопоставление и концептуализация знаний в когнитивной лингвистике и больших языковых моделях / Д. А. Кожухов, Г. Б. Худайберидева, А. А. Пименкова // Международный научный журнал «Вестник науки». – 2025. – №8 (89). – Т. 2. 2025. – С. 298–311.
2. Норец М. В. Использование искусственного интеллекта при переводе художественного текста (на примере романа Дж. Р. Р. Мартина «Пламя и кровь») / М. В. Норец, А. В. Рейнова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 149–158. – DOI 10.29039/2413-1679-2024-10-3-149-158. – EDN HNAOJD.
3. Норец М. В. Художественный перевод и искусственный интеллект: традиция и новаторство / М. В. Норец, А. В. Рейнова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 12(150). – DOI 10.60797/IRJ.2024.150.111. – EDN LBTEOK.
4. Уланова Е. С. Исследование прагматического уровня языковой личности переводчика // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2023 – С. 87–95.

УДК 821.581

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА КЛАССИЧЕСКОГО ТРАКТАТА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ВЕРСИЙ «ИСКУССТВА ВОЙНЫ» СУНЬ-ЦЗЫ

(на примере переводов В. В. Башкеева, Н. И. Конрада и
В. В. Малявина)

А. Ю. Рудометова,

*старший преподаватель, руководитель департамента восточных языков
и культур*

К. В. Багаева,

обучающийся,

*Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону*

Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу трёх ключевых русскоязычных переводов классического трактата Сунь-цзы «Искусство войны», выполненных Н. И. Конрадом, В. В. Малявиным и В. В. Башкеевым. Цель исследования – выявить и систематизировать основные переводческие приемы и трансформации, использованные переводчиками для адаптации древнекитайского трактата к русской

языковой и концептуальной картине мира.

Ключевые слова: Сунь-цзы, «Искусство войны», сравнительный анализ, Н. И. Конрад, В. В. Малявин, В. В. Башкеев, переводческие трансформации, перевод и переводоведение, лингвокультурология.

Summary: The article is devoted to a comparative analysis of three key Russian-language translations of the classical treatise «The Art of War» by Sun Tzu, executed by N. Conrad, V. Malyavin, and V. Bashkeev. The aim of the research is to identify and systematize the primary translation techniques and transformations employed by the translators in adapting the ancient Chinese treatise to the Russian linguistic and conceptual worldview.

Key words: Sun Tzu, «The Art of War», comparative analysis, N. Conrad, V. Malyavin, V. Bashkeev, translation transformations, translation and translation studies, linguacultural studies.

Трактат Сунь-цзы, китайского стратега и мыслителя (приблизительно VI-V вв. до н.э.), «Искусство войны» – древнейший классический трактат по военной стратегии, оказавший колоссальное влияние на развитие военного искусства, политики, менеджмента и философии не только в Восточной Азии, но и за ее пределами. Структура трактата состоит из 13 глав, посвященных отдельным аспектам военного искусства: первоначальные расчеты, диспозиции, стратегии и использование шпионов. Концепция ведения войны по Сунь-Цзы имеет следующие принципы: следование 5 обстоятельствам (Путь, Небо, Земля, Полководец, Правила), гибкость, поддержание духа войск, познание себя и противника. Ключевой мыслью является противление и избежание насилия и кровопролития, ведь истиной победой является та, которая одержана без сражения.

Существует несколько теорий касательно проникновения трактата Сунь-Цзы «Искусство войны» в Древнюю Русь. Некоторые исследователи полагают, что трактат был доставлен в Византийскую империю по Великому Шелковому пути через Персию, а далее привезен в Киевскую Русь. Согласно С. Б. Гриффитсу, учение Сунь-цзы достигло в Руси с нашествием монголо-татарского ига. Первый известный на сегодня перевод на русский язык был выполнен полковником В. И. Срезневским из Костромского полка Русской армии в 1860 году. Это перевод с французского языка, озаглавленный «Инструкции китайского генерала Сунь-цзы своим подчиненным». Первый перевод с китайского на русский язык был выполнен лингвистом-востоковедом Н. И. Конрадом и издан Институтом востоковедения АН СССР в 1950 г. под названием «Искусство Войны Сунь-Цзы: перевод и исследование». Второй перевод был осуществлен в 1955 году старшим лейтенантом Советской Армии Я. И. Сидоренко на основе «Комментарии к Сунь-Цзы. Десять школ». Перевод был опубликован Издательством Министерства Обороны СССР и переиздан в ГДР в 1957 году. В 1979 году К. Б. Кепинг выполнила перевод «Искусства Воины» на русский и тангутский языки; данный перевод был издан Ленинградским отделением Института востоковедения АН СССР. были опубликованы две связанные с «Искусством Воины» книги: одна – «Китайская наука стратегии» В. В. Малявина (1999 г.), другая – «Искусство

Воины: Антология военной мысли» Р. В. Светлова (2000 г.) [3].

Данная статья включает в себя анализ переводов Н. И. Конрада «Искусство войны Сунь-цзы» (1950 г.), В. В. Башкеева «Искусство войны: с комментариями и пояснениями» (2016 г.) и В. В. Малявина «Большая книга мудрости Востока» (2020 г.).

«*筹划有利的方略一经采纳,就要造成一种态势,辅助对外的军事行动。所谓态势,即是依凭有利于自己的原则,灵活机变,掌握战场的主动权。*» [8, с. 4].

«*Мощь – это умение применять тактику, сообразуясь с выгодой*» [5, с. 14].

Н. И. Конрад использует прием генерализации и опущения, однако, конкретизирует «*态势*» как «*мощь*» и совмещает в нем контроль над ситуацией, и смену тактики в соответствии с обстоятельствами, и способность «*справляться со всем внешним*».

«*Если он учтет свою выгоду с помощью того, что прислушается к [советам], то они станут его мощью, которая поможет и за их пределами. Мощь – это умение применять тактику, исходя из выгоды*» [4, с. 40].

В. В. Башкеев упрощает конструкцию «*筹划有利的方略一经采纳*» («как только выгодная стратегия будет принята») до «*если он учтет свою выгоду...*». «*方略*» в данном переводе приобретает контекстуальное значение «*совет*», что сильно отличается от оригинальной семантики: «*политика*», «*стратегия*», «*способ (план) действий*».

«*Строй расчеты так, чтобы извлечь имеющуюся выгоду. Тогда можно пользоваться себе во благо потенциалом обстановки и так управляться с внешними обстоятельствами. Потенциал обстановки – это то, что позволяет держать под контролем соотношение сил сообразно с доступной выгодой*» [6, с. 613].

В. В. Малявин переводит «*筹划有利的方略*» («разрабатывать выгодную стратегию») как «*строй расчеты так, чтобы извлечь имеющуюся выгоду*». Прием модуляции передает цель действия, «*采纳*» со значением «*принимать*» опускается. При использовании дифференциации «*态势*» («*ситуация, положение, сила обстоятельств*») переводится как «*потенциал обстановки*», что точнее отражает семантику слова языка оригинала, нежели «*мощь*» в переводе Н. И. Конрада и В. В. Башкеева. Перевод второй фразы осуществляется с использованием приема целостного переосмысления и дробления; переводчик смещает логический центр с «*гибкости*» («*灵活*») на использование потенциала. Конкретизация при переводе «*主动权*» превращает абстрактное понятие «*инициативы*» в «*соотношение сил*», что является объектом контроля.

«*用兵打仗是一种诡诈之术。*» [8, с. 4].

«*Война – это путь обмана*» [4, с. 14].

«*Война – это путь хитрости*» [5, с. 44].

«Война – это путь обмана» [6, с. 614].

Н. И. Конрад, В. В. Башкеев и В. В. Маялвин генерализирует оригинальное значение фразы «用兵打仗» («ведение военных действий») до «войны». «术» со значениями «искусство», «техника»; «мастерство» моделируется в «путь» («способ, образ действий»). Также, модуляция используется при переводе конструкции «是一种...之术», дословный перевод «является видом искусства» заменятся на формулу, утверждающую тождественность, «А – это Б». Ключевое отличие в переводах Н. И. Конрада, В. В. Малявина и В. В. Башкеева заключается в выборе русского эквивалента «诡诈» с лексическими значениями «коварный», «вероломный», «фальшивый», «хитрый». В. В. Башкеев при переводе нейтрализует «诡诈», используя «хитрость» в качестве эквивалента, а Н. И. Конрад, В. В. Малявин избегают данного приема, сохраняя оригинальную семантику.

«凡用兵之法，驰车千驷，革车千乘，带甲十万，千里馈类，则内外之费，宾客之用，胶漆之材，车甲之奉，日费千金，然后十万之师举矣» [8, с. 16].

«Если у тебя тысяча легких колесниц и тысяча тяжелых, сто тысяч солдат, если провиант надо отправлять за тысячу миль, то расходы внутренние и внешние, издержки на прием гостей, материал для лака и клея, снаряжение колесниц и вооружение – все это составит тысячу золотых в день» [4, с. 15].

Н. И. Конрад при переводе фразы использует прием опущения, пропуская введения «凡用兵之法» («общие принципы ведения войны»). Для терминов «驰车» и «革车» найдены точные эквиваленты – «легкие и тяжелые колесницы». 驰车 – это быстрая и легкая боевая колесница; 革车 – это древняя тяжелая боевая повозка, в основном использовавшаяся для транспортировки продовольствия, фуража, вооружения и других военных припасов. «带甲» («латник, воин в доспехах») и заключительная фраза «然后十万之师举矣» («и после стотысячная армия может выступить») полностью опущены.

«Закон для всякого использующего войска [таков]: если у тебя тысяча легких колесниц и тысяча тяжелых, и сто тысяч [солдат] в доспехах, и если зерно надо подвозить за тысячу ли, то внутренние и внешние расходы [на] содержание гостей бинькэ, материал для лака и клея, снаряжение колесниц и доспехов – ежедневно составят тысячу золотых» [5, с. 52].

В. В. Башкеев использует переводческий комментарий и транслитерацию для пояснения специфического значения иероглифа «兵» и

реалии «宾客»: сложность перевода титульного иероглифа «兵» в том, что он может использоваться как «война», предикативном значении «вести войну», так и «войска»; переводчик, опираясь на контекст, использует второе значение, ввиду норм русского языка добавляет глагол «использовать». «Бинькэ» – особая категория людей, находящихся в системе патрон-клиентских отношений с вышедшей воевать знатью [5, с. 52]. В. В. Башкеев дает прямой перевод вводной фразы «凡用兵之法» («закон для всякого использующего войска»), сохраняет уточнение «带甲», используя эквивалент «в доспехах». Перевод стремится к абсолютной точности вследствие передачи каждой лексемы и переводческих комментариев.

«По правилам ведения войны в кампании могут участвовать тысяча боевых колесниц и тысяча вспомогательных, а также сто тысяч латников. Провиант приходится доставлять за тысячу ли, расходы же, внутренние и внешние, издержки на прием почетных гостей, материалы для лака и клея, снаряжение колесниц и оружие воинов могут составить тысячу золотых в день» [6, с. 622].

В. В. Малявин использует дифференциацию при переводе «驰车» и «革车» – переводчик классифицирует колесницы не по весу, а по функционалу – «驰车» («быстроходная военная колесница») переводится как «основная», «革车» («легкая боевая колесница, кожаная колесница») – «вспомогательная». Стилистическая конкретизация использована для перевода «带甲» – «латники», данный историзм более точно вписывается в контекст древнего трактата. Завершающая фраза полностью опущена.

善守者藏于九地之下，善攻者动于九天之上，故能自保而全胜也。

Тот, кто хорошо обороняется, прячется в глубины преисподней; тот, кто хорошо нападает, действует с высоты небес [4, с. 19].

Тот, кто хорошо обороняется, хоронится ниже девяти земель; тот, кто хорошо нападает, мчится поверх девяти небес [6, с. 648].

Н. И. Конрад натурализует данное высказывание, полагая, что речь идет об умении найти для расположения войска самое низкое – следовательно, самое скрытое – место или же самое высокое, благоприятное для наступления. Однако понятие «九地之下» и «九天之上» («девяти земель» и «девяти небес») связаны с даосской теорией правильного действия в соответствии с определенными пространственно-временными координатами. В китайской культурной традиции число девять, как наибольшее натуральное число, обозначает предельное качество или состояние (например, «девять источников» («九泉») – воды в царстве мертвых). Перевод Н. И. Конрада: «прячется в глубины преисподней» не

отражает всю полноту семантического значения, заложенного в языке оригинала.

Проведенный сравнительный анализ выявил три принципиально отличные стратегии перевода классического трактата Сунь-цзы «Искусство войны», определяемые целевой аудиторией и задачами переводчика. Н. И. Конрад создал адаптированный канон, жертвуя культурными деталями и терминологией. В. В. Башкеев избрал путь буквальной точности, что делает его перевод наиболее близким к языку оригинала. В. В. Малявин реализовал стратегию глубокого культурологического переосмысления, сохранив в переводе оригинальную концепцию. В совокупности эти подходы – адаптивный, буквальный и интерпретативный – демонстрируют спектр возможных решений в переводе древних трактатов для современной аудитории.

Список использованных источников

1. Абраменко В. П. Архетипический статус трактата Сунь-Цзы «Бин фа» [Электронный ресурс] // IFES. – 2022. – DOI: 10.48647/IFES.2022.42.40.043. – Режим доступа: <https://doi.org/10.48647/IFES.2022.42.40.043> (дата обращения: 31.11.2025).
2. Клейменкин Д. В., Котлярова В. В. Анализ искусства войны в учении Сунь Цзы // COLLOQUIUM-JOURNAL. – 2019. – № 25(49). – 3 с.
3. Цзян Чао, Ян Кэ. Распространение трактата Сунь-цзы «Искусство войны» за пределами Китая // Современные востоковедческие исследования. – 2021. – Т. 3, № 1. – 74-84 с.
4. Сунь-цзы. Искусство войны: с комментариями и пояснениями / пер. с кит. В. В. Башкеева. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 224 с.
5. Сунь-цзы. Искусство войны. – Москва: Яуза; Эксмо, 2022. – 304 с.
6. Малявин В. Большая книга мудрости Востока / В. Малявин, Е. Ямбург, И. Канаев. – Москва: АСТ, 2020. – 950 с.
7. BKRS – китайско-русский онлайн-словарь [Электронный ресурс] // BKRS.info. – Режим доступа: <https://bkrs.info> (дата обращения: 21.01.2026).
8. 孙武. 孙子兵法 / (春秋) 孙武著. – 北京: 中国文联出版社, 2016.10 (2022.4重印). – (翰墨文库). – ISBN 978-7-5190-2071-2.

УДК 811.11

АРАБСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ПРОЗЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РАФИКА ШАМИ)

З. А. Сафарова,

кандидат филологических наук, доцент

А. З. Аметшяев,

обучающийся магистратуры,

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Симферополь*

Аннотация. Данное исследование посвящено изучению арабских заимствований в немецкоязычной прозе современного писателя Рафика Шами с точки зрения лингвистики и культурологии. Основное внимание уделяется тому, как арабизмы

встраиваются в немецкий текст и какие функции они выполняют в произведениях.

В работе лингвистический анализ (классификация, способы адаптации) сочетается с литературоведческим подходом. Это позволяет изучить роль заимствований в создании культурного фона, характеристике речи персонажей и выражении авторской идентичности. На основе анализа ключевых романов и рассказов Шами выявлен и систематизирован набор арабских слов, определяющих своеобразие его стиля и служащих инструментом межкультурного диалога в немецкой «литературе мигрантов».

Ключевые слова: арабские заимствования, немецкий язык, Рафик Шами.

Summary. This study examines Arabic loanwords in the German-language prose of contemporary writer Rafik Schami from a linguistic and cultural perspective. The primary focus is on how Arabic borrowings are incorporated into German texts and the functions they perform in his works.

The study combines linguistic analysis (classification and adaptation methods) with a literary approach. This allows us to examine the role of borrowings in creating a cultural background, characterizing characters' speech, and expressing the author's identity. Based on an analysis of Schami's key novels and short stories, we identify and systematize a set of Arabic words that define the distinctiveness of his style and serve as a tool for intercultural dialogue in German "migrant literature."

Key words: Arabic loanwords, German language, Rafik Schami.

Мы живем в эпоху глобальной мобильности, и языки находятся в постоянном диалоге [7, с. 229]. Немецкий язык, имеющий долгую историю заимствований из французского, латинского, итальянского и английского, в последние десятилетия активно впитывает лексику из языков иммигрантских сообществ, прежде всего – турецкого и арабского.

Этот процесс наиболее заметен не в бытовой речи, а в высокохудожественной литературе, созданной авторами-билингвами. Так возникла «литература мигрантов» (*Migrantenliteratur*), а позже – «постмиграционная литература», где гибридность стала не темой, а самой основой поэтики [7, с. 229]. И здесь фигура Рафика Шами – одного из самых титулованных немецкоязычных авторов, лауреата премий им. Германа Гессе, имени Шамиляра, премии по культуре земли Баден-Вюртемберг – является ключевой.

Почему именно Рафик Шами привлекает внимание исследователей и читателей? Ответ кроется в его уникальном положении как писателя, глубоко укорененного в двух различных культурных традициях. Шами родился и вырос в Дамаске, впитав в себя атмосферу арабо-христианской общины, что, несомненно, оказало влияние на его мировоззрение и художественное видение. В 1971 году он переехал в Германию, и этот переезд стал поворотным моментом в его творческой биографии.

Решение Шами писать на немецком языке, а не на родном арабском, является обдуманым и стратегическим. Он не просто осваивает немецкий язык, а творчески его переосмысляет, обогащая его элементами арабской образности, ритмики и лексики. Это не механическое перенесение, а органичный синтез, рождающий новый художественный язык. При этом важно отметить, что Шами далек от стремления к поверхностной экзотизации арабской культуры. Его задача гораздо сложнее и глубже: он

видит себя посредником между двумя мирами, стремясь сделать арабскую культуру более понятной и доступной для немецкого читателя [3, с. 203]. Он не просто знакомит читателя с внешними атрибутами арабской жизни, но и пытается проникнуть во внутренний мир арабской культуры, раскрыть ее ценности и смыслы. Язык в этом процессе играет ключевую роль, становясь главным инструментом культурного перевода и взаимопонимания. Шами умело жонглирует языковыми средствами, создавая произведения, которые одновременно принадлежат немецкой литературной традиции и несут в себе отпечаток арабской культурной идентичности. Он показывает, что литература может быть мостом между культурами, способствуя диалогу и преодолению стереотипов.

Различают исторические арабизмы в немецком языке (проникшие через другие языки, например, *Zucker* от ас-суккар, *Koffee* от аль-коффе, *Algebra*, *Alkohol*) и окказиональные заимствования, используемые Шами в художественных целях. В последнем случае речь идёт, как правило, об экзотизмах – элементах лексики, обозначающих специфические явления, не имеющие прямых соответствий в немецкой культуре.

Например, по тематическим группам: *Souk* (базар), *Kanun* (жаровня), *Nargile* (кальян), *Dais* (сидение, ковер), *Hamula* (клан, большая семья), *Abu* (отец, как часть прозвища – Абу-Салим), *Sitt* (госпожа, уважительное обращение), *Inshallah* (если на то будет воля Аллаха), *Muezzin* (муэдзин), *Haram* (запретное), *Ird* (честь, земля – понятие с глубоким культурным подтекстом).

А также по степени интеграции в тексте, например: курсивом или в кавычках – маркируют «инаковость». (*Er saß auf dem Dais*).

Арабизмы у Шами – это не просто украшение текста, а важные элементы структуры его произведений.

Культурно-репрезентативная (этнографическая) функция: арабизмы помогают создать реалистичную атмосферу Дамаска и Аль-Кудса (Иерусалима). Читатель узнаёт не просто о базаре, а слышит его название – *Souk al-Namidiyye* – и ощущает дух этого места. Это можно назвать литературой как культурным переводом.

Характерологическая функция: речь персонажей становится более выразительной благодаря заимствованиям из арабского. Старшее поколение и консерваторы чаще используют арабизмы, особенно религиозные (*Inshallah*, *Haram*). Это сразу даёт понять об их ценностях и связи с традициями. Конфликт между поколениями часто проявляется именно в различии языковых кодов.

Поэтическая и стилистическая функция: Преодоление трудностей перевода: понятие *Ird* (земля/честь) имеет глубокий культурный смысл, который сложно передать одним немецким словом (в произведении “Темная сторона любви” Шами, данное слово глубоко завязано на невинности и репутации женщин в семье). Шами использует это слово и раскрывает его суть через контекст, сюжет и диалоги.

В романе «Темная сторона любви» (Die dunkle Seite der Liebe), охватывающем несколько поколений семей в Дамаске, ключевую роль играет понятие «Намула» (клан).

Это понятие объясняет причины мести, любви и предательства, и без его понимания сложно разобраться в сюжете. Автор постоянно подчеркивает его важность, делая его таким же значимым для читателя, как и понятия «семья» или «государство».

«Souk» (рынок) – это не просто место действия, а символ жизни, переплетения судеб и людских страстей. Рано или поздно все городские тайны становятся известны на базаре.

Обращения «Абу» (отец...) и «Sitt» (госпожа) сразу же обозначают социальные и семейные отношения, отражая сложную иерархию, отличную от европейского индивидуализма.

Творчество Рафика Шами можно рассматривать как своеобразную лабораторию, где происходит живое взаимодействие языков. В его произведениях немецкий язык, оставаясь верным своей грамматической структуре, приобретает арабское мироощущение. Вероятно, одна из главных целей литературы, создаваемой мигрантами, заключается не только в повествовании о родной культуре на новом языке, но и в преобразовании этого языка, в создании платформы для встречи, диалога и культурного обмена.

Список использованных источников

1. Морозова Е. А. Художественное своеобразие и языковые особенности миграционной литературы. // Мировая наука. – 5 (50). – 2021. – С. 60 – 65.
2. Музей Мировой Калиграфии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.calligraphy-museum.com/news/news/tayna-kalligrafa>
3. Dorothee Ostmeier. Rafik Schami's Tales about Fairy Tales. // University of Oregon – 2013, pp. 201 – 212.
4. Susan M. Schürer. In Search of Rafik Schami's "Kameltreiber von Heidelberg". // Modern Language Studies – 2000, pp. 167-178
5. The Freedom to Publish: An Interview with Rafik Schami [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://review31.co.uk/interview/view/4/the-freedom-to-publish-an-interview-with-rafik-schami>
6. Velten H. R., & Imorde, J. Aesthetics without Pictures? // Fantasy Aesthetics: Visualizing Myth and Middle Ages, – 2024, pp. 23 – 33.
7. Anna Szyndler. Lange ignoriert, nun gern gelesen. Der Weg Rafik Schamis auf den polnischen Buchmarkt. // Jan Długosz Universität in Czestochowa – 2017, s. 235 – 254.

УДК 811

ТЕМАТИЧЕСКИЕ СЕМИНАРЫ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ КАК ФОРМА РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Л. Е. Смирнова,

*кандидат педагогических наук, доцент, Медицинский университет
Петровского (РНЦХ им. Б.В. Петровского), Москва*

Аннотация. Статья посвящена проблеме организации тематических семинаров на занятиях по иностранному языку. В статье анализируются формы речевого общения, основные параметры, способы и условия проведения тематического семинара.

Ключевые слова: тематический семинар, иностранный язык, коммуникативно-ориентированное обучение.

Abstract. The article is devoted to the problem of organizing thematic seminars in foreign language classes. The article analyzes the forms of speech communication, the main parameters, methods, and conditions for conducting a thematic seminar.

Keywords: thematic seminar, foreign language, communicative-oriented learning.

В условиях коммуникативно-ориентированного преподавания иностранных языков постоянно обращается внимание на необходимость приближения процесса преподавания иностранных языков к условиям естественного общения на языке.

Известно, что процесс общения в образовательной и профессиональной сферах может протекать как в монологической, так и в диалогической форме. При анализе диалогического общения в образовательно-профессиональной сфере выделяются две основные формы: ситуационный диалог, который является простейшей минимальной единицей связного языка, лежащей в основе более сложных диалогических форм, и тематическая дискуссия, в которой микро диалоги сменяют друг друга без каких-либо временных изменений и объединены общей темой для разговора.

На этапах среднего и продвинутого обучения тематическая беседа является одной из наиболее важных форм речевого общения с точки зрения коммуникации. Она охватывает значительную часть учебного времени и проявляется в следующих формах:

- совместное (педагог – студент) решение типовой задачи, объяснение нового теоретического материала на основе имеющихся знаний обучаемых;
- обновление знаний студентов в форме краткой беседы (обсуждение, заключительное занятие);
- устная проверка знаний и навыков обучаемых в форме группового или индивидуального опроса (практическое обучение);
- итоговая проверка знаний студентов (тест или экзамен).

Редко применяемой в преподавании иностранных языков, но довольно эффективной формой организации обучения, целью которой является обобщение материала по какой-либо теме или разделу учебной программы, является тематический семинар или коллоквиум. Существует два типа семинаров: в форме докладов и презентаций (в рамках исследовательских работ) и в форме вопросов и ответов (на занятиях).

Последний, как правило, представляет собой мини-экзамен, который проводится в середине семестра с целью контроля понимания изученных тем. Подробнее рассмотрим эту форму семинара. Одним из его видов является тематический семинар. Он проводится в конце изучения большой темы и выполняет следующие функции:

- * систематизация и обобщение материала по всей теме;

- * недопущение забывания учебного материала и закрепления его в качестве основы для изучения последующих разделов предмета. Особенность тестовых вопросов и заданий в данном случае заключается в том, что они предназначены для демонстрации знаний по всему предмету, установления междисциплинарных связей, переноса знаний на другие материалы, поиска выводов обобщающего характера. Особенность тематической встречи заключается в том, что студенту предоставляется дополнительное время на подготовку и возможность повторить материал, сдать его, исправить ранее полученную оценку.

Уточнение и углубление знаний становится мотивированным действием обучающихся, отражает их желание и заинтересованность в учебе [1]. Содержание тематического семинара должно включать основные темы предмета, которые отбираются в соответствии с требованиями к результатам обучения и регламентируются учебной программой. Тематический семинар может проходить в форме тестовой проверки по ранее изученной теме. Во время обсуждения некоторые задания должны основываться на повторении, в то время как другие на новых ситуациях, чтобы каждый обучающийся мог продемонстрировать свой полный потенциал и знание предмета.

Тематическому семинару предшествует тщательная предварительная подготовка. Методология его проведения заключается в ознакомлении студентов с темой и минимальным количеством вопросов, предоставлении им необходимой и дополнительной литературы и описании задач каждого обучающегося и всей группы в целом. Структурно тематические беседы довольно просты. Они начинаются с краткого введения преподавателя (введение в предмет), за которым следует последовательное обсуждение объявленных вопросов. В конце семинара педагог подводит итоги, или студенты самостоятельно обобщают информацию.

Рассмотрим основные параметры тематического семинара.

1. Содержание беседы: тема, раскрытие которой не обязательно должно быть полным, но должно быть систематическим.

2. Участники общения. Минимум 3.

3. Цель общения. В зависимости от профессиональной компетентности студентов цели преподавателя меняются в процессе обучения. У каждого из обучающихся имеются более глубокие знания в конкретной части учебного материала. В этом случае задача педагога-определить уровень профессиональной компетентности каждого и всей группы в целом, а также создать общую картину знаний по предмету. Цель

студентов – показать себя и продемонстрировать свой уровень знаний.

Тематический семинар четко выражает многосторонний характер общения. Функции педагога являются образовательными и нормативными. Их цели – не только передавать знания, но и контролировать и, при необходимости, корректировать уровень знаний обучаемых. Цели студентов также включают не только общение, но и 1) запрос информации для уточнения или понимания; 2) обсуждение, чтобы найти наилучшее решение проблемы; 3) оказание эффекта [2]. 4. Основные единицы. Единицами тематического семинара служат диалоги разных типов. Это основные составляющие беседы. В составе диалогических единиц присутствуют вопросительные, информативные и императивные речевые акты. 5. Структура. На тематическом семинаре соединение диалогических единиц основано на единстве развития сторон темы. Порядок расположения диалогических единиц определяется логикой раскрытия темы, обычно он жесткий, хотя и может быть изменен, допускаются определенные вариации в подтеме. На методологически хорошо организованном тематическом семинаре с участием более трех участников важно, чтобы ответы студентов содержали идейный компонент, который служит стимулом для последующих вторичных высказываний.

Рассмотрим способы, с помощью которых это коммуникативное содержание выражается в ответах на стимулы и как они функционируют в научном диалоге.

Запрос информации. Запрос информации обычно выражается в вопросительных предложениях, а также в сложном утверждении, содержащем декларативное / вводное / и вопросительное предложение.

Запрос мнения. Запрос мнения выражается с помощью вопросительного предложения, а также ряда повелительных высказываний.

Приглашение к общению. В зависимости от темы разговора для мотивации к общению используются разные типы императивных фраз.

Исходя из вышесказанного, рассмотрев тематический семинар как одну из форм речевого общения, считаем, что он может быть использован как одна из форм проверки знаний обучающихся по учебному разделу. Опираясь на мнение Я. К. Бабанского, который определил принцип оптимальности в выборе форм и методов обучения, полагаем необходимым оценить возможности всех методов, их преимущества и недостатки и выбрать их в соответствии с целями и содержанием обучения, педагогической задачей, уровнем обученности и обучаемости студентов.

Список использованных источников

1. Болдырев Н. И. Педагогика. – М., 1968. – 415с.
2. Суворова Н. В. Обучение устной диалогической учебно-профессиональной речи на системе текстов в непрофильном вузе. – М.: Азбуковник, 1999. – 213 с.

УДК 811.112

ФУНКЦИИ АЛЛЮЗИИ В ТЕОРИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

А. А. Смольяникова²³,

обучающаяся бакалавриата, Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Аннотация. Согласно названию, в статье рассматриваются определение термина «аллюзия», ее место в теории интертекстуальности и ее функции. Рассмотрев определения термина, предложенные отечественными лингвистами, нам удалось выявить главные особенности аллюзии. Кратко описывается подход отечественных и зарубежных лингвистов к вопросу о классификации функций аллюзии в тексте. Так же в статье упоминается вопрос о разграничении таких терминов, как «интертекстуальность» и «интертекст».

Ключевые слова. Интертекстуальность, интертекст, аллюзия, функциональные области.

Summary. As the title implies the article describes the definition of the term «allusion», its place in the theory of intertextuality and its functions. It is dealt with characteristics of the allusion by considering the definitions given by domestic linguists. It is described in short approach of domestic and foreign linguists on the issue of the classification of allusion's functions in the text. The issue of the clarification of the terms «intertextuality» and «intertext» is noted.

Key words. Intertextuality, intertext, allusion, functional domains.

Принято считать, что теория интертекстуальности берет начало из трех источников: полифонической концепции М. Бахтина, учения о пародии Ю. Тынянова и теории анаграмм Ф. де Соссюра [4]. Именно полифоническая концепция М. Бахтина является общепризнанной основой текстовой диалогичности: в ее основе лежит понятие «чужого слова», как побудителя высказывания, которое не может существовать изолированно. Широкое развитие понятия «интертекстуальность» неразрывно связано с работами западных постструктуралистов Р. Барта и Ю. Кристевой. Определение термина «интертекстуальность», предложенного в 1967 году Ю. Кристевой, можно оформить следующим образом, согласно ее эссе: «всякое слово (текст) есть такое пересечение двух слов (текстов), где можно прочесть по меньшей мере еще одно слово (текст)» [3, с. 429]. Ю. Кристева понимает текст как «впитывание и трансформацию какого-нибудь другого текста». Здесь на место теории М. Бахтина, понимаемой нами как диалог сознаний через множество смыслов, встает текст, как «мозаика цитаций». В данном случае интертекстуальность, понимается не как возможность открывать новые смыслы (даже давно забытые) одного текста, а как способность текстов иметь «как минимум двойное прочтение» и ссылаться друг на друга [там же].

Р. Барт, в свою очередь, дал определение понятию «интертекст», которое Н. А. Кузьмина называла «каноническим»: «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на разных уровнях в более

²³ Научный руководитель: д.филол.н., доцент М. В. Норев

или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры» [4, с. 13]. Данная формулировка понимается нами, как наиболее близкая к теории полифоничности М. Бахтина, ведь текст, как и высказывание, тут не существует изолированно, он не может быть ни первым, ни последним, а лишь «звеном в цепи» и может быть изучен только в контексте.

Так же основной проблемой данной области в литературоведении является вопрос о необходимости разграничения понятий «интертекстуальность» и «интертекст». Н. Пьеге-Гро предложила следующее разграничение терминов: «Интертекстуальность, таким образом, – это устройство, с помощью которого один текст перезаписывает другой текст, а интертекст – это вся совокупность текстов, отразившихся в данном произведении, независимо от того соотносится ли он с произведениями (например в случае аллюзии) или включается в него (как в случае цитаты)...» [7, с. 13]. Таким образом, интертекст можно рассматривать, как наличие связи одного текста с другим, присутствие в данном тексте другого, а интертекстуальность, как инструмент, который позволяет обнаружить отношения и явления, возникшие в результате интертекста.

Н. А. Фатеева отмечала, что не смотря на большой интерес к понятию интертекстуальности, немногие ученые предлагали классификацию интертекстуальных элементов [8]. На основе классификаций П. Х. Торопа и Ж. Женетта, Н. А. Фатеева предложила классификацию, которая бы охватывала не выделенные ранее принципы систематизации.

Классификация интертекстуальных элементов Н. А. Фатеевой представлена ниже:

1) Собственно интертекстуальность, образующая конструкции «текст в тексте», куда входят цитаты (с атрибуцией и без), аллюзии (с атрибуцией и без) и центонные тексты;

2) Паратекстуальность, или отношение текста к своему заглавию, эпиграфу, послесловию. Сюда относятся следующие интертекстуальные формы: цитаты-заглавия и эпиграфы;

3) Метатекстуальность как пересказ и комментирующая ссылка на претекст содержит в себе следующие формы: интертекст-пересказ, вариации на тему претекста, дописывание «чужого текста», языковая игра с претекстами;

4) Гипертекстуальность как осмеяние или пародирование одним текстом другого. В качестве средства гипертекстуальность использует все ранее упомянутые типы интертекстуальных элементов и связей;

5) Архитекстуальность, понимаемая как жанровая связь текстов. Фатеева отмечала, что архитекстуальность проявляется явно не в успешном использовании, а в ее нарушении;

6) Иные модели и случаи интертекстуальности: интретекст как троп или стилистическая фигура, интермедиальные тропы и стилистические

фигуры, звуко-слоговой и морфемный типы интертекста, заимствование приёма;

7) Поэтическая парадигма. Данное понятие, разработанное Н. В. Павловичем, раскрывает схожесть поэтических образов и с помощью признака «общности» позволяет понимать высказывание вне контекста [там же].

Предлагаем остановиться на таком элементе интертекстуальности как аллюзия. Литературоведы предлагают различные определения данного термина. Так например В. Е. Хализев делает акцент на сатирическом характере элемента и временной отдаленности интертекстов: «намёки на реалии современной общественно-политической жизни, делаемые, как правило, в произведениях об историческом прошлом» [9, с. 273]. Н. П. Неделина предложила наиболее емкое определение: «Аллюзия – прием, заключающийся в намеренном использовании намека на тексты (художественные, публицистические, научные, официально-деловые и т. п.; пословицы, поговорки; рекламные слоганы) и отдельные лексемы; на реальные или иные события, получившие широкую известность» [5, с. 127]. Даже ввиду различия определений, все они сходятся в главной специфике аллюзии – косвенной ссылке на другие литературные тексты.

Аллюзия имеет определенное требование к читателю: он должен обладать определенными знаниями и широким кругозором для ее распознавания.

Так же стоит отметить, что аллюзия используется не только с целью создания авторского стиля или, как упоминал в своем определении В. Е. Хализев, указания на конкретную проблему общества, но и с целью передать большое количество информации, характеризующее автора и общество, в котором он жил. Таким образом, аллюзия помогает создать внутренний контекст, раскрывающий намерения и культурную среду автора и исторического общества.

Так как ранее было упомянуто, что аллюзия является элементом интертекстуальности, т.е. отсылает читателя к тексту, написанному ранее, то при классификации литературоведы полагаются на источники аллюзии. Применение аллюзии, как стилистического приема используется автором для создания определенного контекста, но также сопровождается рядом функций, трансформирующими не только смысловое содержание текста, но и эмоциональное.

Так Е. М. Дронова выделила следующие стилистические функции данного приема: узуальные и окказиональные. К узуальным функциям, которые сопровождают любое применение аллюзии в тексте, относятся оценочно-характеризующая и конструктивная функция, а также функция создания подтекста. К числу окказиональные функции, в свою очередь, реализующихся определенными типами аллюзий, относятся функция создания исторической соотнесенности и орнаментальная функция [2].

Н. Д. Белоножко придерживается схожей классификации функции

аллюзии. Она выделяет оценочно-характеризующую,okkaзиональную и текстоструктурирующую и предсказательную функции. Текстоструктурирующая функция не только осуществляет внутритекстовую связь, но и помогает внести дополнительную информацию для понимания тех или иных событий, т.е. контекст [1].

Американский лингвист Пол Леннон придерживается иной классификации. Анализируя публицистические тексты, он выделил пять функциональных областей аллюзии, которые заключаются в следующем:

- 1) Инtrateкстуальная сфера: привлечение внимания читателя;
- 2) Интeртекстуальная сфера: достижение определенного стилистического эффекта; снижение количества выразительных средств; использование продуктивности неоднозначных слов и выражений; подразумевать больше, чем сказано;
- 3) Метатекстуальная сфера: сопоставление новой информации с существующими культурными ценностями (и наоборот); достижение иронических эффектов или критики; достижение юмористических эффектов гротеска; убеждение читателя посредством ссылки на культурные ценности;
- 4) Процессуальная сфера: снижение когнитивной нагрузки на читателя и автора; когнитивный вызов читателю и побуждение дальнейшего чтения;
- 5) Межличностно-эмоциональная сфера: установление контакта с читателем; убеждение читателя посредством скрытой аналогии; создание эстетического удовольствия; демонстрация эрудиции, убеждений, ценностей и остроумия автора [10].

Пол Леннон так же отмечает, что некоторые составляющие разных функциональных областей могут как сочетаться друг с другом в одном тексте, так и быть взаимоисключающими в конкретных случаях. Данная классификация кажется нам наиболее детализированной и эффективной для рассмотрения аллюзии на практике. Расширенный список функций позволит выявить и изучить единицы, не только создающие дополнительный смысл и контекст, но и влияющие на понимание текста в целом.

В заключении стоит отметить, что аллюзия, как элемент интeртекстуальности, обеспечивает смысловую и структурную наполненность произведения. Так же проведенный анализ классификаций функций приема аллюзии показал, что отечественные лингвисты выделяют более устойчивый набор функций (узуальные иokkaзиональные), в то время как зарубежные (Пол Леннон) более расширенный.

Полученные результаты позволяют рассматривать аллюзию как инструмент создания целого пространства произведения, посредством взаимодействия текста с культурным и историческим опытом автора. Использование аллюзии характеризуется нами как прием, стимулирующий активную когнитивную деятельность адресата.

Список использованных источников

1. Белоножко Н. Д. Аллюзия в стилистической конвергенции / Н. Д. Белоножко // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2012. – №2. – С. 15-25.
2. Дронова Е. М. Стилистический прием аллюзии в свете теории интертекстуальности: специальность 10.02.04 Германские языки: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Дронова Елена Михайловна; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 2006. – 28 с.
3. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман, Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. – Москва: ИГ Прогресс, 2000. – С. 427-457.
4. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка: Монография / Н. А. Кузьмина. – Екатеринбург, Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 268 с. – ISBN 5-7525-0699-9.
5. Неделина Н. П. Языковые способности выражения аллюзии / Н. П. Неделина // Инновационные аспекты развития науки и техники. – 2021. - №12. – С. 124-135.
6. Норец М.В. Хорунжий Н.Д. Особенности функционирования и перевода аллюзий в романе Т. Харди «Тэсс из рода Д’Эрбервиллей» / М.В. Норец, Н.Д. Хорунжий // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы V международной научно-практической конференции, Симферополь, 26-27 апреля 2021г. – С. 234-239.
7. Ревякина А. А. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / А. А. Ревякина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – 2008. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2008-03-001-piege-gro-n-vvedenie-v-teoriyu-intertekstualnosti-per-s-fr-obsch-red-i-vstup-st-kosikova-g-k-m-izd-vo-lki-2008-240-s> (дата обращения: 07.02.2026).
8. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – Москва: Агар, 2000. – 280 с. – ISBN 5-89218-124-3.
9. Хализев В. Е. Теория литературы: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования // В. Е. Хализев. – 6-е изд., испр. – Москва: Издательский центр «Академия», 2013. – 432 с. – ISBN 978-5-7695-9812-8.
10. Lennon P. Allusions in the Press: An Applied Linguistic Study / P. Lennon – Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2004. – P. 297.

УДК 821.112.2 4; 81’255.2

МАРИЯ ФОН ЭБНЕР-ЭШЕНБАХ: МИРОВОЗЗРЕНИЕ И СТИЛЬ

С. В. Станевич,

кандидат филологических наук, доцент,

И. Г. Назарова,

кандидат филологических наук, доцент,

*Гуманитарный Институт, Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород*

Аннотация. Представлен литературоведческий и переводческий анализ рассказа австрийской писательницы Марии фон Эбнер-Эшенбах (1830-1916) «Бабушка» (Die Großmutter). Показано, как мировоззрение автора определяет выбор лексических и стилистических средств. На основе рассказа «Бабушка» сделан вывод о том, что творчество писательницы представляет собой переходный этап от литературной традиции XVIII века, в частности сентиментализма, к литературному направлению

критического реализма. Разбор произведения делается на примере перевода, выполненного И. Г. Назаровой. Для достижения адекватности перевода обосновывается необходимость следования авторскому стилю, представляющему собой сплав языковых и стилистических средств, характерных для литературных направлений сентиментализма и критического реализма.

Ключевые слова: немецкоязычная литература, перевод, Мария фон Эбнер-Эшенбах, сентиментализм, критический реализм

Summary. The article presents a literary and translation analysis of the short story "Grandmother" (Die Großmutter) by the Austrian writer Maria von Ebner-Eschenbach (1830-1916). It is shown how the author's worldview determines the choice of lexical and stylistic means. Based on the story "Grandmother", it is concluded that the writer's work represents a transitional stage from the literary tradition of the XVIII century, in particular sentimentalism, to the literary trend of critical realism. The analysis of the work is based on the example of a translation made by I. G. Nazarova. In order to achieve the adequacy of translation, the authors substantiate the need to follow the writer's style, which is a fusion of linguistic and stylistic means characteristic of the literary trends of sentimentalism and critical realism.

Key-words: German-language literature, translation, Maria von Ebner-Eschenbach, sentimentalism, critical realism

Предметом этой статьи послужило произведение Марии фон Эбнер-Эшенбах (1830-1916) «Бабушка» (Die Großmutter). В своё время писательница была очень популярна у себя на родине, её изображения даже красовались на календарях, выставленных в магазинах и государственных учреждениях [4, p. 15]. На рубеже веков она считалась ведущей женщиной-писательницей в немецкоязычном мире [6, p. 152]. Такой феноменальный успех тем удивительнее, что положение женщины-писательницы в Австро-Венгрии было хуже, чем в той же Англии или Франции. Вот что пишет Эбнер: «Для нас под видом новой естественной истории было сделано открытие, что, собственно говоря, женщина – это ничто; что она может стать чем-то только через мужчину, которому она принадлежит в любви, которому она смиренно подчиняется, от жизни которого проистекает ее собственная. Такое неполноценное существо, очевидно, не обладает полноценным талантом. В ее стремлении достичь чего-то особенного есть что-то чрезмерное и извращенное, что, в лучшем случае, вызывает сочувствие, в худшем – ужас. Но что, если женщина, прежде всего, – человек и, лишь во-вторых, – женщина? Что, если она обладает такой же индивидуальной жизнью, как и мужчина, и нуждается в его помощи не больше, чем он нуждался бы в ней? Что, если действительно возможно, что в немецкой женщине может проявиться подлинный и большой талант, способный к развитию?» [цит. по: 3, p. 18]. Такие взгляды Эбнер говорят о её выдающейся прозорливости и чувстве справедливости. Эти взгляды она проводит в каждом своём произведении, рассказ «Бабушка» – не исключение. Положение женщины в обществе империи Габсбургов – центральная тема её творчества. В этой статье авторы ставят цель рассмотреть перевод этой новеллы, долженствующий адекватно отобразить своеобразное сочетание критического реализма (вплоть до стадии натурализма) и сентиментализма, характерное для стиля австрийской

писательницы, который, в свою очередь, был обусловлен её мировоззрением. Для этого необходимо оценить рассказ «Бабушка» с точки зрения его поэтики, стиля и идейного содержания. Взгляды Эбнер отличались противоречивостью, что отчётливо сквозит в её творчестве. Хотя она была аристократкой, её отличало сочувствие к людям труда и высокий гуманистический настрой по отношению к угнетённым любого пола и социального класса; вместе с тем она не могла преодолеть убеждений, заложенных в неё с детства, и потому, критически описывая действительность, предлагала пути выхода из социальных противоречий в русле предшествующей литературной традиции XVIII века, а именно – традиции сентиментализма. Это мы и попытаемся доказать при анализе рассказа «Бабушка». Проанализируем новеллу с точки зрения стиля, языка, посредством которых автор передаёт своё видение, остановимся на тех языковых средствах, которые использует переводчик для адекватной передачи авторского замысла. (Новелла представлена в переводе И. Г. Назаровой [1, с. 206-209])

В 1874 году, в начале своей писательской карьеры, Мария фон Эбнер-Эшенбах создала рассказ «Бабушка», в котором предвосхищаются основные черты её художественного повествовательного стиля. На считанных страницах ей удаётся живописать горе бабушки. Драматическая сцена в морге разворачивается через лаконичные, но глубоко трогательные диалоги. Горе бабушки и её воспитанная годами нужды и труда практичность, заставляющая её помнить о сюртуке утонувшего внука, сливаются воедино. В бабушке мы видим сильную, трудолюбивую женщину, закалённую страданиями, которую трудно сломать. Таково, в общих чертах, содержание рассказа. При знакомстве с прозой писательницы прежде всего бросается в глаза её критическая направленность, то, что Lloyd называет «социальным критицизмом» [5, p. 25].

Сама обстановка, в которой разворачивается действие, предполагает реалистическое, даже натуралистическое, описание: лаборатория, где работает ассистент патологоанатома. В описании бабушки автор (и переводчик) подчёркивает её социальную принадлежность к низшим слоям общества, вынужденным тяжело трудиться за кусок хлеба: «высокая фигура лишь слегка сгорбилась от возраста и работы» (*Auf der Schwelle stand ein hochgewachsenes Weib, dessen kräftige Gestalt das Alter und die Arbeit nur wenig gebeugt hatten*), «грубые руки» (*die harten Hände*) [1, с. 206]. (Здесь и далее немецкие цитаты приведены по репринтному изданию 1938 года [7]). В то же время мы видим её достоинство и даже властность: «повелительный тон» [1, с. 206]. С доктором она разговаривает тоном приказа: «...отведите меня туда ..., немедленно, сударь! Немедленно!» (*So lassen Sie mich hinführen, wo die Toten liegen, gleich, Herr! – gleich!*) [1, с. 206]. Её жесты и манера выдают непреклонность её воли: «её взгляд испытующе вперился в лицо доктора, а пальцы сжали его руку, словно железные клещи» (*Sie beugte sich vor, ihre Augen ruhten forschend auf dem Gesichte des Doktors, und ihre*

Finger Irgten sich wie Eisenklammern um seinen Arm), «...пристально и вызывающе смотрела на дверь», в морге она не испытывала «ни страха, ни ужаса [1, с. 207, с. 208].

Следование сентименталистской традиции отражается в использовании автором (и переводчиком) тех архаических штампов, которые характерны для стиля морализаторской литературы XVIII века: «взгляд был устремлён на него с выражением...муки и ...пылкой мольбы»; «воскликнула она со вздохом отчаяния», «со страстным ожиданием прислушивалась», «бросилась к нему с душераздирающим воплем» [1, с. 206-207]. Нагнетание таких эпитетов, как «пылкая мольба», «вздох отчаяния», «страстное ожидание», «душераздирающий вопль» предназначены не только для того, чтобы разжалобить доктора («её горе потрясло молодого человека» [1, с. 207]), но и читателя, вызвать у него эмоциональный отклик, так как сентименталистская литература – это, в первую очередь, литература сочувствия и эмпатии, повествование о жертвах. Даже юмор Эбнер (который в этом рассказе, впрочем, отсутствует, но характерен для других её произведений) – это, как правило, смех сквозь слёзы [5, р. 32]. За сострадательность и тот эмоциональный отклик, который она будила в своих читателях, Эбнер и получила всеобщее признание: «К моменту ее семидесятилетия стало очевидно, что она стала национальным символом благотворительности и сострадания. Ее восхваляли за несокрушимую веру в доброту человечества и самодисциплину» [4, р. 34].

Голос автора непосредственно вмешивается в повествование. Прямая авторская оценка характерна для сентименталистской прозы. Литература критического реализма и, тем более, натурализма предлагает читателю самому делать выводы на основе описаний героев, окружающей их обстановки и диалогов. Мария фон Эбнер-Эшенбах в данном случае следует в русле предшествующей литературной традиции. Она прямо объясняет читателю, кого же и что же он видит перед собой, и что ему следует об этом думать: «Она сидела как воплощение боли, нищеты и нужды. Но не той нужды, которая покоряется несчастью, а той, которая мужественно борется с ним, которая всегда смотрит ему в глаза и всегда побеждает, которая не терзается жалостью к себе, не тяготится тревогой о будущем. Как было, так и будет; перемены не существует, только смерть может принести её, а она её не призывает. Активная сила, борющаяся сила страшится своего вечного, бессильного покоя» [1, с. 207]. Мария фон Эбнер-Эшенбах не предлагает выхода из ловушки жизни. Для её произведений характерен единственный путь избавления – это уход (смерть) или безропотная ежедневная борьба за существование, скорее похожая на смирение, на принятие своего крестного пути. В рассказе «Бабушка» автор также ясно даёт понять это: «Как было, так и будет; перемены не существует, только смерть может принести её...» [1, с. 207]. То, что смерть – избавление, понятно и из реплики бабушки о её муже: «Мой муж – слава Богу! – умер» (Mein Mann, Gott sei gelobt! Ist tot!) [1, с. 208].

Крестьянская прижимистость бабушки, её практичность и стойкость даже перед лицом горя, на деле, не являются героизмом, это – принятие случившегося и осознание того, что надо жить дальше, а значит, нельзя упускать ни малейшей возможности облегчить существование, хотя бы и за счёт добротного сюртука: «Дайте мне тот хороший сюртук, – сказала старушка, – он был сшит для него недавно. Мальчику он больше не нужен, и я смогу его продать» (Den guten Rock“, sagte die Alte, „den ich ihm haben machen lassen, den geben Sie mir mit. Der Junge braucht ihn nicht mehr und ich kann ihn verkaufen.) [1, с. 208]. О своих остальных детях она говорит «равнодушно», «без горечи или грусти, так спокойно, словно рассказывала историю о ком-то постороннем», не особо интересуясь их судьбой [1, с. 208]. Своего единственного внука бабушка, оказывается, любит потому, что «мальчик стал таким», каким она хотела, «встал на её сторону», в отличие от других своевольных детей [1, с. 208]. В описании этой ситуации Мария фон Эбнер-Эшенбах приподнимается над сентименталистской морализаторской установкой и приближается к лучшим образцам реализма, заставляющим читателя критически мыслить. Но делая уступку морализаторству, вынося нравственную оценку, Мария фон Эбнер-Эшенбах нивелирует в какой-то мере впечатление, произведённое на читателя. Опять авторский голос произносит: «И всё же в её голосе было что-то, трогавшее глубже, чем просто сетование... В нём было тихое, скромное и простое величие. ...молодого учёного ...охватило ...благоговение перед бедной, старой, невежественной женщиной» [1, с. 208]. И так, его охватило «благоговение» перед ... скорбным бесчувствием! В этом момент критически настроенный читатель не может не почувствовать протест, даже возмущение, хотя, возможно, в задачу автора это не входило. Однако художественным своеобразием рассказа является именно этот сплав сентиментализма с социальным реализмом. Далее мы читаем, что «доктор содрогнулся от силы этой боли, которой было отказано в проявлении», что его «сочувствие ...сменилось отвращением» [1, с. 209]. «Отказ от проявления» – здесь автор нащупывает проблему и указывает на неё читателю, но авторская интерпретация проблемы следует нравственно-религиозному сентименталистскому духу. «Отказ от проявления» определяет существование женщины любого класса в австро-венгерской монархии Габсбургов, но это не её вина, а её беда, из которой автор не видит иного выхода, кроме мистического. Единственное проявление, доступное ей, – это слёзы: «её боль нашла выход; она заплакала» [1, с. 209]. В традиционном сентименталистском романе рабство героини имеет духовное измерение. Духовное возвышение – достаточная компенсация за страдания, причиняемые тираническим обществом. Моральная деградация угнетённых, которую изображает Эбнер в своих произведениях, является следствием бесчеловечных условий существования. Эбнер-Эшенбах была моралисткой, она стремилась к этическому и интеллектуальному воспитанию своих читателей, она также испытывала отвращение к

литературе конца XIX века, к декадансу; либеральная по своим убеждениям, она преклонялась перед домом Габсбургов и, особенно, перед императором; к счастью для нее, ей не пришлось пережить распад монархии [4, р. 37]. «Ее взгляды, какими бы противоречивыми они порой ни были, были взглядами глубоко сознательной писательницы, которая, во что бы то ни стало, отчаянно пыталась примириться с моральными, социальными, политическими и психологическими сложностями своей эпохи» [5, р. 40]. Эбнер ставит под сомнение ценности современного ей общества, одновременно пропагандируя чувствительность, сострадание и личную эмпатию как необходимое условие улучшения нравов, следовательно, системы в целом [6, р. 156]. В творчестве Марии фон Эбнер-Эшенбах мы словно воочию наблюдаем сосуществование и борьбу двух литературных стилей, каждый из которых был обусловлен особым мировоззрением. Её воспитание и убеждения вступали в противоречие с тем, что подсказывал ей разум: «Эбнер усвоила требования, предъявляемые к ней семьей и социальными кругами, и поэтому изо всех сил старалась совместить свою писательскую карьеру с тем, что она считала своими домашними и общественными обязанностями» [6, р. 151]. Таким образом, можно сделать вывод, что творчество австрийской писательницы представляет собой мировоззренческий и стилистический переход от сентиментализма к критическому реализму. Реалистический, порой остро-социальный подход к изображаемому соседствует в её творчестве с сентименталистским истолкованием и акцентуацией на этических ценностях. Именно этой двойственностью её позиции объясняется, по мнению некоторых исследователей, забвение имени Марии фон Эбнер-Эшенбах в современном мире: «Ее позитивный вклад в немецкое женское движение, как правило, игнорировался с тех пор, как она умерла в 1916 году в возрасте 85 лет. Это может быть связано с распространённой среди комментаторов Эбнер-Эшенбах тенденцией подчеркивать идеализм и упускать из виду социальную критику в ее работах» [2, р. 27].

Стратегия переводчика при передаче этого произведения, оставляющего у читателя двойственное чувство, заключалась в том, чтобы сохранить обе стилистические особенности произведения: сентименталистский пафос и социальную критичность. Этим обусловлен выбор лексического ряда, временами архаичного, но вызывающего эмоциональную интенсификацию, наряду с сухой отстранённостью описания-перечисления, родственного жанру репортажа.

Список использованных источников

1. Новеллы / Мария фон Эбнер-Эшенбах. – Издательские решения, 2025. – 220 с.
2. Harriman Helga H. “Marie von Ebner-Eschenbach in Feminist Perspective.” *Modern Austrian Literature*, vol. 18, no. 1, 1985, pp. 27–38. JSTOR, <http://www.jstor.org/stable/24646309>. Accessed 1 Dec. 2025.
3. Harriman Helga H., and Marie von Ebner-Eschenbach. “‘Talent Is Only Another Word for Power’: A Letter from Marie von Ebner-Eschenbach (1830-1916).” *Women’s Studies International*, no. 3, 1984, pp. 17–18.

4. Klostermaier Doris. “Anton Bettelheim: Creator of the Ebner-Eschenbach Myth.” *Modern Austrian Literature*, vol. 29, no. 2, 1996, pp. 15–43. JSTOR, <http://www.jstor.org/stable/24648597>. Accessed 15 Dec. 2025.

5. Lloyd Danuta S. “‘Dorf’ and ‘Schloß’: The Socio-Political Image of Austria as Reflected in Marie von Ebner-Eschenbach’s Works.” *Modern Austrian Literature*, vol. 12, no. 3/4, 1979, pp. 25–44. JSTOR, <http://www.jstor.org/stable/24645802>. Accessed 8 Dec. 2025.

6. Woodford Charlotte. “Realism and Sentimentalism in Marie von Ebner-Eschenbach’s ‘Unsühnbar.’” *The Modern Language Review*, vol. 101, no. 1, 2006, pp. 151–66. JSTOR, <http://www.jstor.org/stable/3738413>. Accessed 6 Jan. 2026.

7. Marie von Ebner-Eschenbach. *Das Gemeindegeld und andere Erzählungen*. Verlag Das neue Berlin. Herausgegeben und mit einem Nachwort versehen von Paul Friedländer, 1938. - S.486

УДК 821.11:81’255.2

НЕПРАВИЛЬНОСТИ В РЕЧИ СКАЗОЧНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА (на примере повести А. Линдгрэн «Рони, дочь разбойника»)

А. А. Стрельцов,

кандидат педагогических наук, доцент, Институт филологии, журналистики и МКК, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация. В статье рассматриваются способы, которыми шведская писательница А. Линдгрэн и переводчики её повести «Рони, дочь разбойника» передавали в репликах прямой речи особенности произношения сказочных лесных персонажей, которые говорили на «человеческом» языке, но с некоторыми отклонениями от языковой нормы. Представлен сопоставительный анализ переводов отдельных реплик сказочных персонажей на английский, немецкий, и русский языки. Показано, что в оригинале и переводах, за некоторыми исключениями, речевые нарушения были переданы фоностилистическими средствами.

Ключевые слова: контаминированная речь, ломаная речь, искажения в речи, сказочные существа, художественный перевод

Summary. The article describes, how the Swedish writer Astrid Lindgren and translators of her story “Ronja Rövardotter” depicted the speech peculiarities of the fairy-tale characters, who used the «human» language, but with certain deviations. These, but for a few instances, were expressed by phonetical means, i.e. omissions and replacements of vowel and consonant phonemes. The article analyses the irregularities of the «broken language» in fiction, translated into English, German, and Russian.

Key words: contaminated speech, broken language, speech distortion, fairy-tale creatures, literary translation

Речевое поведение – один из способов косвенной характеристики персонажа художественного произведения: интонация, темп и громкость, использование особых лексических (просторечия или архаизмы, термины или диалектизмы, иноязычные вкрапления или профессионализмы, сленг или арго), фонетических (замена, опущение или вставка фонем) или грамматических (нарушение согласования, форм образования слов, или их порядка) средств позволяет лучше раскрыть образ, выделить носителя тех

или иных особенностей среди других участников повествования. Авторы некоторых фэнтезийных произведений (самый известный пример – Дж. Р. Р. Толкиен) даже создают отдельные языки, чтобы отличать их носителей от иных народов или рас в вымышленном мире.

Всё вышесказанное в той или иной мере должно быть справедливо и для речи сказочных персонажей, уже становившейся объектом изучения [4, 2, 1]. Но пока никто не рассматривал ломаную речь вымышленных созданий как компромисс между нормативной речью и созданием искусственного языка, что является предметом нашего исследования. Материалом послужили отдельные реплики из сказочной повести А. Линдгрена «Рони, дочь разбойника», прежде почти не рассматривавшейся (кроме [3]) в этом качестве отечественными лингвистами, а также их переводы на английский, немецкий и русский языки. Говорящие являются представителями выдуманной расы маленьких лесных духов: в оригинале – *rumpnisse* (мн.ч. *rumpnissarna*), в переводе – *нем.* Rumpelwicht, *англ.* rumphob.

В ходе исследования применялись описательный метод, метод сплошной выборки, но основным является сравнительно-сопоставительный анализ. Цель исследования состоит в определении способов передачи нарушений в речи сказочных персонажей при переводе на разные языки.

Примерами такой речи в оригинале являются: *Voffor gör ho på detta viset?* – эта фраза с вариациями (добавляется *Ho setter fast i taket; Väcker lille gossen, och han får jord i ygon*, или же сокращается до *voffor då då?*) повторяется несколько раз и отражает недоумение и недовольство, поскольку героиня повести случайно потревожила лесных духов, повредив крышу их подземного жилища; *Det går. "Med vaggan då si! Det går!; Lelle gossen, nu blir han rektit vaggad då si!; Redan slut me vaggvisera!; Lelle gossen, där hänger han bra.; I vaggan då si! När som vi ändå måste ha den där styggfoten i taket.*

Нарушений в речи немного: *Voffor* – это искажённое *швед.* *Varför* – почему?, *lelle gossen* – *швед.* *lilla gosse* – маленький мальчик, *ygon* – *швед.* *ögon* – глаза, в слове *vaggvisa* – колыбельная добавлено *er* (*vaggvisera*), и это не форма множественного числа (*vaggvisor*). Предположительно, автор использовала диалектные формы, т.к. слово *rektit* характерно для вермлянского диалекта шведского языка.

Примеры в переводе на немецкий язык: *Wiesu tut sie su?* – эта фраза с вариациями (добавляется *Macht putt unser Dach/Tut ihren Fuß in unser Dach, Weckt Rumpeljunge, kriegt Sand in die Augen* или же сокращается до *Wiesu denn bluß?*) повторяется несколько раз; *Duckt, das deht! Die Wiege, duckt duch! Das deht! Kleiner Rumpeljunge hängt durt gut. Die Wiege, duckt duch! Wu der ulle Fuß ja suwiesu im Dach steckt. Kleiner Rumpeljunge, Schaukel, Schaukel. Duckt nur! Wiegenlied schun Schluß! Fühlen, da duck. Ist fürt! Hupst nicht mehr!*

Несложно заметить, что основным способом компенсации искажений при переводе стал фонетический: замена [o]→[u] *so/wieso/sowieso* – *su/wiesu/suwiesu*, *bloß* – *bluß*, *doch* – *duch*, *dort* – *durt*, *olle* – *ulle*, *wo* – *wu*, *schon*

– *schun* (как вариант: *fort – firt*) и [g]→[d] *Guckt, das geht – Duckt, das deht*. Единичным случаем является замена *hüpft – hupst* – скачет; швед. *lelle gossen* стал нем. *Rumpeljunge*.

В переводе на английский язык наречие из оригинала было заимствовано с минимальными изменениями: *Woffor did un* (want to) (do that)? Возможно, причиной стало сходство с английским наречием «what for», имеющим то же значение. Также использовано вымышленное местоимение «un», представляющее собой обособленную форму диалектного «one» (e.g. *young'un*), диалектную форму модального глагола *must – mun*, прилагательного *little – li'l* (*Lil' boy*), определённого артикля *the – t' (t'roof)* и личного местоимения *he – 'e*, а также разговорную форму прилагательного *old – ol'* (*We mun have nasty ol' foot*), редуцированную форму артикля *and – 'nd*, и устаревшую *in's* вместо *in his* (*an' 'e got dirt in's eyes*). Кроме того, имеют место грамматические нарушения: согласование в числе – *he hang, she go* (вместо *hangs* и *goes*) и образование временной формы – *he be rockin'* (вместо *is rocking*).

В первом по времени русскоязычном переводе к словам, произносимым «тюхами» («тюха лохматая» – персонаж славянской мифологии, живущая рядом с домовым – А.С.) было добавлено «ханцы»: *Почемуханцы онаханцы этоханцы сделалаханцы? Сломалаханцы нашуханцы крышуханцы... Зачемханцы пробилуханцы ногойханцы нашуханцы крышуханцы? Вотханцы хорошиханцы! Колыбельханцы качаетсяханцы!... Какханцы хорошиханцы! Нашаханцы малюткаханцы хорошиханцы висит-ханцы! Люлькаханцы качаетсяханцы! Разханцы ужханцы ееханцы паршиваяханцы ногаханцы пробилуханцы нашуханцы крышуханцы, тоханцы пустьханцы качаетханцы люлькуханцы. Вотханцы теперьханцы нашегоханцы малюткуханцы покачиваютханцы какханцы надоханцы. Разбудилаханцы малюткуханцы! Получиханцы пескомханцы в глазаханцы! Зачемханцы выханцы такханцы делаетханцы? Жеребенокханцы, большеханцы неханцы прыгаетханцы. Нетуханцы егоханцы.*

В вышедшем через несколько лет втором переводе использованы фоностилистические средства передачи контаминации – замены согласных [ч] → [ц], [ш] → [с], [р] → [л] и [ж] → [з]: *Поцему она так?. Она клепко застляла в насей клысе. Смотлите, колыбелька! Пусть кацает колыбель! Маленький ниссе, как холосо ему висеть на ее ноге! Лаз уж все лавно нам нужно телпеть эту гнусную ногу на насей клысе. Узе кончила петь колыбельную! Лазбудила холосенького малютку ...* Само название лесного народца передано смешанным способом: частичная транслитерация *rumpnisse* → *ниссе* и добавление «трясогузка».

Таким образом, основным средством передачи речи сказочных персонажей в проанализированной нами повести А. Линдгрена является фоностилистический, а именно замена и опущение тех или иных фонем, преимущественно гласных, хотя Л. Ю. Брауде использовала замену

согласных, а Патрисия Комптон наряду с фонетическими нарушениями (при выборе которых она ориентировалась на существующие в языке перевода диалектные и разговорные формы) прибегала и к грамматическим. Самым необычным являлся подход Л. З. Лунгиной, состоящий в добавлении к каждому слову компонента, созвучного с формой мн.ч. этнонима, обозначающего представителей основного китайского этноса (ханьцы), или же с названием кисломолочной сыворотки в дагестанской кухне (ханц).

Список использованных источников

1. Кирюхина М.С. Речевой портрет персонажа русской народной сказки: к постановке проблемы // Актуальные проблемы филологии. 2024. № 29. С. 158–168.
2. Костылева В.Р. Фоностилистический анализ речи сказочного персонажа английской художественной литературы // В книге: Проблемы современной лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Сборник тезисов VII Всероссийской студенческой научно-практической конференции. 2016. С. 69–72.
3. Нефедова М.Ю. Функции инверсии в повести Астрид Линдгрэн «Рони, дочь разбойника» // В сборнике: Языки и культуры стран Северной Европы: исследование, преподавание, перевод. Материалы Второй международной конференции. Москва, 2025. С. 90–92.
4. Феклина Е.М. Речь сказочных персонажей как объект лингвокультурного исследования (на материале русских и немецких народных сказок) // Язык и мир изучаемого языка. 2015. № 6. С. 124–128.

Источники

5. Рони, дочь разбойника (пер. Лилианны Зиновьевны Лунгиной) [Электронный ресурс] – <https://www.hobobo.ru/assets/uploads/pdf/roni-doch-razboynika.pdf> (дата обращения 14.11.2025).
6. Ронья, дочь разбойника (пер. Людмилы Юльевны Брауде) [Электронный ресурс] – <https://lib.ru/LINDGREN/ronya.txt> (дата обращения 14.11.2025).
7. Astrid Lindgren Ronja Rövardotter URL: <https://ia801208.us.archive.org/20/items/ronja-rovardotter-astrid-lindgren/Ronja%20Rövardotter%20-%20Astrid%20Lindgren.pdf> (accessed in 14.11. 2025).
8. Astrid Lindgren Ronia, the Robber's Daughter (tr. by Patricia Crampton). Puffin books, 1985 URL: https://archive.bookfrom.net/astrid-lindgren/page,5,571369-ronia_the_robbers_daughter.html (accessed in 14.11. 2025).
9. Astrid Lindgren Ronja Räuberstochter (übers. von Anna-Liese Kornitzky) URL: <https://www.kostenlosonlinelesen.net/kostenlose-ronja-raeubertochter/lesen/18> (accessed in 14.11. 2025).

УДК 82.091

НЕИЗМЕННОСТЬ ЛЮБВИ

(Стихотворение Лермонтова «Расстались мы, но твой портрет...» в переводах на армянский)

Р. В. Татевосян,

*доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой
зарубежной литературы Армянского государственного педагогического
университета имени Хачатуря Абовяна, Ереван*

Аннотация. Стихотворение Лермонтова «Расстались мы, но твой портрет...» (1837) создано на основе восьмистиший 1831 года («Я не люблю тебя; страстей...», «Как дух отчаянья и зла», «Силуэт»).

В статье рассматриваются три перевода стихотворения – Ал. Цатуряна, П. Севака и Ф. Киракосяна. Перевод Ал. Цатуряна подчеркнута эмоционален, что свойственно его переводческой манере. П. Севак переставляет строки, меняет прошедшее время глагола на настоящее, добавляет эпитеты, не сохраняет повтор слов (храм, все), но создает интересное переводческое прочтение.

Неудачным, на наш взгляд, является перевод Ф. Киракосяна, созданный уже в XXI веке. Ф. Киракосян в отдельных случаях следует за поэтическими ходами перевода П. Севака. Но его перевод, в целом, неудачен. Так, в переводе лирический герой не смог «возненавидеть прежнюю возлюбленную». Слово «ненавидеть» резко контрастирует с тональностью стихотворения Лермонтова, с его лексикой. Диссонирует с оригиналом и внесенное Ф. Киракосяном временное ограничение (դիւր, пока) в последней строке. В таком прочтении поверженный кумир – бог, но ненадолго.

Ключевые слова: перевод, интерпретация, эмоциональность, поэтический ход, повторы, Ал. Цатурян, П. Севак, Ф. Киракосян, изменение времени.

Summary. Lermontov's poem «We parted, but your portrait...» (1837) is based on the eight-lined poems of 1831 («I do not love you; passions...», «Like the spirit of despair and evil», «Silhouette»).

The article examines three translations of the poem done by Al. Tsaturyan, P. Sevak and F. Kirakosyan. Al. Tsaturyan's translation is emphatically emotional, which is characteristic of his translation style. P. Sevak rearranges the lines, changes the past tense of the verb to the present, adds epithets, does not preserve the repetition of the words (temple, everything), but he creates an interesting translation reading.

In our opinion, F. Kirakosyan's translation, done in the 21st century, is unsuccessful. In some cases, Kirakosyan follows the poetic motions of P. Sevak's translation. But his translation, on the whole, is failed. Thus, in the translation, the lyrical hero could not «hate his former beloved». The word «hate» sharply contrasts with the tone of Lermontov's poem, with its vocabulary. The temporary restriction (yet) introduced by F. Kirakosyan in the last line is also dissonant with the original. In such comprehension, the defeated idol is a God, but not for long.

Key words: translation, interpretation, emotionality, poetic motion, repetitions, Al. Tsaturyan, P. Sevak, F. Kirakosyan, change of time.

Написанные в 1831 году три восьмистишия Лермонтова («Я не люблю тебя; страстей...», «Как дух отчаянья и зла», «Силуэт») стали основой для создания в 1837 году стихотворения «Расстались мы, но твой портрет»:

Расстались мы; но твой портрет
Я на груди моей храню:
Как бледный призрак лучших лет,
Он душу радует мою [4, с. 35].

В Лермонтовской энциклопедии отмечается, что эта строфа «вобрала в себя поэтическую образность, фразеологию, ритм и интонацию стихотворения “Силуэт”» [3, с. 503]. Это, действительно, верно. Но есть и важное различие. С самого начала, с первых строк “Силуэт” настраивает на печальную тональность: лирическому герою мил “печальный цвет” силуэта, который мрачен, как и сердце в его груди.

А в стихотворении 1837 года появляется радость. Портрет радует душу, были и лучшие дни, от которых осталось воспоминание («как бледный призрак»), хоть и побледневшее, призрачное.

Рассмотрим три перевода – Ал. Цатуряна, П. Севака и Ф. Киракосяна.

Строки в оригинале восьмисложные, состоящие из четырех ямбических стоп, в переводе Ал. Цатуряна – десяти- и восьмисложные:

Մենք բաժանվեցինք, բայց նկարդ տես,

Միշտ կրծքիս վրա եմ կրում,

Ինչպես ուրվական երջանիկ օրվա՝

Նա հոգուս բերկրանք է բերում [1, с. 23]:

Ал. Цатурян добавил «տես» (вот) в конце первой строки и «միշտ» (всегда) в начале второй. В переводе нет эпитета “бледный” (призрак).

П. Севак перевел четким десятисложником:

Մենք բաժանվեցինք, բայց նկարդ քո

Ես մինչև հիմա կրծքիս եմ կրում.

Իմ հոգին նա է լցնում բերկրանքով՝

Լավ տարիներին այդ դառնակ ուրումն [5, с. 197]:

Во второй строке добавлено «մինչև հիմա» (до сих пор), у Цатуряна внесенной им временно́й отметкой было слово «միշտ» (всегда).

П. Севак меняет местами третью и четвертую строки. В переводе нет сравнительного оборота («как бледный призрак»), но в нем и интонацией, и сильной позицией (конец строки) акцентируется выражение «бледный призрак»:

Мою душу это он наполняет радостью –

Лучших лет моих этот бледный призрак.

(подстрочный перевод)

Передано и множественное число (лучших лет), в переводе Цатуряна – единственное число (счастливого дня), но воспринимается оно обобщенно, как счастливое время.

Переводческая интерпретация Ф. Киракосяна относится к XXI веку:

Մենք հեռացանք, բայց նկարդ քո

Ես իմ կրծքին եմ պահում էլի,

Այն իմ հոգին է լցնում կյանքով,

Դառնակ ուրումն այն լավ օրերի [2, с. 62]:

Ф. Киракосян перевел девятисложником. Во второй строке, как и у Цатуряна, и у Севака, добавлено временно́е уточнение – էլի (снова). Как и в переводе Севака, переставлены третья и четвертая строки и изменена структура: не передан сравнительный оборот. В интерпретации

Ф. Киракосяна душа наполняется жизнью (в предыдущих переводах – радостью).

Во второй строфе заключительные две строки рассматриваемого стихотворения в точности совпадают с концовкой восьмистишия, написанного Лермонтовым в 1831 году («Я не люблю тебя; страстей... »):

И, новым преданный страстям,
Я разлюбить его не мог:
Так храм оставленный — все храм,
Кумир поверженный — все бог [4 с. 35]!
Перевод Ал. Цатуряна звучит очень эмоционально:
Անձնատուր ` կրքերին անձար,
Նորից քն սիրո՛վն եմ լցված,
Սոսազված տանարը ` տանա՛ր է դարձյալ
Եվ ընկած կուրքը ` դարձյալ ատված [1, с. 23]:

Эпитет «новые» (страсти) передан в переводе словом «безграничные» (անձար). А просто отмеченное утверждение («Я разлюбить его не мог») в переводе Цатуряна эмоционально выделено: оно не о неудавшейся попытке разлюбить, а о переполненности любовью («Я снова переполнен твоей любовью»).

П. Севак и в этой строфе переставляет начальные строки:

Նրան չսիրել չեմ կարողանում `

Ես նր կրքերից գերված ու ատված [5, с. 197]:

Как и Ал. Цатурян, П. Севак отклоняется от оригинала, от утверждения о бывших в прошлом попытках забыть, от прошедшего времени. «Ее не любить не могу», – утверждается в переводе П. Севака. Слова «забыть» нет и у Цатуряна, ни у Севака.

П. Севак передал эпитет «новые» (страсти), а «преданность» им лирического героя (предавшийся) дополнил: лирический герой пленен и утрачен страстями («գերված ու ատված»).

В переводе Ф. Киракосяна «безмерно» (անչափ) отдавшийся новым страстям лирический герой не смог «возненавидеть прежнюю возлюбленную» (в оригинале – не смог забыть). Слово «ненавидеть» резко контрастирует с тональностью стихотворения, с его лексикой:

Ու նր կրքերի տրված անչափ `

Չկարողացա նրան ատել [2, с. 62].

Подобное переводческое решение выпадает из контекста не только этого стихотворения, но и всей любовной лирики Лермонтова.

В первой строфе третья строка оригинала начинается сравнением («Как бледный призрак лучших дней»), во второй строфе третью строку открывает «Так», и за ним следует завершающее сравнение, которым история любви переносится в философско-аллегорический контекст:

Так храм оставленный – все храм,
Кумир поверженный – все бог [4, с. 35]!

Повторяющееся в оригинале «всё» Ал. Цатурян передал словом

«*դարձյալ*» (снова), несколько изменив его место в строке:

*Մոռացված տաճարը՝ տաճար է դարձյալ,
Եվ ընկած կոկորը՝ դարձյալ աստված* [1, с. 23]:

Нет в его переводе обобщающего слова «так», за которым история любви прочитывается как судьба.

В переводе П. Севака «так» находится в середине седьмой строки:

*Լքված տաճարն է աստված սուրբ մեղքով,
Տաճարված կոկորը՝ վերստին աստված* [5, с. 197]:

В седьмой строке П. Севак не повторяет слова «храм» и меняет структуру предложения. Дословно эту строку можно перевести следующим образом – Оставленный храм так остается святым. Повтор слов (храм, всё) П. Севак не передал, но смысл при этом не исказился. «Всё» передано словом «*վերստին*» (снова) в последней строке.

Как уже отмечалось, заключительные строки в точности повторяют концовку юношеского стихотворения «Я не люблю тебя; страстей...», в переводе которого Ш. Торосян, опираясь на предшествующие интерпретации, представил свое решение:

*Լքված տաճարը տաճար է դարձյալ,
Տաճարված կոկորը՝ վերստին աստված* [5, с. 106]:

Последняя строка дословно совпадает с переводом П. Севака, а седьмая от цатуряновского решения отличается одним эпитетом: у Ал. Цатуряна – *մոռացված* (забытый), у Ш. Торосяна, как и у П. Севака, *լքված* (покинутый, оставленный). В переводе Ш. Торосяна нет слова «так», за которым следует философское обобщение, а повторяющееся в оригинале «всё» передано двояко – *դարձյալ*, *վերստին*:

Неудачным является, на наш взгляд, перевод Ф. Киракосяна:

*Լքված տաճարն է աստված տաճար,
Եվ ընկած կոկորը – աստված է դեռ* [2, с. 62]:

Следуя за П. Севаком, используя его поэтический ход, Ф. Киракосян передает слово «так», перемещая его в середину строки. Сохранен в этом переводе повтор в седьмой строке (*տաճար*), храм. Но Ф. Киракосян не передал не только повтор, но и значение слова «всё». В последней строке его перевода (*И павший кумир – бог пока*) появляется грубо диссонирующее с лермонтовским стихотворением временно́е ограничение (*դեռ* – пока, все еще). В таком прочтении поверженный кумир – это бог, но пока, ненадолго. Подобная интерпретация противоречит оригиналу.

Список использованных источников

1. Лермонтов М.Ю. Избранные произведения, т.1. Ереван. Айпетрат, 1941, (на армянском языке). 261 с.
2. Лермонтов М.Ю. Одинокый парус. Ереван. «Иравунк», 2007, (на армянском языке). 160 с.
3. Лермонтовская энциклопедия. М. «Советская энциклопедия», 1981. 784 с.
4. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в четырех, томах, т.1. М.: «Художественная литература», 1975. – 646 с.
5. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в трех томах, т.1. Ереван. «Айастан»,

1965, (на армянском языке). 449 с.

УДК 7.071.3

**ФОРМИРОВАНИЕ АСТРОНОМИЧЕСКОЙ И МАТЕМАТИЧЕСКОЙ
ЛЕКСИКИ В ПЕРВОМ РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ «КОСМОТЕОРОСА»
ХРИСТИАНА ГЮЙГЕНСА (1717, 1724) В СРАВНЕНИИ С
НЕМЕЦКИМ И АНГЛИЙСКИМ ПЕРЕВОДАМИ**

В. С. Трофимова,

кандидат филологических наук, независимый исследователь, Санкт-Петербург

Т. Н. Трофимова,

соискатель, Институт истории естествознания и техники (ИИЕТ), Москва

Аннотация. В статье рассматривается первый русский перевод популярной научно-фантастической книги знаменитого голландского ученого Христиана Гюйгенса «Космотеорос», опубликованный под названием «Книга мирозрения» сначала в Санкт-Петербурге в 1717 г., а спустя 7 лет в Москве под тем же названием. Освещается история публикации самого сочинения Гюйгенса и его русского перевода, и приводятся сведения о его переводах на другие европейские языки (английский, голландский, немецкий, французский). Отмечается сложность восприятия русского перевода современным читателем и отсутствие в нем многих ныне распространенных астрономических и математических понятий, например телескоп, затмение, тяготение. При этом «Книга мирозрения» способствовала развитию русской математической и астрономической лексики.

Ключевые слова: Христиан Гюйгенс, Космотеорос, Аврамов, Брюс, перевод, Россия, Англия, Германия, астрономия, математика.

Summary. This article discusses the first Russian translation of the popular science-fiction book by the renowned Dutch scientist Christiaan Huygens, titled *Cosmotheoris*, which was published under the name *Kniga Mirozreniya (The Book of the Universe)* initially in St. Petersburg in 1717, and seven years later in Moscow under the same title. The publication history of Huygens' original work and its Russian translation is examined, along with information about its translations into other European languages (English, Dutch, German, French). The article also highlights the difficulties modern readers face in perceiving the Russian translation, as well as the absence of many contemporary astronomical and mathematical concepts in it, such as telescope, eclipse, and gravitation. At the same time, *Kniga Mirozreniya* contributed to the development of Russian mathematical and astronomical vocabulary.

Key words: Christiaan Huygens, *Cosmotheoris*, Avramov, Bruce, translation, Russia, England, Germany, astronomy, mathematics.

27 октября 1717 года выходит в свет русский перевод научно-фантастической книги Христиана Гюйгенса «Космотеорос» (*Cosmotheoris*) по астрономии, популяризирующей учение Коперника, а также идеи Джордано Бруно и других авторов XVI–XVII вв., выдвигавших гипотезу о множественности обитаемых миров – «Книга мирозрения, или Мнение о небесноземных глобулах, и их украшениях» [1]. Книга была напечатана в

Санкт-Петербургской типографии, которую царь Петр Первый повелел организовать еще в конце 1710 г. В этой статье мы проанализируем, каким образом в русском переводе была передана астрономическая и математическая лексика, и какие слова, использованные переводчиком, закрепились в русском языке. Для сравнения мы будем использовать английский перевод, вышедший в свет в 1698 г., и немецкую версию 1703 г., с которой был выполнен русский перевод.

Х. Гюйгенс окончил свое философско-астрономическое размышление о Вселенной под названием «ΚΟΣΜΟΘΕΩΡΟΣ» – слово было написано на греческом языке, но само сочинение на латыни, – незадолго до смерти. Изначально он планировал писать эту книгу на французском. Он завещал брату Константейну Гюйгенсу-младшему опубликовать ее после его смерти, что и было сделано в 1698 г. в Гааге. Книга излагала теорию Коперника, но в отношении множественности обитаемых миров напоминала современникам также сочинения Френсиса Годвина «Человек на Луне» и «Открытие мира на Луне» Джона Уилкинса (оба 1638 г.), а кроме того, роман Сирано де Бержерака «Иной свет, или Государства и империи Луны» (1650). Сам Гюйгенс ссылался также на мнения Николая Кузанского и Джордано Бруно, называл среди предшествующих сочинений «Сон» И. Кеплера и знаменитые в его время «Беседы о множественности миров» Бернара Бовье де Фонтенеля (1686). Кроме того, вторая часть «Космотеороса» открывается развернутой критикой сочинения немецкого ученого-универсала XVII в. Афанасия Кирхера «Экстатическое путешествие» (1656–1657). В нем автор – Теодидакт – путешествует по Солнечной системе в сопровождении ангела Космиэля.

Книга Гюйгенса получила широчайшее распространение в Европе. Она практически сразу, в том же 1698 году, была переведена на английский язык. Английское заглавие «Открытие небесных миров» (The Celestial Worlds discover'd) подчеркивало тему обитаемости других планет. Это издание интересно своими предисловиями. В первом – «К читателю» – рассказывалась история публикации книги, затянувшаяся сначала из-за смерти автора, а затем его брата Константейна в 1697 г., в результате чего книга осталась «сиротой» [4, с. III–IV]. Во втором – «Издатель к читателю» – редактор защищает английский перевод от тех, кто считает, что подобные переводы делают философию дешевой и вульгарной, и ссылается, среди прочих, на Уилкинса, а также на древних авторов, которые писали на родных языках [4, с. V]. Кроме того, он отмечает, что заботился о качестве издания, используя лучшую бумагу, дабы достичь красоты латинского издания, но за половинную цену, а также выражает надежду, что переводчик донес смысл авторского текста и не сделал грубых ошибок [4, с. VI]. В 1699 г. в Роттердаме вышел голландский перевод под названием «Зритель мира», а в 1702 г. французский перевод под названием «Множественность миров», которое явно отсылало к сочинению Б. Б. де Фонтенеля. Немецкий перевод под названием, которое основывалось на оригинальном латинском

заголовке – «Космотеорос, или мировоззренческие гипотезы» (Cosmotheoros Oder Welt-betrachtende Muthmassungen) – вышел в свет в Лейпциге в 1703 г. [3]. Русский перевод был выполнен именно с этого немецкого издания.

Руководитель Санкт-Петербургской типографии Михаил Петрович Аврамов (1681–1752) рассказывал, что сам Петр I велел ему напечатать 1200 экземпляров сочинения Гюйгенса, но он, признав ее «богопротивной», не подчинился и напечатал всего 30; царь же приказал отправить их в Голландию и для этого отдать «сумасброднему переводчику Брюсу» [2, с. 166]. Таким образом, Аврамов называет переводчиком «Космотеороса» Якова Вилимовича Брюса (1669–1735), ближайшего сподвижника Петра I, военачальника, инженера и ученого, который в 1702 г. открыл обсерваторию на Сухаревой башне в Москве и у которого была репутация колдуна и чернокнижника. Брюс занимался изданием календарей, в которых давались сведения о планетах, зодиакальных созвездиях, восходе и заходе солнца, праздниках, астрономическом начале года. Брюс – герой нескольких романов – от неоконченного романа Ивана Ивановича Лажечникова «Колдун на Сухаревой башне» (1840) до фантастических романов наших современников Андрея Геннадьевича Лазарчука и Александра Бушкова («Посмотри в глаза чудовищ»; «Поэт и русалка»). Согласно другой версии, книгу Гюйгенса перевел Иоганн-Вернер Паузе (1670–1735), педагог, богослов и переводчик, а по третьей, некий Христофор Гавенский. Первое издание «Книги мирозрения» чрезвычайно редкое – известен единственный экземпляр, хранящийся в Москве в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). 31 марта 1724 года вышло второе издание этой книги, на этот раз в Москве, но на титульном листе содержались сведения о петербургском издании. Издание вышло без слов «повелением его императорского величества». В начале книги было напечатано «Во имя Иисусово. Аминь», а в конце – “Soli Deo Gloria” (как и в немецком издании). Впоследствии М. П. Аврамов также рьяно выступал против издания перевода «Бесед о множественности миров» Фонтенеля Антиохом Кантемиром (1730) [2, с. 166].

Само название книги Гюйгенса в русском переводе – «Книга мирозрения» – кажется очень удачным, оно привлекает внимание и вполне соответствует теме. «Мирозрение» вместо «Зрителя мира», как в голландском издании, – слово, обозначающее понятие, наполненное глубоким философским смыслом. «Небесно-земные глобусы» во второй части заглавия вызывают ассоциации с Готторпским глобусом, созданным в 1650–1664 гг. в Готторпском замке по заказу герцога Голштинии и демонстрировавшим всю вселенную, и устанавливают связь между Землей и космосом. Между тем, собственно текст «Книги мирозрения» при ближайшем рассмотрении не всегда отвечает столь многообещающему заглавию. В книге происходит постоянное смешение собственно научных фактов и спекуляций по поводу «умных зверей» – обитателей других

планет. Х. Гюйгенс говорит о воде как необходимом условии для существования жизни – «Все вещи из воды произведение свое имели» [1, с. 30]. Во второй части книги он рассказывает об открытии спутников Сатурна, отмечая, что самый яркий из них ему выпала удача открыть самому: «Светлейшую из них [лун Сатурна – В. Т.] я 1655 года трубкою зрительною, длиною не свыше 12 футов, впервые увидел» [1, с. 183]. Неожиданным образом водораздел обнаруживается между собственно текстом и иллюстрациями. В то время как в тексте книги много вещей именно фантастических, спекулятивных – автор пытается представить, какими могли бы быть обитатели других планет Солнечной системы – Меркурия, Марса, Венеры, Юпитера и Сатурна – на иллюстрациях мы видим Солнечную систему, или Сатурн и Юпитер с их спутниками, или форму Сатурна – изображения, вполне соответствующие астрономии как науке в том виде, в каком она существовала на рубеже XVII–XVIII вв. В конце второй части «Книги мирозрения» мы находим тому объяснение: «Чего убо *фигурами* на сих листах невозможно учинити <...> мы будем искати то *словами* исполнити» [1, с. 227]. Заметим, что иллюстрации в русском издании выполнены на должном уровне и выглядят не хуже, чем в изданиях на других языках; еще М. П. Аврамов высоко отзывался о русских граверах [2, с. 160]. Х. Гюйгенс не дает готовых образов представителей внесемных цивилизаций – скорее, он приглашает читателя пофантазировать на этот счет самостоятельно. Более того, книгу Кирхера он критикует именно за стереотипные для того времени образы (отметим, что у Кирхера нет жизни на других планетах): «В планете Венере, все приятным и пригожим видом ему явилось <...> в Юпитере везде здоровой и благоуханный воздух <...> в Меркурии <...> нечто светлое и живое было, от чего ум и художество тем, иже раждаются <...> в Марсе <...> будто ничего, кроме ужасных, вредительных и смрадных вещей, смолы, пламени и дыма не видел. В Сатурне же все полно горя, страха, пустыни и темности» [1, с. 166–167]. Источником таких образов Гюйгенс считает астрологические сочинения, против которых выступает: «Ибо Астрологию <...> не за художество, но за безделицу и часто за вредительный обман почитати надлежит» [1, с. 108].

В начале повествования Х. Гюйгенс бросает взгляд на Землю из космоса, заставляя вспомнить изображения нашей планеты, сделанные на МКС: «Не может поистине без пользы быти сие хотя бы мы вне земного глобуса поставлены были, и на оную из далека смотрели, и испытывали, одна ли она, точию, еже натура всю свою красоту приложила» [1, с. 16]. Затем он меняет точку зрения, перенося ее на каждую из планет. В конце концов, Гюйгенс ставит наблюдателя на равном расстоянии между Солнцем и звездами: «Каждой звезде или солнцу <...> планеты около себя ходящие имети которая паки своими лунами провожаемы суть <...> оное тако есть, еже явственно последует: ибо егда мы своими мыслями в таких небесных краях себя поставим, котораяб таковыя далеки были от солнца, каковы от

звезд фиксов удалены, тоб мы между сими и оными никакие разности могли приметить» [1, с. 246]. Итак, каждая звезда – это Солнце, и в финале книги звучит гимн величию космоса: «Какую убо удивительную и ужасаемопреславную широту мира имеем себе в уме представить: толико солнц, и толико Глобусов земных, и каждой из оных толикими травы древесами зверми, толикими морями, и горами украшенных, и еще удивительнее тому будет иже благоразмыслить то, еже мы ныне о удалении звезд фиксов и их множество к сему присовокупим» [1, с. 247].

Как уже можно было увидеть, русский перевод сочинения Гюйгенса сложен для восприятия современным читателем, прежде всего, в силу строя языка. Перевод изобилует длинными, странно для нашего времени построенными предложениями и неудачным для данной тематики выбором выражений: «преизряднейший математик», «сей приятный трактатец», «того ради и мы сие российскому народу <...> из немецкого языка учинити возбуждены», «на солнечной круглости», «пропорция сего величества», «из острейших обсервациев», «внутреннейший управляет свое обхождение» «в середине хвоста великого медведя», «у Картезиуса вихорные круги таковы велики суть» [1, с. 4, 6, 25, 187, 190, 250, 260]. Русский переводчик еще не использует таких слов, как «телескоп» (вместо этого он следует немецкому тексту и буквально переводит немецкое слово “*Fernglass*” как «зрительная трубка»), «затмение» (вместо этого он использует «потемнение», хотя в немецком переводе используется корректное слово *Finsternis*, а в английском переводе – *Eclipse*) [1, с. 13, 191]. В русском переводе, как и в немецком, отсутствует слово «орбита», а в английском переводе слово “*orbit*” употребляется несколько раз [4, p. 108, 114, 115, 121 etc.]. Затруднения у русского переводчика вызывает понятие тяготение или «гравитация». Ближе всего к смыслу этого понятия он подходит, когда использует выражение «из притягания телес», хотя в конце немецкого перевода употребляется латинское слово “*gravitatis*” [1, с. 31; 3, s. 100]. Русский переводчик не понимает, что такое эллипс, переводя «эллиптические круги планет» как «эклиптические» [1, с. 263]. В русском переводе по-разному переданы фамилии ученых, например, встречаются и «Кеплер», и «Кеплерус», и «Кассиний», и «Кассиниус». Варьируются названия планет: Венера/Венус, Меркурий/Меркуриус, Сатурн/Сатурнус. Вместе с тем, русский перевод «Космотеороса» закрепляет в русском научном языке такие понятия, как «астрономия», «планета», «спутник», «эклиптика», «параллакс», «пропорция», «синус», «логарифм», «парабола», «хорда», «сфера», «цилиндр», «аксиома», «алгебра», «плоскость», «треугольник», «многоугольник», «глобус» и т.д.

«Книга мирозрения» была первым сочинением в жанре собственно научной фантастики на русском языке. И хотя это произведение было известно в основном специалистам по культуре петровского времени и научной фантастике, оно способствовало формированию в русском языке корпуса специальной лексики в области астрономии и математики.

Список использованных источников

1. Гюйгенс Х. Книга мирозрения или мнение о небесноземных глобусах и их украшениях. Санкт-Петербург: Санктпетербургская типография. – 1717; Москва: Московская типография. – 1724. – 267 с.
2. Трофимова В. С., Трофимова Т. Н. Роль первых петербургских типографий в распространении науки, образования и просвещения в России в петровское время // Санкт-Петербург – город петровской мечты: материалы XVI Международного петровского конгресса, Санкт-Петербург, 9–10 июня 2023 года. Санкт-Петербург, 2024. – С. 157–166.
3. Huygens Ch. Herrn Christian Hugens [etc.] Cosmotheoros Oder Welt-betrachtende Muthmassungen. Leipzig: Lanckisch, 1703. – 103 p.
4. Huygens Ch. The Celestial Worlds discover'd: or, Conjectures concerning the Inhabitants, Plants and Productions of the Worlds in the Planets. London: Printed for Timothy Childe, 1698. – 160 p.

УДК 81'25

ИНТЕГРАЦИЯ ПРИНЦИПОВ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В ПРАКТИКУ ПЕРЕВОДА

А. В. Фабрина²⁴,

*преподаватель кафедры иностранных языков № 1, Институт филологии,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы интеграции принципов когнитивной лингвистики в практику перевода. Особое внимание уделяется значимости понятия «концепт». Делаются выводы о необходимости понимания сущности концептов для точной передачи смысла высказывания, их культурной обусловленности, метафорического характера выражения содержания. Применение принципов когнитивной лингвистики помогает лучше понять внутренний смысл слов и выражений переводимого текста, а знание теории концептов способствует адекватному переводу, сохраняющему оригинальную идею автора и культурно-лингвистические особенности переводимого текста.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, практика перевода, концепт, метафора, образность.

Summary: The article discusses the integration of the principles of cognitive linguistics into the practice of translation. Particular attention is paid to the significance of the idea of "concept". Conclusions are made about the need to understand the essence of concepts for the accurate transmission of the meaning of the statement, their cultural conditionality, and the metaphorical nature of the expression of the content. The application of the principles of cognitive linguistics helps to better understand the inner meaning of the words and expressions of the translated text, and knowledge of the theory of concepts contributes to an adequate translation that preserves the original idea of the author and the cultural and linguistic features of the translated text.

Key words: cognitive linguistics, translation practice, concept, metaphor, imagery

В лингвистических исследованиях начала XXI все чаще высказывается идея о неизбежности интеграции фундаментальных наук,

²⁴ Научный руководитель: д.филол.н., доцент Н.Н. Кислицына

независимо от их принадлежности к гуманитарной или естественнонаучной сферам знаний. При этом подчеркивается, что эра примата естественных наук заканчивается по мере углубления научных знаний в различных областях человеческой деятельности. Так, Ю. Н. Караулов отмечает наличие тенденций «гуманизации научного знания, «очеловечивания» науки – идет ли речь об экономике, астрономии, биологии или лингвистике, – обретение антропного характера науки в целом» [2, с. 19].

Наблюдения над эволюционными процессами в научном познании привели многих исследователей к выводу о том, что параллельное развитие наук возможно только на начальном этапе. Накопленные, проанализированные и систематизированные данные в определенных областях науки, в конечном итоге, свидетельствуют о том, что все в мире взаимосвязано и любое локальное изменение вызывает ответные реакции в других сферах, какими бы далекими они не казались.

Связь между различными научными направлениями возможно установить на основании совместного использования одних и тех же методов исследования, а также трансфера терминов из одной сферы в другую, порождающего такое явление как терминологический полисемантизм (ср., например, понятие «ключевое слово» (англ. – *key words*) [3]. Данные процессы свидетельствуют вовсе не об «узости воображения» ученых, а доказывают существование глубинных многообразных связей, единства принципов бытия, создающих определенный порядок из хаоса.

Так, в качестве примера междисциплинарного термина можно привести слово «концепт». Помимо лингвистики данный термин с высокой степенью частотности применяется в философии, логике, литературоведении и культурологии и др. Валерий Закиевич Демьянков, проанализировав употребление термина «концепт» в разных европейских языках и разных научных сферах, определил его специфические черты, обусловленные вариативностью времени его вхождения в литературный и научный языки, особенностями принимающего языка, с одной стороны, а с другой стороны, выявил то, что можно назвать ядром понятия «концепт», то, что позволило данному термину прочно войти в обиход столь разных наук. А именно, В. З. Демьянков установил, что в «истолкованиях значение термина концепт содержит идею «зачаточной истины», заложенной в латинском *conceptus* “зачатый”. Концепт – то, что, видимо, «зачато», но в действительности чего мы можем убедиться только в результате реконструирующей “майевтической” процедуры» [1].

Понятие «концепт», являющееся ключевым в когнитивной лингвистике, имеет большую значимость для практики перевода, потому что оно помогает осознать важность процессов связанных со способностью людей воспринимать и выражать смысл с помощью языка.

В число основных аспектов, высвечивающих интеракцию когнитивной лингвистики и переводоведения можно отнести следующие.

– В когнитивной лингвистике считается, что наше мышление и язык основаны на концептах, являющихся своеобразными ментальными образами и схемами. Переводчикам важно понимать сущность концептов, чтобы максимально точно передать смысл, созданный средствами ЯИ (язык источник), средствами ЯП.

– Многие концепты культурно обусловлены, и чтобы сохранить оригинальный смысл, переводчик обязан знать не только значения слов, но и культурные нюансы, которые связаны с концептами: «переводчик является «проводником» в мир незнакомой культуры, в мир другого лингвосоциума» [5, с. 360]. Так, русский концепт ДУША часто ассоциируется с чем-то очень личным и эмоциональным, в то время как в английском языке подобное явление может быть выражено концептом *SOUL*, но с иными культурными нюансами. При переводе важно не просто заменить слово «душа» на слово «*soul*», а понять и передать реципиентам текста-перевода, что в русской культуре «душа» – это не только духовная часть человека, но и часть его побуждений, внутренней моральных установок и эмоций. Переводчик может выбрать более подходящий эквивалент или добавить пояснение, чтобы сохранить смысл. Так, в статье Н. А. Углинской подчеркивается, что концепт ДУША занимает одно из центральных мест в концептосфере русского языка, он «выступает как смысловая доминанта русской национальной личности. «Русская душа» – это концептуальная метафора, сформировавшаяся под решающим влиянием литературы и фольклора и отражающая национальную ментально-психологическую специфику представлений русского человека о себе. Неудивительно, что сущность русского менталитета зачастую сводят к совокупности смыслов, связанных с концептом «РУССКАЯ ДУША» [7, с. 151–152]. Часто при переводе на английский язык слова «душа» используется фраза, например, «*heart and spirit*» вместо прямого «*soul*».

– Содержание концептов часто выражается посредством метафор (например, «время – деньги», «жизнь – река») [6]. Переводчик должен знать, как эти метафоры работают в разных языках, чтобы сохранить образность, созданную автором. В русском языке фраза «время – деньги» – это метафора, которая связывает абстрактный концепт времени с материальной ценностью. В английском это звучит так же – “*Time – is money*”. Но в других языках эта метафора может не работать, или восприниматься иначе, например, в японском – другая метафорическая концепция времени «время – вода» – что отражает другое восприятие времени, связанное, скорее, с его течением и ценностью, а не с его денежной значимостью, соответственно при переводе таких метафор для поддержания их функции и сохранения эмоционального заряда могут потребоваться другие образные конструкции.

– Исследования, проведенные в области когнитивной лингвистики, свидетельствуют о том, что людям свойственно создавать ментальные модели мира. Процесс перевода соотносим с трансфером этих моделей из

одного языка в другой. Так, например, в русском языке есть выражение «держаться удар», которое означает «быть стойким, не сдаваться». В английском существует аналог: «*hold the blow*», но оно относительно редко используется, поэтому в таких случаях лучше использовать английский эквивалент – «*to stay strong*» или «*to withstand the blow*». Понимание структуры ментальной модели помогает подобрать соответствующий эквивалент, который передаст контекстуальное, а не дословное значение.

– Учет культурных и когнитивных особенностей ЯИ часто не допускает прямого перевода, требует адаптации с целью сохранения смысла во избежание искажения концептуальной сущности. В русском и английском языках есть концепты БЮРОКРАТИЯ и *BUREAUCRACY*, но отношение к ним разное. В русском это часто негативное явление, а в английском – может быть нейтральным. Если в тексте есть негативная коннотация [4], переводчик может добавить, расширить контекст или выбрать слово, подчеркивающее этот смысл.

Знание перечисленных аспектов имеет исключительную важность для переводчика-практика, так как помогает избежать ошибок концептуального характера, обеспечивает более точную передачу смысла и разнообразных культурных контекстов, а также облегчает поиск эквивалентов. Таким образом, применение принципов когнитивной лингвистики помогает лучше понять внутренний смысл слов и выражений переводимого текста, а знание теории концептов способствует удачному переводу, в котором сохранится как оригинальная идея, культурный колорит, так и замысел автора.

Список использованных источников

1. Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infolex.ru/Concept.html> (дата обращения: 23.12.2025)
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ. – 2010. – 264 с.
3. Кислицына Н. Н., Герман К. Д. Значимость ключевых слов в аспекте изучения дискурса // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы I всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 27–29 апреля 2017 года. Симферополь: «Ариал», – 2017. – С. 186–190.
4. Кислицына Н. Н. Концепция лингвистической коннотологии (когнитивно-дискурсивный аспект). – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью "Антиква", 2022. – 328 с. – ISBN 978-5-6047544-4-3.]
5. Кислицына Н. Н., Лях А. В. Специфика перевода научно-фантастических текстов // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2016. – № 34. – С. 359–364.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 387–415.
7. Углинская Н. А. Концепт «русская душа» как личностный модус русского менталитета: основные стратегии исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2024. – № 82. – С. 150–159. doi: 10.17223/1998863X/82/13.

УДК 811.512.111'373.21'25:811.161.1

ПЕРЕВОД ЧУВАШСКИХ ОЙКОНИМОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК**Э. В. Фомин,***кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств, Чебоксары*

Аннотация. Работа посвящена изучению чувашской и русской ойконимической систем, исторически взаимосвязанных, в аспекте переводоведения. Материалом исследования послужили чувашско-русские ойконимические пары, кодифицированные государственными органами Чувашской Республики, в их исчерпывающей совокупности. В качестве способа русской номинации чувашских населенных пунктов могут допускаться транслитерация, частичный и полный переводы. Вместе с тем значительная часть обеих топонимических систем может оформляться на абсолютно разных исходных основаниях. Семантическое соответствие между чувашскими и русскими ойконимическими парами составляет 0,68 единиц из одной возможной.

Ключевые слова: чувашско-русские языковые контакты, ойконимия, ономастика, перевод.

Summary. This paper examines the historically interconnected Chuvash and Russian oikonymic systems from a translation studies perspective. The study's dataset includes a comprehensive collection of Chuvash-Russian oikonymic pairs codified by state bodies of the Chuvash Republic. Transliteration, partial and full translations. At the same time, a significant part of both toponymic systems can be formed on completely different initial bases. The semantic correspondence between Chuvash and Russian oikonymic pairs is 0.68 units out of one possible.

Key words: Chuvash-Russian language contacts, oikonymy, onomastics, translation.

Чувашская ойконимия – целостная и самобытная система, чья специфика определяется рядом ярких черт, отличающих ее от ойконимии соседних народов.

В структуре названий населенных пунктов в чувашской среде четко прослеживаются словообразовательные модели, включающие характерные топоформанты *-кас(си)*, *-(а)нар* (← мар. *-энгер* 'река'), *-вйш* (← мар. *вож* 'корень, основание'), *-ушкйнь* (← чув. *ушкйн* 'группа, общество'), *пуç* 'голова; исток; начало', *сырма* 'овраг', *ял* 'село' и др. Они могут указывать на тип поселения, природный объект, имя основателя или владельца. Значительный пласт ойконимов составляют названия с компонентами *çёнё* 'новый' и *кивё* 'старый', отражающие историческую динамику расселения, *анат(ри)* 'нижний' и *тури* 'верхний', дающие названия селениям по географическому признаку. Наличие природных реалий в названиях подчеркивает связь чувашской топонимии с окружающей средой, а частотность повторяющихся основ демонстрирует устойчивость топонимической системы (подробнее о чувашской ойконимии см.: 1).

В основу настоящего исследования положен чувашско-русский список ойконимов чувашских селений, составленный на базе справочника «Населенные пункты Чувашской АССР» [2] и включающий 1722 чувашско-русские пары. В данном случае сложно определить их отношения между собой в качестве оригинально-переводных. Скорее речь должна идти о двух

самостоятельных топонимических системах, которые находятся в исторических взаимосвязях.

Выводы работы основаны на методе семантической идентификации ойконимических соответствий, сводимого к количественно-качественному анализу фактического материала [3–5]. Автором ойконимы по степени семантического тождества оцениваются как идентичные, частично идентичные и абсолютно неидентичные. В целях количественного измерения семантического расстояния названий сел каждой паре присуждаются баллы: идентичные названия оцениваются в одну единицу, частичные соответствия – в 0,5, различающиеся – в ноль баллов. Данные цифровые выражения складываются, и полученная сумма делится на общее количество единиц. Таким образом выводится среднее семантическое тождество чувашских и их русских соответствий.

В идеале разноязычные пары ойконимов должны быть идентичными. Но наблюдения показывают необъективность такого предположения (см. табл. 1).

Таблица 1. Соотношение чувашских и русских ойконимов по уровню семантической идентичности

Виды ойконимов	Количество ойконимов	
	Σ	доля, в %
а) идентичные (1 балл)	972	56,5
б) частично идентичные (0,5)	409	23,7
в) неидентичные (0)	341	19,8
Σ	1722	100

А) Идентичные пары ойконимов представляют собой доминирующий пласт с долей в 56,5 процентов, см., например: чув. *Асамат* = рус. *Азамат*, чув. *Анаткас / Анаткасси* = рус. *Анаткасы*, чув. *Върман Кушкӑ* = рус. *Вурман-Кошки*, чув. *Енӗшкасси* = рус. *Енешкасы*, чув. *Сархурӑн* = рус. *Сархорн*, чув. *Услӑх* = рус. *Услыхи*, чув. *Шерӑк* = рус. *Шерек*.

Фонетически созвучные ойконимы, чаще всего являющиеся транслитерацией исходных чувашских названий, позволяют безошибочно идентифицировать оригинальные и переводные онимы. При этом отметим, что в ряде случаев перевод все-таки возможен, но не реализуется на практике: *Анаткас* – букв. нижнее селение; *Върман Кушкӑ* – букв. Лесные Кошки, *Енӗшкасси* – букв. селение на р. Енеш, *Сархурӑн* – красивая береза.

Б) Частично идентичные ойконимы с долей в 23,7 процентов следует квалифицировать в качестве фактов, в которых реализовался допустимый, но не тождественный перевод. В такого рода парах русские соответствия наращиваются новыми аффиксами и иногда определениями, основанными на иных признаках, нежели в оригинальном чувашском ойконимиконе: чув. *Алманч* = рус. *Алманчино*, общий элемент – *Алманч*; чув. *Анат Сурӑм* (букв. Нижние Сормы) = рус. *Дальние Сормы*, общий элемент – *Сурӑм*; чув. *Именкасси* = рус. *Именево*, общий элемент – *Имен*, чув. *Ӑвӑснӑрт Кипеч* (где *Ӑвӑс* ‘осина’, *нӑрт* ‘дом’) = рус. *Малые Кибечи*, общий элемент – *Кипеч*; чув.

Анат Тимёрчкасси = рус. *Нижнее Тимерчеево*, общий элемент – *Тимёрч*, чув. *Ѕёрпӹел* = рус. *Сюрбеевка*, общий элемент – *Ѕёрпӹ*.

В эту же группу входят ойконимы-синтагмы, в которых один из компонентов имеет доступную семантику, а другой представляет этимологически затемненный компонент: *Мӹн Улхаш* = рус. *Большие Алгаш*, где *мӹн* – большой, *Улхаш* – ?, *Тури Кӹлешкасси* = рус. *Верхнее Кляшево*, где *тури* – расположенный на возвышенности, *Кӹлеш* – ?, *Кӹсӹн Ахпӹрт* – *Малое Ахпердино*, где *кӹсӹн* – младший, *Ахпӹрт* – ?, *Хирти Ёнел* – *Полевые Инели*, где *хирти* – полевой, *Ёнел* – ? В данном пласте семантически затемненные чувашские ойконимы могут модифицироваться – занять русские аффиксы: чув. *Улхаш* → рус. *Алгаш*|и, чув. *Кӹлеш*|касси → рус. *Кляш*|ев|о.

Иногда в русском ойконимическом процессе используется буквальный перевод чувашских названий – надо сказать, метод, нетипичный для ойконимии: чув. *Вӹрманкасси* букв. лесное селение → рус. *Лесная*, чув. *Вӹрманхӹрри* букв. окраина леса → рус. *Подлесное*, *Ѕӹкалӹх* букв. липняк → рус. *Липовка*, чув. *Ѕӹкалӹхъял* букв. селение с липняком → рус. *Липовка*, чув. *Ѕуткӹл* букв. светлое озеро → рус. *Белое Озеро*, чув. *Тӹрнашур* букв. журавлиное болото → рус. *Журавлевка*, чув. *Тимёрчкасси* букв. селение кузнеца → рус. *Кузнецово*, чув. *Хупахушкӹнь* букв. кабацкое общество → рус. *Кабацкая*, чув. *Хыркасы* букв. сосновое селение → рус. *Сосновка*, чув. *Шуришу* букв. белая вода → рус. *Белая Воложка*.

При адаптации чувашской топонимии под требования русского языка в ряде случаев используется способ интерпретации на основе созвучий (народная этимология), ср.: рус. *Олух-Шумшеваши* ← чув. *Улӹх Шӹмшеш*, где *улӹх* — луг; рус. *Павлушкино* ← чув. *Павӹлушкӹнь*, букв. общество Павла; *Поганкино* ← чув. *Пуканкасси* из *пукан* ‘стул’, *-касси* ‘селение’.

В) В случае с абсолютно неидентичными ойконимами, которых насчитывается 19,8 процентов, о переводе можно говорить лишь условно, ср.: чув. *Акчел* = рус. *Новое Булаево*, чув. *Ирчикасси* = рус. *Осиново*, чув. *Кӹслеяль* (букв. *кӹсле* ‘гусли’, *ял* ‘село’) = рус. *Ибраялы*, чув. *Сӹнтӹрпуҫ* (букв. исток р. Сундырь) = рус. *Большое Шигаево*, чув. *Тукасси* (букв. верхнее селение) = рус. *Ватраскино*, чув. *Хыҫалкас* (букв. заднее селение) = рус. *Малая Андреевка*. Несовпадение чувашских и русских названий одних и тех же населенных пунктов у наблюдателей порождает ложное ощущение, что речь идет о разных населенных пунктах.

Транслитерированные и разнозвучные чувашско-русские соответствия подтверждают справедливость правила о непереводимости онимов, в то же время частично идентичные пары, обычно бытующие в форме словосочетаний, могут допускать переводной подход в ойконимии.

Согласно подсчетам, семантическое соответствие между чувашскими и русскими названиями в генеральной совокупности составляет 0,68 единицы из одной возможной. Следовательно, разность ономастических систем достигает величины в 0,32, и это весьма существенно. Видимо, не

случайно в современной речи наблюдается тенденция замещения чувашских ойконимов русскими – таким образом как будто обеспечивается единообразие названий. В этих условиях чувашская ойконимическая система безусловно нуждается в защите как **уникальный пласт культурного наследия и неотъемлемая часть языкового ландшафта региона.**

Сравним выведенный средний показатель с частными данными трех муниципальных округов, представляющих разные этнотерриториальные группы – Ядринского (вирьял), Урмарского (анат енчи) и Яльчикского (анатри). Показатель чувашско-русской идентичности ойконимов Ядринского округа составляет 0,83 единицы (+ 0,15 относительно средней), Урмарского – 0,73 (+ 0,05), Яльчикского – 0,35 (– 0,33). Иначе говоря, формирование чувашских и русских названий населенных пунктов в разных концах Чувашии происходило на основе разных назывных стратегий: в Ядринском и Урмарском в основе ойконимического процесса лежит сохранение оригинальных названий с переводом в ряде случаев семантически доступной части, в Яльчикском округе ойконимы продуцируются на базе разных исходных названий.

Итак, чувашская и русская ойконимия находятся в тесных исторически обусловленных взаимосвязях. Но при всем том не представляется возможным говорить о переводе одной (чувашской) ойконимической системы на другую (русскую) языковую культуру в подлинном смысле. Идентичность чувашских и русских ойконимов относительная, не абсолютная. Объективно здесь представлен двусистемный феномен, где отношения в парах варьируют от транслитеративных до переводных. В условиях билингвизма исторически формируются параллельные топонимические системы, и одни и те же объекты в контексте конкретных языков вполне могут иметь разные названия.

Сокращения: Букв. – буквально, мар. – марийский язык, рус. – русский язык, чув. – чувашский язык.

Список использованных источников

1. Нестеров В. А. Над картой Чувашии: историко-топонимические заметки. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2017. 142 с.
2. Нестеров В. А. Населенные пункты Чувашской АССР: 1917–1981 годы: справочник об административно-территориальном делении. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1981. 351 с.
3. Фомин Э. В. О семантической идентичности переводных библионимов // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Симферополь, 2025. – С. 258–262.
4. Фомин Э. В. Оригинальные и переводные названия спектаклей чувашского театра // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Симферополь: Ариал, 2023. – С. 383–387.
5. Фомин Э. В. Чувашские библионимы конца XIX в. в аспекте переводоведения // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Симферополь, 2024. – С. 399–402.

УДК 81.23

**КОД-СВИТЧИНГ И БИЛИНГВАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК
ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПЕРЕВОДА В
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Т. Г. Чернышова,

кандидат педагогических наук, доцент,

А. Ю. Абляимова,

обучающаяся,

*Институт филологии, Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского, Симферополь.*

Аннотация. Исследование фокусируется на взаимодействии код-свитчинга и билингвальной компетенции как ключевых факторов успеха в современном переводе. Анализируются структурные механизмы переключения кодов и их прагматические функции. Доказывается, что данное явление, будучи осознанным стратегическим выбором, позволяет решать комплексные задачи в специализированных дискурсах, от обеспечения терминологической точности до передачи культурно-обусловленных смыслов. Работа подчеркивает эволюцию роли переводчика от транслятора к медиатору, владеющему гибридными языковыми ресурсами.

Ключевые слова: межъязыковое переключение, компетентность билингва, медиация смысла, гибридный текст, прагматика перевода.

Summary. The study focuses on the interaction of code-switching and bilingual competence as key success factors in modern translation. It analyzes the structural mechanisms of code-switching and their pragmatic functions. The work proves that this phenomenon, as a deliberate strategic choice, enables solving complex tasks in specialized discourses – from ensuring terminological precision to conveying culturally conditioned meanings. It emphasizes the evolution of the translator's role from a transmitter to a mediator proficient in hybrid language resources.

Key words: cross-language switching, bilingual proficiency, meaning mediation, hybrid textuality, translation pragmatics.

Современная профессиональная коммуникация в условиях глобализации и цифровизации характеризуется возрастающей гибридностью языковых практик. Традиционная модель перевода как линейной трансляции текста с одного языка на другой зачастую оказывается недостаточной для решения сложных коммуникативных задач в мультикультурных и узкоспециализированных контекстах. На передний план выходят концепции, рассматривающие переводчика не как механического посредника, а как активного участника коммуникации, обладающего комплексной языковой и культурной компетенцией.

В рамках данной парадигмы особый интерес представляют два взаимосвязанных феномена: код-свитчинг (переключение кодов) и билингвальная компетенция. Их синергия формирует основу для стратегического подхода к переводу, который позволяет не просто передавать информацию, а управлять смыслами, адаптироваться к специфике профессиональных дискурсов и добиваться максимального прагматического воздействия на целевую аудиторию.

Сегодня код-свитчинг признаётся высокоорганизованным

лингвистическим поведением, подчиняющимся внутренним правилам и отражающим продвинутый уровень владения языками. К код-свитчингу относятся случаи, когда билингвы сознательно или неосознанно переключаются с одного языка на другой в рамках одного разговора или текста. «Код-свитчинг определяется как чередование двух или более языков или языковых вариантов в разговоре. Он может быть классифицирован на различные типы, включая межпредложный, внутripредложный и переключение с тегами, каждый из которых имеет свои структурные особенности» [1. с. 358]. “Code-switching is defined as the alternation between two or more languages or varieties of language in conversation. It can be classified into different types, including inter-sentential, intra-sentential, and tag-switching, each with distinct structural characteristics”.

Межпредложный свитчинг (inter-sentential) происходит на границе независимых синтаксических единиц. Этот тип часто используется для структурирования дискурса, выделения тематических блоков или смены коммуникативной роли. Внутripредложный свитчинг (intra-sentential) наиболее сложный тип, требующий от говорящего интуитивного или осознанного соблюдения синтаксических правил обоих языков в рамках одной фразы. Переключение с тегами (tag-switching) предполагает вставку готовой формулы из одного языка в высказывание на другом. Такие теги часто выполняют метакоммуникативную функцию, привлечение внимания, запрос подтверждения, усиление эмоциональной окраски. Эти структурные паттерны отнюдь не случайны; они являются маркером виртуозного владения языковыми системами, что ставит под сомнение устаревшие представления о код-свитчинге как о проявлении неполной компетенции [5, с. 39].

Однако сам по себе факт способности к переключению кодов ещё не гарантирует качества перевода. Фундаментальной основой, питающей эту способность и превращающей её из потенциальной в эффективную, выступает билингвальная компетенция. Профессиональный перевод – это сложный процесс, требующий не просто знания двух языков, но и глубокого понимания их структуры, нюансов, культурного контекста и прагматики [3, с. 118]. Билингвальная компетенция в контексте перевода выходит за рамки простого владения двумя языками; она подразумевает способность эффективно оперировать обоими языками для выполнения переводческой задачи.

Билингвальная компетенция включает в себя металингвистическую осведомлённость, то есть способность анализировать язык как систему, и прагматическую чувствительность – понимание того, как языковые средства используются для достижения конкретных целей в конкретной культурной среде. Гонсалес подчеркивает, что билингвы обладают «дифференцированной компетенцией», что важно для перевода специализированных текстов, где знание культурных и профессиональных контекстов критично. «Билингвальная компетенция так же способность

эффективно понимать и использовать два языка, является фундаментальной для профессиональных переводчиков, поскольку она обеспечивает их способность точно и культурно адекватно передавать смысл» [5]. “Bilingual competence the ability to understand and use two languages effectively is fundamental for professional translators as it underpins their capacity to convey meaning accurately and culturally appropriately”.

Исследования по этой теме подтверждают, что ошибки, связанные с непониманием культурно-специфичных импликаций, составляют значительную долю недостатков в работах переводчиков с формально хорошим знанием языка, но недостаточной билингвальной компетенцией в широком смысле. Таким образом, именно эта компетенция служит фильтром, который отделяет механическую подстановку слов от осмысленного коммуникативного акта [4. с. 21].

В профессиональной практике код-свитчинг, опирающийся на прочную билингвальную компетенцию, перестаёт быть стихийным явлением и превращается в стратегический инструмент для адаптации текста и улучшения коммуникации. Он становится осознанным ответом на специфические вызовы, с которыми сталкивается переводчик. Одним из таких вызовов является отсутствие прямого и однозначного эквивалента в целевом языке или неполная смысловая или эмоциональная нагрузка существующего эквивалента. В этих ситуациях переводчик может прибегнуть к импортированию (importation) – сохранению оригинального термина. Это особенно актуально для узкоспециализированных областей, где определенные термины стали международно признанными. Например, сохранение английских терминов в области IT («cloud computing», «big data») или медицине («syndrome») [6].

Анализ реальных кейсов показывает, что переводчики в международных компаниях и институтах используют код-свитчинг как стратегию для управления сложными коммуникативными задачами. В технических и научных текстах часто сохраняются международные термины, особенно в быстро развивающихся областях, где английский язык доминирует. В перевод маркетинговых материалов и рекламы, код-свитчинг часто используется для придания тексту большей привлекательности, актуальности или «глобальности». Например, слоган «Experience the future» может быть оставлен без перевода или адаптирован с сохранением английского слова, если это соответствует брендинговой стратегии [2]. В литературном переводе переводчики часто используют код-свитчинг для воспроизведения авторского стиля, передачи атмосферы или характеристик персонажей. В переводе субтитров и дубляже код-свитчинг применяется для адаптации речи персонажей к культурным особенностям целевой аудитории, а также для оптимизации синхронизации.

Исходя из вышеизложенного, выводы исследователей о том, что код-свитчинг не является признаком лингвистической некомпетентности, находят своё полное подтверждение. Он часто служит стратегическим

инструментом для достижения определенных коммуникативных целей, таких как установление социальной идентичности, выражение принадлежности к группе или подчеркивание определенного значения. Грамотный код-свитчинг в переводе – это не хаотичное переключение, а целенаправленное использование языковых ресурсов для достижения наилучшего коммуникативного эффекта.

Для современного рынка переводческих услуг это имеет прямое практическое значение. Клиенты все чаще ожидают, что переводчик будет не просто механически переносить текст с одного языка на другой, а сможет работать с нюансами межкультурной коммуникации, частью которой является и код-свитчинг. Поэтому развитие соответствующих компетенций становится не просто академической задачей, а условием профессиональной конкурентоспособности. Будущему профессионалу требуется умение выбирать между полной адаптацией, калькированием и осознанным импортированием элемента исходного кода, исходя из задачи текста и ожиданий аудитории. В этом и заключается суть современного перевода – сложной, контекстуально обусловленной деятельности медиатора, который виртуозно управляет смыслами на пересечении языков и культур, а код-свитчинг и билингвальная компетенция являются его важнейшими инструментами навигации в этом многомерном пространстве.

Список использованных источников

1. Азарова Н. М. Когнитивные основания техники code-switching / Н. М. Азарова // Когнитивные исследования языка. 2016. – № 27. – С. 356-363. – DOI: 10.20916/2071-9639-2016-27-356-363. EDN XDDSSJ.
2. Жиганова А. В. Роль переключения языкового кода в рекламе / А. В. Жиганова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2011. – № 13. – С. 33-41. – EDN NDVLFV.
3. Латышев Л. К., Поворотов, В. И., 2001. Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом вузе. Учебно-методическое пособие. Москва: НВИ-ТЕЗАУРУС. – с.114-119.
4. Подольская А.И. О проблеме формирования переводческой компетенции у студентов филологического профиля обучения. – М., 2011. – 45 с.
5. González A. M. Spanish–English code-switching among low-income, second-generation Mexican-Americans in Chicago / A.M. González // Spanish in Context. – 2014. – 11(1). – P. 28-52. – DOI: 10.1075/sic.11.1.02gon
6. Krasina E. A. Code-switching: state-of-the art / E.A. Krasina, M.M. Jabballa // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series, Theory of language. Semiotic. Semantics. – DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-403-415.

УДК 81'255.2

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА МОЛОДЁЖНОГО СЛЕНГА В
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СЕРИАЛАХ (2000–2020-е гг.)****М. А. Чечотенко²⁵,***обучающаяся, Институт филологии, Крымский федеральный
университет имени В.И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. В данной статье выявлены ключевые проблемы перевода молодежного сленга в англоязычных сериалах начала XXI века. Материалом исследования послужили сериалы 2000-х, 2010-х и 2020-х годов, с помощью которых возможно проследить влияние временных периодов на переводческие решения. Анализируются трудности передачи экспрессивности, культурной специфики и прагматической функции сленговых единиц, а также их особенности в условиях аудиовизуального перевода. Особое внимание уделяется стратегиям адаптации молодежного сленга при переводе на русский язык.

Ключевые слова: молодежный сленг, аудиовизуальный перевод, перевод сериалов, переводческие стратегии, английский язык.

Summary. The article focuses on the main problems of translating youth slang in English-language TV series of the early 21st century. The study is based on TV series from the 2000s, 2010s and 2020s, which makes it possible to analyze the impact of the time factor on translation decisions. The difficulties of conveying the expressivity, cultural specificity, and pragmatic function of slang units, as well as their peculiarities in terms of audiovisual translation, are analyzed. Special attention is paid to the translation of expressive and culture-specific slang units as well as to the strategies used in audiovisual translation.

Key words: youth slang, audiovisual translation, TV series translation, translation strategies, English language.

В современном мире англоязычные сериалы становятся одним из наиболее значимых источников распространения разговорной речи и молодежного сленга. Они существенно влияют на способы коммуникации молодежи, отражают актуальные языковые тенденции, а также формируют языковое сознание зрителей. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема адекватного перевода молодежного сленга, который отличается высокой степенью динамичности, экспрессивности и культурной обусловленности.

Современный молодежный сленг – это многоуровневое лингвистическое явление, характеризующееся нестабильностью, ситуативностью и тесной связью с социальным контекстом. При переводе сленговых единиц переводчик сталкивается с необходимостью не только передать их семантическое значение, но и сохранить эмоционально-прагматический эффект, что особенно важно в аудиовизуальном переводе сериалов.

Целью данной статьи является анализ основных проблем перевода молодежного сленга в англоязычных сериалах 2000–2020-х годов и описание наиболее распространённых переводческих стратегий.

Молодёжный сленг является частью нелитературной лексики и выполняет ряд функций: идентификационную, экспрессивную, оценочную

²⁵ Научный руководитель: к.филол.н., доцент Т. Г. Чернышова

и коммуникативную. Он активно используется для выражения эмоций, установления неформального контакта и обозначения принадлежности к определённой социальной группе.

В сериалах начала 2000-х годов молодежный сленг преимущественно основывается на разговорных выражениях и устойчивых оценочных клише (cool, dude, awesome, freak out). В 2010-х годах наблюдается усиление влияния интернет-культуры и разговорных сокращений (OMG, seriously?, whatever), тогда как в 2020-х годах сленг всё чаще включает интернет-маркеры (low-key, vibe, cringe). Для переводчика важным является тот факт, что сленговые единицы редко имеют прямые эквиваленты в языке перевода, а их значение часто зависит от контекста, интонации и коммуникативной ситуации.

Одной из ключевых трудностей является неэквивалентность сленговых единиц. Многие выражения обладают ярко выраженной культурной спецификой и не имеют прямых соответствий в русском языке. Например, такие выражения, как cringe или awkward, требуют контекстуального переосмысления и адаптации.

Проблема передачи экспрессивности. Сленг выполняет экспрессивную функцию, поэтому при переводе важно сохранить эмоциональную окраску высказывания. Буквальный перевод часто приводит к нейтрализации эмоций и снижению выразительности реплики, что может исказить характер персонажа.

Проблема временной актуальности. Сленг быстро устаревает, особенно в сериалах 2000-х годов. Переводчик сталкивается с выбором: сохранить устаревшую лексику или заменить её современными аналогами, что может привести к временной несоотнесённости перевода с оригиналом.

Ограничения аудиовизуального перевода. При переводе субтитров и дубляжа учитываются технические ограничения: длительность реплики, синхронизация с артикуляцией, объём текста. Это часто вынуждает переводчика сокращать или упрощать сленговые выражения.

Лексическая замена. Наиболее распространённой стратегией является замена сленговой единицы функционально близким выражением в языке перевода. Например, That's insane! может передаваться как «Это жуть!» или «Это безумие!».

Описательный перевод. Используется в случаях, когда сленговая единица не имеет аналога. При этом значение передаётся с помощью развернутого описания, что, однако, может снижать динамику диалога.

Нейтрализация. Данная стратегия предполагает перевод сленговой единицы нейтральной лексикой. Она применяется при жёстких технических ограничениях, но приводит к утрате стилистической окраски.

Культурная адаптация. Адаптация предполагает замену оригинального выражения близким по функции элементом русской молодежной речи. Этот приём особенно актуален для сериалов 2020-х годов, ориентированных на молодёжную аудиторию.

Анализ переводов сериалов разных периодов показывает, что в 2000-х годах перевод молодежного сленга чаще характеризуется нейтрализацией и упрощением. В 2010-х годах наблюдается более активное использование разговорных аналогов, а в 2020-х – стремление к сохранению молодежной стилистики за счёт актуальных русскоязычных сленговых единиц. Таким образом, временной фактор оказывает существенное влияние на выбор переводческих стратегий и степень адаптации сленга.

Комплексный перевод молодежного сленга в англоязычных сериалах является сложной задачей, которая предполагает учёт лингвистических, культурных и прагматических факторов. Отсутствие эквивалентов, необходимость передачи экспрессивности и ограничения аудиовизуального перевода обуславливают разнообразие переводческих решений. Проведенный анализ сериалов 2000–2020-х годов позволяет сделать вывод о том, что современные переводческие практики всё чаще ориентированы на функциональную и культурную эквивалентность, что способствует более адекватному восприятию оригинального текста целевой аудиторией.

Список использованных источников

1. Комиссаров В. Н. Теория перевода. – М.: Высшая школа, 2019.
2. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. – М.: URSS, 2020.
3. Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation. – London, 2018.
4. Díaz Cintas J. Audiovisual Translation. – London, 2021.
5. Eble C. Slang and Sociability. – Chapel Hill, 2019.

УДК 811.112.2

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПЕРЕВОДЧЕСКОМ КОММЕНТАРИИ

Е. М. Шастина,

*доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии,
Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского)
федерального университета, Елабуга*

Аннотация. Исследуется понятие «переводческий комментарий» как разновидность метатекста, создаваемого переводчиком для компенсации переводческих потерь, передачи культурологического контекста, расширения информационного фона потенциального реципиента, сохранения авторской интенции, устранения межкультурных лакун. Доказано, что переводчик, исходя из субъективного представления о компетенции реципиента, выбирает форму комментария (сноски, постскриптум, встроенные в текст пояснения) и объем фактической информации, необходимой для достижения эквивалентности перевода. Выявлены специфические особенности переводческого комментария в тексте на материале автобиографической трилогии современного австрийского писателя, лауреата Нобелевской премии Элиаса Канетти в переводе А. Карельского с немецкого языка на русский.

Ключевые слова: переводческий комментарий, Канетти, автобиография, метатекст.

Abstract. This article explores the concept of "translation commentary" as a form of metatext created by a translator to compensate for translation losses, convey cultural context, expand the potential recipient's informational background, preserve the author's intention, and

eliminate intercultural gaps. It is demonstrated that, based on a subjective perception of the recipient's competence, the translator selects the form of commentary (footnotes, postscript, in-text explanations) and the amount of factual information necessary to achieve translation equivalence. Specific features of translation commentary in a text are identified using the autobiographical trilogy by contemporary Austrian writer and Nobel Prize winner Elias Canetti, translated from German into Russian by A. Karelsky.

Keywords: translation commentary, Canetti, autobiography, metatext.

Априори переводчик как языковой и культурный посредник руководствуется в практической деятельности набором определенных переводческих решений, при этом учитывает специфику и культурную составляющую текста для достижения цели перевода, то есть выбирает приемлемую стратегию перевода, которая не исключает, а иногда и просто «обязывает» переводчика включать в перевод дополнительный материал в виде примечания переводчика или переводческого комментария (далее ПК), поскольку в случае недостаточной осведомленности реципиента относительно содержащейся в тексте оригинала информации или отсутствия аналога в переводном языке ПК (в виде сносок, постскриптума или внутритекстовых пояснений) может рассматриваться в качестве единственного средства достижения эквивалентности, позволяющего «дать максимальное представление о тексте оригинала, в особенности тех его чертах, которые неизбежно утрачиваются в переводе» [1, с.346].

ПК в художественном переводе может содержать как фактическую, так и фактологическую информацию, необходимую для понимания замысла автора. В противном случае речь идет о смысловой потере, которая, как правило, может привести к неясности или неточности, а также к искажению смысла. Обычно в ПК попадает безэквивалентная лексика, иноязычные вкрапления, которые в тексте оригинала остаются без перевода, самые общие сведения об историческом контексте, географическом пространстве или исторической личности. Очевидно, что ПК, «дополняя и объясняя текст оригинала, вступает с ним во взаимодействие и открывает читателю другие возможные интерпретации текста» [9, с.40].

На сегодняшний день в переводоведении сформировались разные подходы к исследованию потенциала ПК, что находит отражение в монографических исследованиях [2; 6; 8 и др.] и многочисленных научных статьях [1; 7; 9 и др.], ПК исследуется на стыке лингвистики, литературоведения, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации как особый вид вторичного текста, а также с позиций теории и практики перевода как один из важнейших приемов перевода.

В настоящей статье ПК традиционно рассматривается как разновидность метатекста, создаваемого переводчиком для решения таких задач, как компенсация переводческих потерь, передача культурологического контекста, расширение информационного фона потенциального реципиента, сохранение авторской интенции и устранение межкультурных лакун. Актуальность исследования обусловлена необходимостью уточнения понятия «переводческий комментарий»

применительно к художественному переводу. Цель настоящего исследования – анализ специфики ПК в художественном переводе. Материалом исследования выступает автобиографическая трилогия австрийского писателя Элиаса Канетти (1905-1994) [12; 13; 14] и ее перевод с немецкого языка на русский, выполненный А. Карельским [3; 4; 5].

Существуют различные классификации ПК: по содержательному критерию ПК делятся на лингвoseмиотические (семантические, синтаксические, прагматические) и лингвокультурные комментарии (описывающие целевые культурные события и вызванные различиями в культуре языка оригинала и языка перевода) [2, с. 6]. Когнитивно-семиотическая типология включает такие виды комментария, как энциклопедический, идиолектный, интертекстуальный [6, с.10-11] и т.д.

Ранее автором статьи предпринималась попытка включить в научный оборот различные аспекты, связанные с переводом произведений Канетти на русский язык [10; 11]. Таким образом, выбор автобиографической трилогии в качестве материала исследования продиктован, с одной стороны, научными интересами автора статьи, с другой стороны, спецификой автобиографической наррации, обнаруживающей сочетание «поэзии и правды» (Гете), то есть субъективного, создаваемого при участии творческого воображения и вымысла, и объективного, фиксирующего реальные события в собственном жизнеописании. Автобиографическая трилогия Канетти включает в себя события, имевшие место в период с 1905 по 1937 гг.

Первая книга автобиографии «Спасенный язык. История одного детства» [3] содержит 94 постраничные сноски, которые выполняют в тексте разные функции. Проследим это на конкретных примерах:

Außer den Bulgaren, die oft vom Lande kamen, gab es noch viele Türken, die ein eigenes Viertel bewohnten, und an dieses angrenzend lag das Viertel der Spaniolen, das unsere [12, S.10] / *Кроме болгар, многие из которых переехали сюда из деревни, было здесь много турок, живших в своем собственном квартале, к которым примыкал квартал сефардов, наш квартал* [3, с. 6]. (ПК к слову *сефарды*: «Сефарды – потомки евреев, живших в Испании с античных времен до конца конца XV в., когда они были изгнаны из Испании и расселились по странам Средиземноморья, на Балканах и, в меньшей степени, по Западной Европе»). На первый взгляд, достаточно объемный пассаж в виде ПК может показаться неоправданным. Однако, данная «историческая справка» необходима для понимания многих аспектов жизни и творчества Канетти.

Die Lust an topographischer Zeichnung, der Stendhal in seinem „Henry Brulard“ mit leichter Hand frönt ... [12, S.18] / *Страсть к топографическим зарисовкам, которой между делом предавался Стендаль в своем «Анри Брюларе»...* [3, с. 15]. (ПК: «Имеется в виду автобиографический роман Стендаля «Жизнь Анри Брюлара» („Vie de Henry Brulard“), рукопись которого сопровождается многочисленными рисунками и

картографическими планами, выполненными самим писателем»). Данный комментарий переводчика направлен на расширение литературно-исторического контекста, переводчик включает информацию относительно жанровой принадлежности произведения Стендаля, дает полное название произведения на языке оригинала, проясняет ситуацию обращения к произведению французского писателя.

«Языковая судьба» Канетти, владевшего несколькими языками, находит отражение в тексте автобиографии, поэтому, очевидно, что переводчик включает в комментарий перевод иноязычных вкраплений на испанском, английском, французском, немецком языках, языке ладино, иврите и латыни.

Aber die eigentliche Probe, auf die es ihm kam, war: „Die Glocken läuten“, und gleich danach: „Alle Leute“ [12, S.101] / Но главное испытание он оставил на самый конец: „**Звонят** колокола» - и сразу же за этим: «**Все люди**» [3, с. 101]. (ПК: «В немецком языке слова «звонят» (läuten) и «люди» (Leute) – омофоны, т.е. звучат одинаково, но пишутся по-разному и имеют разное значение»). Без данного ПК перевод не доносит до читателя смысла оригинала. А. Карельский не только приводит лингвистический термин «омофон», но и дает ему определение.

Во многих ПК приводится информация относительно имен географических: *Sie hieß Laura und kam wie der Großvater aus Adrianopel* [12, S. 25] / *Звали ее Лаура, она, как и дед, была родом из Адрианополя* [3, с. 24]. (ПК: «Адрианополис (греч.) или Эдирне (тур.) и Одрин (бол.) – город на северо-западе Турции, в европейской части страны, на границе с Грецией, в 20 километрах от границы с Болгарией»). Можно предположить, что А. Карельский не просто «снабжает» читателя знаниями о местоположении города, но намеренно акцентирует внимание на царившем вокруг Канетти-ребенка многоязычии.

Практически каждый топоним получает в ПК дополнительную информацию: «Вёртерзее – озеро на юге Австрии, со второй половины XIX в. – престижный курорт» или «Зибенбюрген – немецкое устаревшее название Трансильвании» [3, с. 35].

А. Карельский дает комментарии литературоведческого характера: *Ein anderes Lieblingswort von ihm war «island». Es muß für ihn eine eigene Bedeutung gehabt haben, daß England eine Insel war; vielleicht empfand er es als eine Insel der Seligen* [12, S. 55] / *Еще он очень любил слово «island». Возможно, он придавал особое значение тому, что Англия лежала на острове; возможно, он считал, что это и есть тот самый остров блаженных»* [3, с. 51] (ПК: «Острова блаженных – мифическая область, страна счастья и бессмертия где-то на краю света или даже в мире ином. Этот образ, заимствованный из мифов, оказал большое влияние на развитие европейской утопической мысли»). Обращает на себя внимание авторский стиль переводчика, обычно ПК содержит признаки научного или научно-популярного стиля, ПК А. Карельского включает субъективную оценочную

характеристику.

Вторая книга автобиографической трилогии «С факелом в голове. История жизни 1921-1931» [4] содержит 127 ПК, третья книга «На языке глаз. История жизни 1931-1937» [5] включает 164 постраничные сноски с комментарием переводчика. Материал двух этих томов связан с периодом становления Канетти как писателя, посвящен формированию его эстетических взглядов, естественно, не без влияния конкретных людей и событий этого периода жизни.

Переводчик-комментатор знакомит читателя с литературно-историческим контекстом, с венским периодом жизни Канетти, подмечает нюансы, создает метатекст, при помощи которого «оживают» картины прошлого. Автобиографическая трилогия Канетти на русском языке, снабженная переводческим комментарием А. Карельского, является примером удачного сочетания текста перевода и переводческого комментария, который учитывает, а порой и «предвосхищает» потенциальные сложности, связанные с пониманием личности автора и эпохи.

Список использованных источников

1. Григорьян Е. Л. Художественный перевод и комментарий к нему как единое произведение / Е. Л. Григорьян // Логический анализ языка. Перевод художественных текстов в разные эпохи. – М.: Индрик, 2012. – С. 344–356.
2. Дондукова Г. П. Переводческий комментарий как разновидность профессиональной речевой деятельности: автореферат ... кандидата филологических наук. – Улан-Удэ, 2013. – 25 с.
3. Канетти Э. Спасенный язык. История одного детства. Пер. с нем А. Карельского / Э. Канетти. – Москва: Отто Райхль, 2021. – 354 с.
4. Канетти Э. С факелом в голове. История жизни 1921-1931. Пер. с нем А. Карельского / Э. Канетти. – Москва: Отто Райхль, 2020. – 372 с.
5. Канетти Э. На языке глаз. История жизни 1931-1937. Пер. с нем А. Карельского / Э. Канетти. – Москва: Отто Райхль, 2023. – 330 с.
6. Коробейникова Н. Н. Онтология комментария и его роль в понимании иноязычного художественного текста: автореферат дис... канд. филол. наук. – Барнаул, 2006. – 24 с.
7. Молчкова Л. В. Роль переводческого комментария в тексте (на материале произведения «Собачье сердце») / Л. В. Молчкова, А. А. Орлова. Самара. – 2019. – С. 133-135.
8. Остапенко Д. И. Функциональная и структурная характеристика метатекста (на материале переводческих предисловий и примечаний): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2014. – 27 с.
9. Папулова Ю.К. Переводческий комментарий как особый вид метатекста / Ю.К. Папулова // Пермский национальный исследовательский политехнический университет. Пермь. – 2015. – № 1. – С. 38-45.
10. Шастина Е. М. По следам переводов Э. Канетти на русский язык // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы VII международной конференции. Симферополь, 27-28 апреля 2023 г. – С.392-398.
11. Шастина Е. М. Проблема перевода литературных антропонимов в произведениях Э. Канетти и К. Хоффера // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы VIII международной конференции. Симферополь, 25-26 апреля

2024 г. – С.403-407.

12. Canetti E. Die gerettete Zunge. Geschichte einer Jugend / E. Canetti. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, cop.1994. - 333 S.

13. Canetti E. Das Augenspiel. Lebensgeschichte (1931-1937) / E. Canetti. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, cop. 1994. - 306 S.

14. Canetti E. Die Fackel im Ohr. Lebensgeschichte (1921-1931) / E. Canetti. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1996. - 348 S.

УДК 81

МЕДИЦИНСКИЕ ТЕРМИНЫ В ДИАХРОНИИ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ

Л. В. Ягенич,

*кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой
иностранных языков №4, Институт филологии, Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена анализу письменных научных медицинских текстов с целью выявления информационной насыщенности научных трудов. В связи с развитием медицинской науки в текстах находим интегрированное употребление медицинских терминов, переходящих в ежедневное употребление. Высокая информационная насыщенность определяется частой функционирования терминов. Употребление терминов в трактатах фиксировалось в англоязычных трудах XVII-XIX века, которые выделяются как основной источник систематизации медицинской терминологии. Анализ трактатов и выделение терминов осуществлялось методом сплошной выборки, функционирование медицинских терминов иллюстрирует структурно-логическую информатизация медицинских действий, клинических состояний и постановки диагнозов.

Ключевые слова: письменный научный медицинский текст, профессиональная лексика, информационная насыщенность, термины.

Summary. The article is devoted to the analysis of written scientific medical texts in order to identify the information scientific works content. Due to the development of medical science, we find the integrated use of medical terms in texts that have become part of everyday usage. The high information density is determined by the frequent use of terms. The use of terms in treatises was recorded in English works from the XVIIth to the XIXth century, which are considered the primary source of medical terminology systematization. The analysis of treatises and the identification of terms were conducted using a continuous sampling method, and the use of medical terms illustrates the structural and logical information content of medical actions, clinical conditions, and diagnoses.

Key words: written scientific medical text, professional vocabulary, information density, terms.

Динамичность языка является отражением развития науки и культуры. Появление новых слов обусловлено прогрессивной деятельностью человека, который закладывает смысл и значения термина, дает определение. Полагаем, что тенденция динамичность проявляется через «упрощение» языка. Терминологический аппарат способствует быстрой передачи большого количества информации. В прошлом веке появление терминологии обусловлено развитием клинической медицины:

кардиологии, эндокринологии, гастроэнтерологии, гематологии, нефрологии, онкологии, пульмонологии, ревматологии; изобретением новых диагностических устройств и методов, например, магнитно-резонансная томография (*MRI*), *появятся новые заболевания AIDS, BSE* (Губчатая энцефалопатия крупного рогатого скота, или так называемая болезнь коровьего бешенства), *птичий грипп (virus H5N1), свиной грипп (virus H1N1) и т.п.*

Формирование новых терминов постепенно становятся частью общего языка в связи с обсуждением состояния здоровья между людьми, – таким образом, между общим (кодифицированным) языком и языком медицинской науки существует очень тесная взаимосвязь. Язык науки составляет около трех четвертей всех письменных и печатных материалов на общем языке в каждой стране. В то время как общий язык служит всем своим пользователям, язык науки требует определенного уровня научного образования, поскольку термины как названия определенных понятий лишь указывают на их значение. В медицинской терминологии можно наблюдать два совершенно разных явления: формирование стандартизированной международной стандартизированной анатомической терминологии и быстро развивающейся клинической терминологии всех медицинских отраслей, характеризующуюся определенной терминологической вариативностью.

При этом научным трудам характерна сжатость изложения материала и четкость формулировок, что информационную насыщенность текста. Вслед за Н. С. Валгиной [1], рассматриваем информационную насыщенность текста как структурированно изложение насыщенности новизной в письменном тексте. Информационную насыщенность в тексте можно повысить или снизить, исходя из назначения самого текста. Сама степень насыщенности изложения может быть авторским стилиобразующим фактором, что обеспечивает однозначность и демонстрацию доказательной базы. Поэтому, информационно насыщенный текст обеспечивает логическое изложение в тексте через смысловое изложение последовательного описания результатов научного исследования. Однако всегда есть стремление в разумных пределах сократить изложение без потери смысла, то есть повысить информационную насыщенность. В рамках данной статьи целью определяем информативную функциональность медицинских терминов.

Общая цель создания текста – сообщение информации. Общее количество информации, содержащейся в тексте – это его информационная насыщенность. Однако ценностью обладает прежде всего новая информация, научная, доказательная, то есть прагматическая, являющаяся показателем информативности текста.

Информативность текста можно повысить свертыванием информации за счет сокращения объема текстового пространства посредством использования терминологии путём сохранения информационного объема.

Трудности определения и исследования термина связаны с его двуединой сущностью; понятийной и языковой. С одной стороны, термин является единицей определенной системы научных понятий, с другой стороны, он является единицей общеязыковой, поскольку принадлежит к лексической системе естественного языка [4]. Винокур Г. О. полагает, что термины – это не особые слова, а только слова в особой функции. Особая функция, в которой выступает слово в качестве термина, это функция названия. В функции названия очень часто выступают и слова обиходного значения, и бытовые слова могут быть терминами [2].

Единодушное осознание специалистами потребности в однозначном понимании терминов определяет положение в терминологии естественных, точных и технических наук [3]. Современная медицинская широкая и сложная в понятийном и содержательном отношении систем терминов. Интенсивное увеличение объема медицинской информации сопровождается появлением новых терминов в медицинской литературе.

Следует отметить, что в XX веке значительно выросло число частных микротерминосистем, выражающих понятия, связанные с диагностикой, лечением и профилактикой болезней, поражающих преимущественно отдельные органы и системы (эндокринология, пульмонология, урология, нефрология, сексопатология, гематология, артрология, гастроэнтерология, кардиоваскулярная хирургия, абдоминальная хирургия, нейрохирургия и др.). За последние десятилетия достигли внушительных размеров узкоспециальные лексиконы кардиологии, онкологии, рентгенологии, иммунологии, медицинской вирусологии, наук гигиенического профиля. Дифференциация наук и областей знания облегчает обмен информацией в пределах узкой специальности, но затрудняет взаимопонимание в рамках макротерминосистемы медицины.

Междисциплинарные теории с применения понятий и методов влияют на интеграцию наук в медицине, например, терминология трансплантологии, складывающаяся в значительной степени в результате общей и оперативной хирургией, а хирургическая терминология зачастую пересекается со сферой анестезиологией, реаниматологией, иммунологией, патофизиологией, генетикой, фармакологией, морфологией и биохимией, а также с такими науками, как физика, химия, технология материалов, этика, дентология, социология и др. Таким образом, можно сделать вывод, что отличительной чертой медицинской терминологии является наличие общенаучных, общемедицинских (макротерминосистемных) терминов и узкоспециальных или микротерминосистемных терминов. С целью выявления значимости изучаемой терминологии представляется целесообразным рассмотреть наличие медицинских терминов в медицинских англоязычных трактатах XVII-XIX веков.

С некоторыми аспектами первых словарей и глоссариев, которые печатались в медицинских трактатах, можно ознакомиться в свободном доступе:

<https://leme.library.utoronto.ca/lexicons/489/details#fulltext>

<https://www.thornber.net/medicine/html/medgloss.html>

<https://web.archive.org/web/20061109200928/>

<http://www.wrongdiagnosis.com/lists/dictionary.htm>

В медицинских трактатах фиксируются общеупотребительные медицинские термины, большой процент которых вошел в употребление и был зафиксирован с XVII-XIX века, выделяем их основными в систематизации медицинской терминологии. Анализируя трактаты, основываемся на медицинские термины, полученные методом сплошной выборки из научных трудов, в функции которых не входит структурно-логическая информатизация о том или ином медицинском действии, клиническом состоянии, диагнозе и т.д.

Анализ трактатов [6-10] позволяет представить примеры терминов, функционирующих в медицинских трудах:

XVII век: headache, fever, cancer, infection, ulcer, inflammation, measles, pleurisy, paroxysm, emphysema, paralysis, gonorrhea, asthma, artery, vein, gland;

XVIII век: flu, influenza, malaria, hepatitis;

XIX век: anemia, appendicitis, bronchitis, phlebitis, breast.

Полагаем, что интерес к медицине способствует популяризации науки и употребления медицинских терминов за пределами научных работ. Наличие большого количества специальных медицинских терминов в научных трудах позволяет говорить о развитии медицинской науки и профессионального языка.

Список использованных источников

1. Матвеева О. В. Сопоставительный анализ лексикографических дефиниций медицинских терминов: диахронический аспект // Язык и культура (Новосибирск). – 2012 – №1-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnyy-analiz-leksikograficheskikh-definitsiy-meditsinskih-terminov-diahronicheskiy-aspekt> (дата обращения: 30.01.2026).

2. Валгина Н. С. Теория текста. – М., 2003. – 173 с.

3. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Моск. ин-та истории, философии и литературы. – Т.У. Сб. статей по языковедению. – М., 1939. – С. 56.

4. Гринев С. В. Введение в терминографию. – М.: Моск. пед. ун-т. – 1996. – С. 161.

5. Ягенич Л. В. Новые слова в письменных научных медицинских текстах (на материале англоязычных трактатов XVII века) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-slova-v-pismennyh-nauchnyh-meditsinskih-tekstah-na-materiale-angloyazychnyh-traktatov-xvii-veka> (дата обращения: 26.01.2026).

Источники анализа:

6. Cooper S. P. The Anatomy of the Breast. London: Harrison and CO, Printers 45, st. Martin's Lane. 1840.

7. Cowper W. An account of diverse schemes of arteries and veins // Phil. Trans. 1702. Vol. 23: 1177-1201.

8. Cowper W. An account of two glands and their excretory ducts lately discover'd in human bodies // Phil. Trans. 1699. Vol. 21: 364-369.

9. Floyer J. A. Treatise of the Asthma. 1698. [Electronic resource]. https://books.google.com/books?id=1OY87BZLco8C&printsec=frontcover&dq=inauthor:%22Sir+John+Floyer%22&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwiTIJfcmonUAhXCPRQKHZb_AdoQ6AEIKDAA#v=onepage&q&f=false (дата обращения 17.09.2021).

10. Vicary Th. Vicar's Anatomy of the Body of Man. London: Publish for the Earth English Text Society by N. Trubner & Co., 57&59 Ludgate Hill. 1888. – 326 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аблялимова А. Ю., обучающаяся магистратуры, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Аметшяев А. З., обучающийся магистратуры, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

Анфиногенов Д. А., обучающийся магистратуры, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Багаева К. В., обучающийся, Южный федеральный университет

Баканова М. В., кандидат педагогических наук, доцент, Пензенский государственный университет

Балтынова А. Ш., Phd, и.о. доцента, Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилва

Бармина Е. А., кандидат филологических наук, доцент, Севастопольский государственный университет

Беджанян К. Г., кандидат филологических наук, доцент, Институт литературы имени М. Абеяна НАН РА; Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна

Белан И. И., обучающийся, Севастопольский государственный университет

Белялова А. Р., обучающаяся магистратуры, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Вихриева И. В., кандидат филологических наук, ст. преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Воротникова А. Э., доктор филологических наук, доцент, Воронежский государственный педагогический университет

Глухенькая Л. Н., кандидат филологических наук, ст. преподаватель, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Гулько И. В., обучающийся магистратуры, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Демидова О. Р., доктор философских наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Дроздова Е. В., кандидат политических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет

Дронякина Н. В., кандидат филологических наук, доцент, Херсонский государственный педагогический университет

Зайналова М. И., обучающийся, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Зеленцова М. Г., кандидат филологических наук, доцент, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Исмаилова Э. А., кандидат филологических наук, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

Каменская И. Б., кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой филологических дисциплин и методик их преподавания Евпаторийский институт социальных наук, Евпаторийский институт социальных наук (филиал), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Карбань Н. А., обучающийся, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Кирпикова В. В., ассистент, Амурский государственный университет

Козлова С. А., аспирант, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

Козлова Ю. А., обучающаяся, Севастопольский государственный университет

Колесник А. А., обучающийся, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Коханова А. В., кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Крицкая Б. А., обучающаяся, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Логунова Т. А., старший лаборант, Евпаторийский институт социальных наук (филиал), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Лукинова М. Ю., кандидат филологических наук, доцент, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Лучникова А. В., ст. преподаватель, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Лушников Г. И., доктор филологических наук, профессор, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Медведева М. С., кандидат филологических наук, доцент, Ростовский юридический институт

Му Цзянмин, аспирант, Российский университет дружбы народов

Назарова И. Г., кандидат филологических наук, доцент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

Норец М. В., доктор филологических наук, доцент, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Осадчая Т. Ю., кандидат педагогических наук, доцент, Севастопольский государственный университет

Оспанова Ф. А., кандидат филологических наук, Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилёва

Павленко Е. А., кандидат филологических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет

Паращий Е. В., обучающийся, Гуманитарно-педагогическая академия

(филиал), Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Паишкова М. Н., кандидат педагогических наук, ст. преподаватель,
Санкт-Петербургский государственный университет

Петрова О. В., кандидат филологических наук, доцент,
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова

Полтавченко К. А., обучающийся, Гуманитарно-педагогическая
академия (филиал), Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского

Привалова Е. П., кандидат филологических наук, Московский
государственный лингвистический университет

Резеньков В. Е., аспирант, Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина

Рейнова А. В., ассистент, Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского

Рудометова А. Ю., ст. преподаватель, Южный федеральный
университет

Сафарова З. А.-Г., кандидат филологических наук, доцент, Крымский
инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

Смирнова Л. Е., кандидат педагогических наук, Медицинский
университет Петровского

Смольяникова А. А., обучающаяся, Севастопольский
государственный университет

Соколова Е. Н., кандидат философских наук, доцент, Московский
государственный лингвистический университет

Станевич С. В., кандидат филологических наук, доцент,
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

Стрельцов А. А., кандидат педагогических наук, доцент, Институт
филологии, журналистики и МКК, Южный федеральный университет

Татевосян Р. В., доктор филологических наук, профессор, Армянский
государственный педагогический университет имени Хачатура Абовяна

Трофимова В. С., кандидат филологических наук, независимый
исследователь

Трофимова Т. Н., соискатель, Институт истории естествознания и
техники им. С. И. Вавилова

Фабрина А. В., преподаватель, Институт филологии, Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского

Фомин Э. В., кандидат филологических наук, доцент, Чувашский
государственный институт культуры и искусств

Чернышова Т. Г., кандидат педагогических наук, доцент, Институт
филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Чечотенко М. А., обучающийся, Институт филологии, Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского

Шастина Е. М., доктор филологических наук, профессор,

Елабужский институт, Казанский (Приволжский) федеральный университет

***Ягенич Л. В.**, кандидат педагогических наук, доцент, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского*

СОДЕРЖАНИЕ

Анфиногенов Д. А.	
Анализ перевода первого «громового» слова в романе «На помине финнеганов».....	3
Баканова М. В.	
Архаизмы в баснях И. А. Крылова и способы их передачи на английский язык.....	8
Бармина Е. А., Гунько И. В.	
Функциональная роль фразеологизмов с конмонентом-зоонимом в текстах современных СМИ.....	12
Беджанян К. Г.	
Перевод одного стихотворения Булата Окуджавы на английский язык.....	18
Белан И. И.	
Сюжетно-композиционный троп «ненадежный рассказчик» в жанре космического ужаса на примере новелистики Г. Ф. Лавкрафта.....	24
Вихриева И. В., Пашкова М. Н.	
Применение инструментов искусственного интеллекта при обучении РКИ аспирантов-медиков на материале научного текста по специальности.....	29
Воротникова А. Э.	
«В стереоэффекте языков»: роман К. Петровской «Vielleicht esther».....	36
Глухенькая Л. Н.	
Поговорим начистоту: язык «новой искренности» в творчестве К. Э. Даффи.....	41
Демидова О. Р.	
Эстетика перевода: перевод как игра.....	46
Дроздова Е. В., Соколова Е. Н.	
Студенческий проект как элемент профессиональной подготовки лингвистов/переводчиков.....	49
Дронякина Н. В.	
Лингвистическая интерпретация термина «подсвинки» в речи президента РФ и его варианты перевода на английский язык.....	54
Зеленцова М. Г.	
Межъязыковой инжиниринг: локализация на стыке перевода, маркетинга и технологий.....	57
Исмаилова Э. А.	
Структурно-семантические особенности английских компьютерных терминов.....	64
Кирпикова В. В.	
Особенности передачи внутрилингвистических значений, построенных на отношениях сходства морфемной структуры, с китайского языка на русский.....	68

Козлова Ю. А.

Лингвистические особенности компьютерно-игрового дискурса.....71

Козлова С. А.

От Тургеневской девушки к строительнице нового мира: концепт феминности в классической русской и ранней советской культурах.....76

Колесник А. А.

Как цифровые инструменты повышают мотивацию к изучению английского языка в школе.....80

Коханова А. В.

Аллюзии в заголовках британской прессы: миграционный дискурс.....82

Крицкая Б. А., Зеленцова М. Г.

Способы передачи эмоциональной окраски австралийской речи в русском переводе романа Питера Кэри «Вдали от дома».....87

Логунова Т. А., Каменская И. Б.

Современные подходы к повышению квалификации преподавателей английского языка. Анализ ДПППК «Методика обучения английскому языку: традиции и новаторство».....93

Лукинова М. Ю., Белялова А. Р.

Особенности перевода социолекта подростков: фонетический и лексический уровень.....97

Лукинова М. Ю., Зайналова М. И.

Теоретические основы и практические приемы локализации мультфильмов: анализ на примере мультфильма «Душа».....103

Лукинова М. Ю., Карбань Н. А.

Концепт – речевой портрет – идиостиль108

Лучникова А. В.

Минусы и плюсы использования студентами ИИ на занятиях по английскому языку в неязыковом вузе.....113

Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю.

Элементы научного дискурса в художественном тексте (на материале произведений современных англоязычных писателей).....120

Лушникова Г. И., Полтавченко К. А.

Транскреация культурно-знаковых элементов при переводе русских народных сказок на английский язык.....125

Медведева М. С.

Грамматические и стилистические особенности и трудности перевода экологической терминологии.....128

Му Цзянмин

Игровые методы обучения деловому китайскому языку студентов российских гуманитарных вузов.....133

Норец М. В.

Мотивный анализ романа Д. Брауна «Код Да Винчи».....138

- Osipanova F. A., Baltynova A. Sh.***
The role of digital literacy in teaching foreign languages to children.....142
- Pavlenko E.***
On the issue of «translator's false friends» in business and business-related texts.....147
- Паращий Е. В.***
Тема детства в произведениях Стивена Кинга.....151
- Петрова О. В.***
Об использовании машинного перевода в публичном пространстве и требованиях к качеству перевода.....155
- Привалова Е. П.***
К проблеме перевода фразеологизмов в детской литературе.....160
- Резеньков В. Е.***
Культурный перевод в глобальном мире: обстоятельства использования и востребованность.....167
- Рейнова А. В.***
Лингвокреативность vs алгоритмическая обработка: когнитивные пределы искусственного интеллекта в переводческой деятельности.....171
- Рудометова А. Ю., Багаева К. В.***
Стратегии перевода классического трактата: сравнительный анализ русскоязычных версий «Искусства войны» Сунь-цзы (на примере переводов В. В. Башкеева, Н. И. Конрада и В. В. Малявина).....174
- Сафарова З. А., Аметшаев А. З.***
Арабские заимствования в современной немецкой прозе (на примере произведений Рафика Шами).....179
- Смирнова Л. Е.***
Тематические семинары на занятиях по иностранному языку как форма речевого общения.....183
- Смольяникова А. А.***
Функции аллюзии в теории интертекстуальности.....186
- Станевич С. В., Назарова И. Г.***
Мария Фон Эбнер-Эшенбах: мировоззрение и стиль.....190
- Стрельцов А. А.***
Неправильности в речи сказочных персонажей и способы их перевода (на примере повести А. Линдгрэн «Рони, дочь разбойника»).....196
- Татевосян Р. В.***
Неизменность любви (Стихотворение Лермонтова «Расстались мы, но твой портрет... » в переводах на армянский).....200
- Трофимова В. С., Трофимова Т. Н.***
Формирование астрономической и математической лексики в первом русском переводе «Космотеороса» Христиана Гюйгенса (1717, 1724) в сравнении с немецким и английским переводами.....204

Фабрина А. В.

Интеграция принципов когнитивной лингвистики в практику перевода.....209

Фомин Э. В.

Перевод чувашских ойконимов на русский язык.....213

Чернышова Т. Г., Абляимова А. Ю.

Код-свитчинг и билингвальная компетенция как факторы эффективности перевода в профессиональной коммуникации.....217

Чечотенко М. А.

Проблемы перевода молодёжного сленга в англоязычных сериалах (2000–2020-е гг.).....221

Шастина Е. М.

Размышления о переводческом комментарии.....223

Ягенич Л. В.

Медицинские термины в диахронии научных текстов.....228

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....233

Научное издание

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД**

Материалы X юбилейной международной
научно-практической конференции

*Симферополь
28 – 29 апреля 2026 года*

Верстка Н. К. Норец

В авторской редакции

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 14,02. Тираж 100 экз. Заказ № 10А/41.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ»
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, зд. 31а.
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arialprint.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, зд. 31а.
Тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arialprint.ru